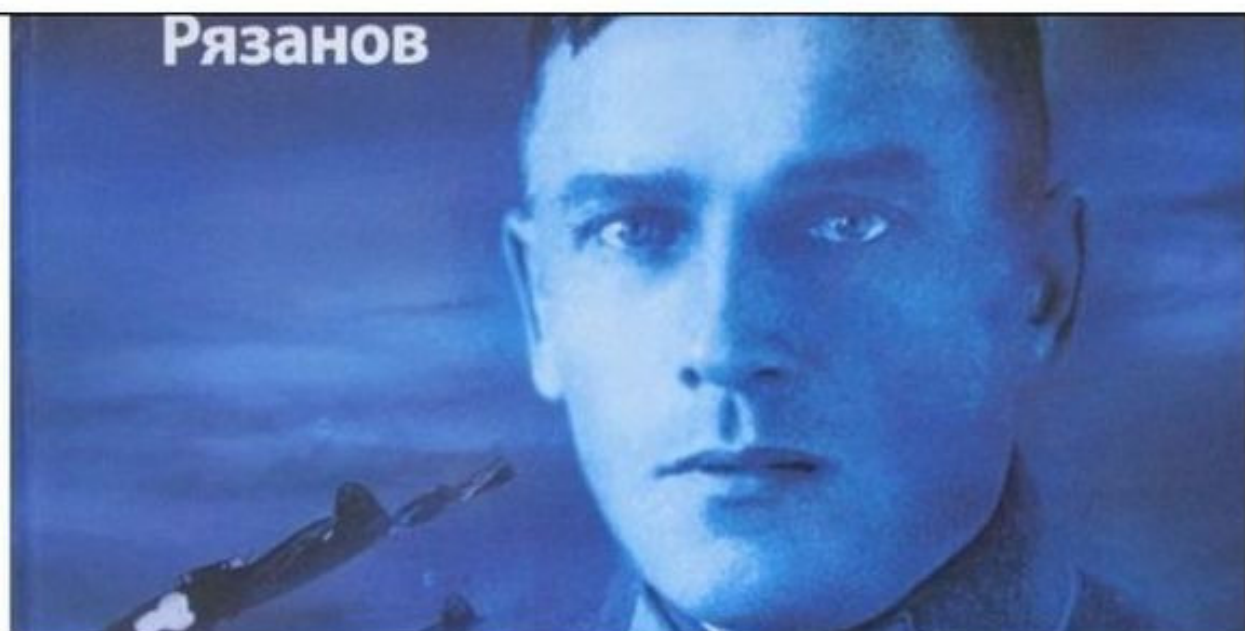


18+ Василий Васильевич Рязанов

*Жизнь и война
генерала
Василия
Рязанова*

Книга 2



Василий Рязанов

**Жизнь и война генерала
Василия Рязанова. Книга 2**

«Издательские решения»

Рязанов В. В.

Жизнь и война генерала Василия Рязанова. Книга 2 /
В. В. Рязанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988352-0

О жизненном и боевом пути дважды Героя Советского Союза гвардии генерал-лейтенанта авиации Василия Георгиевича Рязанова (1901—1951). Он командовал первым соединением штурмовиков Ил-2, 1-м гвардейским штурмовым авиакорпусом. О боевых операциях, о летчиках, воевавших под началом Рязанова. На основе воспоминаний одного из них, С. Д. Луганского, написан сценарий известного фильма «В бой идут одни „старики“».

ISBN 978-5-44-988352-0

© Рязанов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 14. Кировоград	7
Глава 15. Корсунь-Шевченковский	34
Глава 16. Умань. Ботошаны. Яссы	63
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Жизнь и война генерала Василия Рязанова

Книга 2

Василий Васильевич Рязанов

© Василий Васильевич Рязанов, 2020

ISBN 978-5-4498-8352-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-8318-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В книге 1 описаны детство, юность Рязанова, его довоенная жизнь. Начало войны, отступление, окружения под Киевом, Харьковом. Командование Рязановым дивизией, МАГ, 2-й истребительной авиаармией, формирование и первые бои 1-го шак на Калининском, Северо-Западном, Воронежском, Степном, 2 Украинском фронтах. Курская битва, освобождение левобережной Украины, форсирование Днепра.

Мой старший брат Георгий высказал справедливое замечание, что в книге не хватает живого отца. Когда умер отец, мне было два года и десять месяцев. Я его не помню, и мне сложно описывать его, как человека. Могу только домысливать, пользуясь воспоминаниями тех, кто его знал. Сейчас не осталось тех, кто его знал, кроме редких исключений. Но при жизни он оставлял о себе яркие впечатления. Он был энергичным, активным. Как любой активно действующий человек, он менялся. До ареста, например, он был суровым, стремился вверх. Таким он остался. Но после тюрьмы, наверное, смягчился, стал более терпимым. В войну надо было руководить вчерашними мальчишками, вникая в их заботы и проблемы, надо было налаживать отношения с сотрудниками и коллегами из других родов войск. Все это он делал, и делал душевно, вкладывая в отношения и с летчиками, и с командирами обаяние, юмор. Такой стиль общения, видимо, был для него естественным. Хотя существуют определенные противоречия между сухим языком военных приказов и простыми человеческими чувствами. Авиация включает в себя и романтику, и рутину. Но боевые события волновали его. Он пишет описание воздушного боя 30 октября 1942 года взволнованно и эмоционально. В фильме «В бой идут одни старики» он незримо присутствует. Его решения – о воздушных боях за плацдарм, разведке, и других событиях есть в фильме. Он, по словам К. А. Белододе, подолгу беседовал с Луганским, воспоминания которого использованы при написании сценария фильма, и который стал одним из прототипов маэстро. Таким образом, он влиял на маэстро. Я как-то невольно пытался сопоставить его образ с такими разными писателями и поэтами, как Булгаков, Высоцкий, Лимонов. Почему, даже не знаю. Что-то общее возможно, есть. А, может, и нет.

В этой книге описаны события от боев за правобережную Украину до конца войны. Нумерация глав сквозная, продолжает нумерацию первой книги.

Глава 14. Кировоград

Плацдарм на правом берегу был расширен. Когда навели понтонный мост, по нему пошли на правый берег танки, пушки, автомашины. Перебазировались и полки корпуса. Летчики перелетели, но в корпусе были и радисты, и техники, и другие сотрудники. Мама рассказывала про их переправу: «Переправлялись всю ночь, сидя в открытом кузове полуторки, из которого легче выпрыгивать в случае попадания снаряда или мины, чем из закрытого фургона радиостанции. Непрерывный обстрел. Разрывы в воде вокруг моста, на самом мосту. Движение останавливается, убираются разбитые участки моста, заменяются новыми. Мы стоим под обстрелом, ждем. Ощущения неприятные. Нет окопов, щелей, куда мы привыкли прятаться, земли, к которой можно прижаться. Весь мост занят. Ни развернуться, ни обогнать кого-то невозможно. Лента техники ползет со скоростью улитки. Клонит ко сну, но была команда: не спать. Мы будим друг друга, если кто-то засыпает. Переправа окончилась под утро. На правой стороне стоял регулировщик и повторял: – Это место сильно простреливается. Не останавливайтесь, проезжайте дальше, на пятачок. Мы не успели далеко отъехать. Метрах в тридцати от реки ранило Климова, водителя. Осколок мины попал ему в пах. Некому было вести машину. Кто-то отодвинул ее в сторону от дороги. Механик перевязал Климова, а проезжавшая машина забрала его в санчасть. Мы несколько часов сидели в придорожной канаве, прячась от нескончаемого обстрела. Незнакомый солдат отогнал нашу машину и нас вместе с ней на пятачок. Плацдарм обстреливался вражеской артиллерией. Его непрерывно атаковали танки и авиация противника. Мы разыскали свою радиостанцию, получив выговор за опоздание. Приехали на место, где разворачивался НП и где готовился прорыв. Наши штурмовики уже работали» [5].

«Забавный случай произошел при переправе через Днепр с Люсей Смирновой. Телеграфный взвод подъехал, наверное, к тому же понтонному мосту в машине, где стояли их телеграфные аппараты. У переправы скопилась огромная очередь. Немцев уже немного отогнали и артиллерийский обстрел был слабее, чем во время нашей переправы, зато случались частые бомбежки. Девчонки веселые, довольные, едут вперед. Смеются, машут танкистам, шутят с пехотой. Пропускная способность переправы очень маленькая, мост неустойчивый. В рощице на этой стороне стоят танки, машины, другая техника, солдаты. Наша машина где-то в хвосте огромной очереди. Кто-то командует, распоряжается очередностью переправы. В первую очередь пускают машины с боеприпасами. Девчонки болтают со знакомыми. Дело к вечеру, а неизвестно, когда будут переправляться. Люсю все время клонило ко сну. Вдруг кричат „Воздух!“ Командир роты Круглов приказывает: – Все с машины! Бегом в лес, дальше от переправы! Все побежали подальше, а Люся накрылась чем-то, чьими-то шинелями, брошенными в машине, и осталась сидеть там. Сидела и заснула. Бомбежка кончилась. Все собрались. Уже и очередь подходит переправляться. Пересчитали всех, а Люси нет. Ищут повсюду, кричат, спрашивают других. Никто не знает, где она. И среди раненых и среди убитых не находят. Стали разбирать шинели, а под ними белая люськина голова, она яркая блондинка с буйной такой шевелюрой. Стали, конечно, смеяться, как она могла спать под такую бомбежку. Переправились без происшествий, потихоньку. На той стороне начали ставить аппараты, налаживать связь. Кабельщики взвалили на себя катушки и побежали с ними».

Конев произвел скрытный маневр. 5-я гв. А снялась с плацдарма у Кременчуга, передав свои позиции 4-й гв. А, переправилась на левый берег Днепра, совершила 100-км марш вдоль фронта на юго-восток, затем снова переправилась на правый берег Днепра, на плацдарм у Куцеголовки. Этот маневр полностью аналогичен широко известной операции 3-й гв. ТА, проведенной чуть позже. На плацдарм была скрытно введена ударная группировка фронта –

5-я гв. ТА и 7-й гв. мехкорпус. Все эти переброски войск немецкая разведка не обнаружила. Наш главный удар предусматривался в стык немецких армий.

Утром 15 октября войска фронта перешли в наступление. Противник сразу же стал контратаковать с танками и авиацией. Наша авиация активно действовала над полем боя. 15 октября у немцев было 250 самолетовылетов, у нас – 470. Советские войска в высоких темпах прорывали немецкую оборону. В течение дня 16 октября прорыв обороны был завершен, началось наступление на Пятихатки. Ударной группировке фронта помогали авиакорпуса И. С. Полбина и В. Г. Рязанова. Конев писал: «19 октября танкисты П. А. Ротмистрова при поддержке бомбардировочной авиации И. С. Полбина и штурмовиков В. Г. Рязанова вырвались вперед и, преодолевая сопротивление врага, освободили город и крупный железнодорожный узел на Правобережной Украине – Пятихатки» [1]. Манштейн: «Между армиями образовался широкий проход». Манштейн спешно ввел в бой сразу четыре дивизии, прибывшие из Италии и Франции, а оставшиеся резервы перебросил к Кривому Рогу [14]. Но 23 октября 1943 года танкисты 5-й гв. ТА ворвались в Кривой Рог. И. С. Конев: «Лично я был в этот день утром на наблюдательном пункте П. А. Ротмистрова перед Кривым Рогом, видел бой за город, наблюдал действия армии и активную поддержку танкистов штурмовой авиацией корпуса В. Г. Рязанова. В. Г. Рязанов был тут же на НП П. А. Ротмистрова» [1]. Девятки Илов заходили на цели и по командам Рязанова накрывали огневые точки и танки врага. Рязанов же в письме домой писал: «В большой дружбе с танкистами, много приходится вместе с ними работать».

26.10.43 восьмерка Илов 735-го шап работала в районе Ладомирово. За 4 захода, 12 атак, уничтожила 4 танка, до 10 автомашин, 3 зенитных батареи и 1 артбатарею. Рязанов с КП объявил группе благодарность. 28.10.43 группа 17 Илов 735-го шап работала в круге с высоты 500 м до бредущего по окопам противника на юго-восточном скате высоты 437. Под сильным огнем ЗА и МЗА сделали 6 заходов, 12 атак, уничтожив 2 батареи МЗА, 1 минометную батарею, до 50 врагов. Группы Илов, которые вели Одинцов и Компаниец, 29.10 разгромили Кировоградский аэродром, уничтожили 20 самолетов, сожгли склад горючего. При подходе к цели 17 Илов Компанийца атаковали 4 Фв-190, а в районе цели – уже 20 Фв-190 и Ме-109. Одинцов и его ведомые сбили 3 «фоккера» из 6, напавших на них. Взорвали склад боеприпасов. 26 Илов не понесли потерь, несмотря на сильные атаки неприятеля. Чувства и ощущения летчика-штурмовика переданы в книгах М. П. Одинцова «Испытание огнем», «Преодоление». На столетнем юбилее Рязанова он выступал, и не смог сдержать слез. Когда на Кировоградском направлении 29.10 противник перешел в контрнаступление, ценные разведданные доставила пара Илов, ведущий Кудрявцев. Они обнаружили в районе Веселый Кут и Великий 80 танков, севернее Кривого Рога 30 танков, на станции Морозовка 2 эшелона с боеприпасами. 30.10.43 в самолете мл. лейтенанта Кобзева пробил бензобак, маслом залило стекло. Но летчик умело и хладнокровно пилотировал, посадил машину на аэродром. 6.11.43 очень успешный удар, получив благодарность Рязанова, нанесли 8 Илов 673-го шап в районе Грузиновка, Красный Орлик: 10 танков, 8 машин, точка МЗА, 30 солдат и офицеров – их добыча. 1.11.43 за срыв контратаки Ротмистров объявил благодарность шестерке Илов Шакурина.

Рязанов на КП говорил Ротмистрову: скорости разные у танков и самолетов. Мои Илы истребители прикрывают, они тоже быстрее, ходят ножницами над штурмовиками, чтобы не обогнать. Василий Георгиевич жестами показал движения Як-1. – Но даже если Илы так будут делать, все равно танки обгонят. Только ваши и мои команды помогут хорошо сработать нам вместе. Мои группы уже в воздухе, минут через десять подойдут. У них цели есть. Может, что-то срочно надо ударить, помимо того, что мы обсуждали? Ротмистров потом говорил, что штурмовики очень мощно помогли танкистам.

10 ноября 1943 года Василий Георгиевич пишет сыну Георгию: «...Давно уже нахожусь на правом берегу Днепра, и уже далеко продвинулся от этой реки. Фашисты делают отчаянные

попытки сопротивляться, оттянуть день своего окончательного поражения, но все это бесполезно. Осень нынче сухая, поэтому естественного перерыва в боевых действиях из-за метеоусловий, по-видимому, почти не будет. А если и будет, то на очень короткий срок. Наверное, у вас уже зима, а здесь все еще сухо и сравнительно тепло. Только иногда бывают туманы. У вас пруд, наверное, замерз? Катаешься ли ты на коньках? Мне сейчас много приходится воевать вместе с одним танкистом. И мы с ним очень дружим. Возможно, даже в каком-нибудь киножурнале увидишь нас вместе. Здоровье у меня замечательное». Танкист, наверное, П. А. Ротмистров.

1 ноября капитан Богров, 673 шап, с напарников вылетел на разведку и обнаружил до 200 танков и автомашин, выдвигавшихся из района Нов. Ивановка на север в направлении поселка Заря. Богрова же во главе шестерки Илов и послали на эту цель. Тщательно проработав задание, группа в 15.40 взлетела. В районе цели сделали первый заход холостым. Во втором заходе атаковали с высоты 700—100 м в растянутом правом пеленге. Сделали 4 атаки. С высоты 600 м открыли огонь из пушек и РС и два самолета сбросили бомбы ФАБ-100. Два самолета с 200—100 м сбросили ПТАБы. Два самолета были повреждены перед вторым заходом сильным огнем МЗА из скопления танков. Группа вышла из атаки на высоте 25 м с левым разворотом на свою территорию, собралась и, несмотря на повреждения самолетов, стала производить третий заход. Перед третьим заходом огонь из танков и МЗА усилился. Третий заход группа произвела на высот 100 м, в боевом порядке правый пеленг, растянутый по сравнению с вторым заходом. Атака производилась парами, цели выбирались самостоятельно и обстреливались пулеметно-пушечным огнем. Два самолета сбросили ПТАБы. Было уничтожено 7 танков, 15 автомашин, возникло 12 очагов пожара. Успешному выполнению задания способствовало: ведущий группы сам произвел доразведку цели; первым холостым заходом показал своим ведомым расположение танков и автомашин противника; ввиду плохих метеоусловий отсутствовали истребители противника; подбор личших экипажей для выполнения поставленной задачи.

Наши войска, прорывая оборону, шли в наступление за Днепром. Их непрерывно поддерживали Илы, расчищая дорогу вперед. Радисты шли в первом эшелоне: при любом перемещении радистов посылали впереди всех для связи на новом месте. Управление 1-го шак, опергруппу 266-й шад, 66-й и 673-й шап и 247-й иап перебросили в Пальмиру. Управление 203-й иад и 516-й иап – в Калиновку. Потерь было много. Больше гибли молодые. Ветераны же опасались ударить по своим. Лётчики основательно проредили танковый кулак врага и помогли нашим танкам занять село Недайвода [2]. 2.11.43 в районе Недайвода пятерка Илов ударила по скоплению вражеских танков и автомашин. В результате уничтожено и повреждено до 6 автобензоцистерн, 5 автомашин, взорван склад с боеприпасами. В районе села Недайвода две группы вели Пошивальников и Владимир Потехин. Потехин был веселым, всегда улыбающимся. Его самолет повредил снаряд зенитки, он падал со шлейфом дыма. Стрелок непрерывно вел огонь по истребителям врага. – Прощайте. Иду на таран, – передал по радио летчик. Последним усилием Владимир направил горящую машину в танковую колонну. И до удара по танкам стрелок вел огонь [6]. Рязанов видел последний полет летчика и слышал его слова. Он снял фуражку и украдкой перекрестился, прошептав: прими, Господи, души свои положивших за други своя. В тот же день он приказал оформить наградные листы. Так же позже погиб на территории Польши летчик 800-го шап Виктор Чернышев.

2.11.43 группа 4 Ил-2 66 шап, ведущий капитан Девятьяров, в 14.40 пошла без прикрытия на танки в районе Недайвода. Рязанов подтвердил задачу, и летчики ударили с пикирования под углом 15—20 градусов. После первого захода собрались на своей территории и второй и третий заходы провели попарно с круга. Работали 19 минут без потерь под насыщенным огнем ЗА. После последней атаки, собравшись, ушли в облачность. Три больших взрыва

с пожарами, три танка, 10 автомашин, – результаты их работы. Об этом они доложили по радио Рязанову, сообщив и ценные разведданные.

2.11.43 группа 5 Ил-2 673 шап, ведущий ст. лейтенант Александров, в 13.14—13.35 пошла на танки в районе Недайвода. Рязанов подтвердил задачу, и летчики ударили. Группа сделала 8 заходов. Работали 20 минут без потерь под насыщенным огнем ЗА до полного израсходования боеприпасов. Взрыв склада боеприпасов, три танка, 5 автомашин, 6 автобензоцистерн – результаты их работы.

1.11.43 группа 4 Ил-2 66 шап, ведущий капитан Горобинский, в 14.50 пошла на танки в районе Недайвода. Группа сделала 1 заход, 4 атаки. Работали не по ведущему, а с индивидуальным прицеливанием. Уничтожили три танка, 7 автомашин, три точки ЗА. От цели ушли в сомкнутом строю со сбором группы по маршруту.

2.11.43 группа 4 Ил-2 66 шап, ведущий лейтенант Евсюков, в 14.00 пошла без прикрытия на танки в районе Недайвода. Рязанов подтвердил задачу, и в 14.14—14.30 летчики ударили с высоты 350—300 м. Первый заход с левым разворотом, уходили попарно с применением маневра «ножницы», собрались на своей территории и второй и третий заходы провели попарно с круга. Работали 15 минут без потерь под насыщенным огнем ЗА. Действия парами обеспечивали свободу маневра. После последней атаки ведущий получил команду Рязанова: поработали достаточно, идите домой. Уничтожили 5 танков, две батареи полевой артиллерии, отмечен один большой взрыв.

2.11.43 в 16.45 в районе Недайвода группу 3 Ил-2, ведущий мл. лейтенант Овчинников, атаковали 4 Фв-190. Атаку отражали все стрелки. Рядовой Баранников сбил Фв-190. Истребители противника отвалили влево и ушли курсом на юг. Один Ил-2 произвел вынужденную посадку на фюзеляж в районе Луганка.

Хорошую песню-балладу «Память» написала Нелли Мордовина, жена летчика-фронтовика Владимира Мордовина, посвятив ее летчикам 448 шап (сайт 810-shap.org):

Окопов ржавые трещины,
Зенитки в предсмертной икоте.
Илы идут на бреющем,
Путь пробивая пехоте.
Звезды на крыльях – молнии.
Врагу вся земля – могилой.
Навеки фашисты запомнили,
Как штурмовали Илы.
Руки в штурвал впаяны,
Сердца полет неистов,
Наши простые парни
Сеют смерть фашистов.
Ты их запомни, Родина,
Всех назови поименно,
С орденом или без ордена
В честь их сложи знамена.
Все они были героями,
Подвигом каждый вылет,
Над их поредевшим строем
Слава простерла крылья.

В одном вылете Девятьяров сел на вынужденную посадку, «потеряв» перед этим своего воздушного стрелка Саленко. Он от перегрузок выронил сигнальную ракету, загоревшуюся в самолете. Подумал, что самолет подбит, и, крикнув об этом летчику, выпрыгнул с парашютом. Рязанов прислал за пилотом ПО-2, а Саленко пришел сам [2].

Ротмистров попросил Рязанова, бывшего с ним на КП, дать Илы против танковой группы врага. Рязанов передал по радио на аэродром: «Вышлите Степанова, непременно Степанова!» – Почему вы хотите поручить задачу именно Степанову? – спросил член Военного совета 2-й ВА С. Н. Ромазанов. – Ведь командиру дивизии виднее, кого послать. Может быть, Степанов только что вернулся с задания? – Это верно, – ответил Рязанов, – но я знаю, кто лучше справится с задачей! Я вижу местность, метеоусловия в районе цели, наконец, характер ее, а командир дивизии отсюда далеко. Видите, какая дымка стелется над дорогой? Тут нужен глаз следопыта, чтобы с воздуха разглядеть цель и накрыть ее. Именно таким глазом обладает Степанов. Ромазанов писал, что Рязанов знает своих людей, их способности и возможности. В другой раз девятка Степанова разбила три эшелона с танками, горючим и боеприпасами на станции Знаменка. 11 раз Рязанов благодарил Степанова. Мл. лейтенант Борис Щапов 11 раз вылетал на Знаменку, уничтожил паровоз, 2 вагона, бензоцистерну, 2 танка, 12 автомашин, 3 орудия, провел 3 воздушных боя, сбил Ме-109. Еще Ме-109 и Фв-190 Щапов сбил под Кировоградом.

Как и раньше, много взаимодействовали с танкистами. Но в те дни приходилось работать не только с танкистами. Донченко в своей книге использует слова «вездесущий комкор». Рязанов находился в центре многих событий: он постоянно бывал на КП армий, утрясал вопросы взаимодействия с танковыми, стрелковыми и кавалерийскими частями, с артиллеристами. «Авиационное обеспечение боевых действий армии осуществлялось 1-м шак 5-й ВА. Для более четкого управления авиацией в ходе боя и поддержания постоянного взаимодействия с наземными войсками командир корпуса генерал-лейтенант В. Г. Рязанов находился на командном пункте армии», – писал А. С. Жадов. В отчете о боевой работе 266 шад за ноябрь 1943 г. написано: «Выход на цель производился путем детальной ориентировки и нацеливанием по радио с КП командира 1 шак».

5 ноября 1943 г. более 60 штурмовиков 1 шак наносили сосредоточенный удар по войскам и технике противника в районе Панчешки, Хвошно, Зедюлино. Кроме небольшой группы непосредственного сопровождения выделили четыре эскадрильи истребителей для прикрытия Илов в районе их действий. Командир 11 иад, выполнявшей задачу прикрытия, организовал дежурство в воздухе на направлениях вероятных подходов врага. Одна эскадрилья, патрулируя непосредственно в районе действий Илов, уничтожает врага, если он прорвется через заслоны наших Яков. Все эскадрильи патрулируют по 30 мин. Яки за 5 мин до появления Илов над целью вышли в назначенные районы. Две эскадрильи отражали удары врагов, рвущихся в район действий Илов с запада, вступая в бой с противником на дальних подступах к району прикрытия. Многие самолеты противника были сбиты или оттеснены, а одиночки, прорвавшиеся в район действия Илов, перехватили истребители непосредственного сопровождения. Создав заслон вокруг района действий Илов, наши Яки могли встречать заблаговременно самолеты противника, связывать их боем, не допуская ударов по группам штурмовиков. Илы успешно выполнили свою задачу и без потерь вернулись на свой аэродром [15]. Успех боя истребителя зависит не так от соотношения сил, как от выгод положения к началу боя, от управления боем, от подготовки летчиков (тактической), от правильного построения боевого порядка, от умения достичь внезапности, от меткости огня и пр. [8]. К истребителям применимо известное суворовское правило: «воюют не числом, а умением».

Ротмистров заехал к Рязанову, они провели совещание по взаимодействию, и сходили в баню. Ротмистров рассказал о своей недавней встрече со Сталиным. Сталин обещал усиление противотанковой и самоходной артиллерией, новые мощные танковые пушки, говорил и о надежном прикрытии с воздуха авиацией. Потом Сталин сказал, что Ставка была права, решая обороняться под Курском. – В той ситуации, когда фашисты имели почти такое же количество танков, как и Красная Армия, но обладали численным превосходством в тяжелых танках, риск наступления был необоснованным, – говорил Сталин. Раскурив свою трубку,

он заговорил о необходимости безостановочно гнать захватчиков с нашей земли. Инициатива в наступлении вместе с мощной боевой техникой, храбрыми солдатами, опытными командирами – могучая сила.

– «Я в Сибири одно время много общался с китайцами», – сказал Василий Георгиевич, не уточняя, что общение проходило в камере следственной тюрьмы НКВД. – Китайцы создали могущественную империю. Как они воюют? Главное в империи ее политическая составляющая – вертикаль власти. Китайцы строили свой «мир», «поднебесный», занимающий срединное, связующее положение в общей схеме – Небо, Человек, Земля. Китайское общество стало милитаристской, завоевательной империей. Там были храбрые солдаты и опытные командиры. Но сегодня, полагаю, русские солдаты и офицеры их превзошли. Да и русская цивилизация духовная, основанная на принципах добра, правды, справедливости, нестяжательства. Народ у нас мудрый, красивый, героический.

– Как у нас на Руси, Павел Алексеевич, – рассмеялся Рязанов. – У медведя во бору грибы ягоды беру! Дома быть или по морю плыть? Или: И Макарке – блин, и Захарке – блин. – Это на масленицу, когда: Ой, блины мои блины, вы, блиночки мои. Напекла я блины на четыре стороны. – Беда в том, что пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Сейчас все работают с полным напряжением, вкладывают в дело весь жар своего сердца, всю душу! Но, если бы в 40-м, 41-м так работали, то немцы, скорее всего, и не сунулись бы, а полезли бы, то получили бы, не было бы ни Киева в 41-м, ни Харькова в 42-м.

22 ноября 1943 года в воздушном бою в небе Украины погиб Иван Федорович Базаров, комэска 247-го иап. Капитан И. Ф. Базаров совершил 342 боевых вылета, лично сбил 12 самолетов противника и 4 в группе (11 Ме-109, 2 Ю-88, 1 Ю-87, 1 Хе-111, 1 ФВ-190). 2 сентября 1943 года за умелое командование эскадрильей, бесстрашие и воинскую доблесть ему было присвоено звание Героя Советского Союза [7]. Составили документ: «...Четыре истребителя Як-1 под командованием Героя Советского Союза капитана И. Базарова над вражеской территорией вступили в бой с двумя группами истребителей противника, в состав которых входило до 12 самолетов ФВ-190 и Ме-109. Капитан Базаров связал боем группу ФВ-190. В неравном бою он сбил один истребитель противника и поджег второй. Но не успел уйти от удара внезапно появившейся новой группы в составе четырех ФВ-190. Пушечной очередью истребитель капитана Базарова был подбит. Летчик или убит, или смертельно ранен. Неуправляемый самолет упал в районе деревни Грузное на территории противника (схема боя прилагается). Начальник воздушно-стрелковой службы 247 иап капитан Шевчук». Похоронен Базаров в селе Лозоватка Криворожского района Днепропетровской области. Село Грузное (близ Лозоватки) переименовано в Базарово. Там установлен обелиск Герою. «Для меня будто ветром задуло костер, когда он не вернулся из боя», – пел позже Высоцкий.

Гибель своих воспринималась на войне как трагедия, какой она и была. Но для возникновения нового старое должно умереть. Сложные структуры существуют только конечное время. К сложным структурам относятся и люди, и их коллективы, например, авиакорпус, и государства. Только смертное способно к самоорганизации, к самовоспроизведению. Такова эволюция. Части сложной структуры должны отмирать, чтобы жило и постоянно обновлялось целое. Отбрасывать следует и устаревшие мысли, и привычки. Надо иногда выйти из прежнего русла мышления, чтобы стать способным найти новый путь научного, художественного или другого творческого поиска. Советские полководцы в Великой Отечественной войне смогли это сделать, и победили. Да и угроза смерти давала новое, более глубокое понимание событий, высвечивала ложные идеи.

22.11.45 в 11.15 капитан Богров вел 4 Ил-2 на цель в районе Варваровка. При подходе к цели капитан заметил 8 Ме-109 и 50 Ю-87, действовавших с круга пикированием по нашим войскам. Два М-109 атаковали двух ведомых Богрова: Рыбакова сзади, сверху, сбоку и Дубошина снизу спереди под мотор – безрезультатно. Атаку отражали все стрелки. Был ранен стре-

лок Силин экипажа Рыбакова. После первой атаки Ме-109 были связаны боем истребителей прикрытия. Капитан Богров дал по радио команду: атакуем юнкерсы. И с дистанции 1000 м всей группой атаковал Ю-87 пушечным огнем в лоб. Группа Ю-87 смешалась, нарушила свой боевой порядок, начала уходить по 4—6 самолетов на свою территорию. Богров, развернув свой самолет вправо, атаковал со 150—200 м хвостовой Ю-87. Тот загорелся и круто с правым креном упал западнее Варваровки. При выходе из атаки с левым разворотом Богров увидел 7 Ю-87 в беспорядке идущих на высоте 600—700 м. Стрелок Богрова сержант Бельтиков с 50 м двумя длинными очередями сбил один Ю-87. Богров, израсходовав все боеприпасы, сбросил бомбы по автомашинам и ушел в облака. Так же поступили три его Ила.

Но в тот же день 22.11.43 группу 6 Ил-2, ведущий лейтенант Лыков, сзади сверху из-за облаков атаковали 2 Фв-190. В первой атаке был сбит мл. лейтенант Макеров, пилот погиб, воздушный стрелок Литвинов выпрыгнул с парашютом, прибыл в свою часть. Второй атакой был подбит мл. лейтенант Филатов.

Авторитет Рязанова в ВВС был непререкаемым, и авторитет был заслужен. Он высокообразован, но не гордится своими знаниями, а охотно делится ими. У него развито чувство нового, он и теоретик, и практик, и учитель, и командир, который бережет своих бойцов, и не боится брать на себя ответственность, принимая смелые решения. Уважали его и как командира штурмовиков. Штурмовая авиация была авиацией поля боя, где она выполняла свои задачи в тесном взаимодействии с наземными войсками. У них все происходило на виду, как на ладони, и они ждали помощи от штурмовиков. В наступательном бою штурмовики проталкивали вперед наши войска при прорыве обороны, а в оборонительном бою подавляли артиллерию противника и его атакующие танки. Все это происходило рядом с нашими войсками. Надо было очень четко, мужественно и смело управлять штурмовиками, чтобы не поразить свои войска. Штурмовики делали то, что не могли делать на поле боя другие рода авиации. Для успешного управления их действиями был необходим широкий оперативно-тактический кругозор, значительная ответственность и решительность. Спокойный и уверенный голос Рязанова магически действовал на штурмовиков, вселял в летчиков уверенность в том, что он их видит, в трудную минуту придет на помощь.

Рязанов воспитывал своих подчиненных, настраивая их на планомерную, возможно, монотонную, но необходимую, кропотливую и тяжелую работу. Мама, постоянно слушавшая команды и наставления Рязанова, вспоминала, что чаще всего употреблялось слово работа. Большинство летчиков, Героев Советского Союза в корпусе получили свои высокие звания не за что-то экстраординарное, а именно за хорошо выполненную опасную и нелегкую работу. Летчики, зная или предполагая, что за ними наблюдает сам генерал Рязанов, работали тщательно и самоотверженно, не за страх, а за совесть. Так их учил комкор. Они помнили слова командира и следовали им. С командирами же дивизий у Рязанова были отдельные беседы. — Ваши обязанности, и мои — тоже, это организация, руководство, планирование, прежде всего, — говорил комкор. — Дивизии должны работать слаженно и четко, а думать, как это сделать — наша с вами обязанность. Я знаю вашу смелость, волю, умение, но на ваших плечах дивизии. Умение управлять ходом событий, — вот что главное, управлять другими в бою так, чтобы они побеждали. Уверенность должна быть, твердость действий, но и широта взгляда при этом.

Перед кировоградской операцией Рязанов усилил воздушную разведку, чтобы не только изучить поле боя и тактическую глубину вражеской обороны, но и заглянуть в оперативную глубину, избежать внезапных контрударов. Кировоград немцы превратили в мощный оборонительный узел. После успешных разведок Бегельдинова Рязанов приказал назначить его командиром разведывательной эскадрильи.

Об интересном эпизоде свободной охоты в районе Кривого Рога рассказывал мне Г. Т. Красота. Они летели в паре с Ярлыковым. Долгий поиск не давал результатов. Уже больше ста километров отделяли их от линии фронта. — Ничего, — говорил себе Красота. На Кали-

нинском фронте он ходил и за двести километров. Все уверяли, что не хватит бензина. Он шел назад, поддерживая только постоянные обороты двигателя, экономя горючее по каплям. Но приходил. Сейчас же, выпрыгнув над ложбиной, он поразился. Тридцать или сорок танков противника, нарушая правила маскировки, пренебрегая самыми простыми мерами безопасности, не думая, видимо, что в таком глубоком тылу их кто-нибудь атакует, съехались на заправку. Красота тут же пикирует, командует ведомому: «Сброс бомб!», и сам нажимает кнопку. Оба летчика отбомбились одновременно. Цель была таких размеров, что трудно было промахнуться. Взрывной волной их подбросило на трехсотметровую высоту, хотя летели они на высоте сто метров. – Больше никогда, – говорил Красота, – такой удачной цели я не находил.

Немцы, видимо, очень страдали от действий штурмовиков Рязанова. И они решили обезглавить корпус, устроив настоящую охоту за его командиром. По крайней мере, три раза они пытались уничтожить Рязанова. Вот как об одной из таких акций рассказывала мама: «Вскоре после начала наступления, – не помню точно, когда, мы едва не погибли в результате заранее спланированной и хорошо разработанной акции немцев, направленной против нашего командования. Мы со своей радиостанцией приближались к селу, где в это время находился штаб, кажется, Ротмистрова. Сюда же должен был прибыть Рязанов. Мы подъезжали к окраине, когда увидели, что летит не менее сотни „юнкеров“. Никакого скопления войск в этом селе не было. Позже говорили, что шпион наводил вражеские самолеты на цель. Так, вероятно, и было. Мы остановились у небольшой рощицы и решили переждать налет. В этот момент из-за леса вынырнул маленький самолет Рязанова, летевший у самых верхушек деревьев, и, опустившись еще ниже, пошел на посадку. „Юнкеры“ тут же начали бомбить его. Из-за разрывов ничего не было видно. Непрерывные взрывы, черная пыль, гарь, тучи поднятой земли, облака дыма. Когда кончилась бомбежка, мы бросились к самолету. Армады бомбардировщиков разнесли его в клочья. Он был весь разбит. Леша Минеев, летчик, тяжело ранен в голову. Но Рязанов был цел и невредим. Он крикнул нам, чтобы мы немедленно убирались отсюда, вскочил в нашу вторую машину и поехал в село» [5].

Возможно, об этом эпизоде Рязанов писал в письме сыну Георгию 31 октября 1943 года: «...Каждый раз тебя приходится поздравлять. Сейчас поздравляю с успехами в учебе. Подумать только – ты уже в седьмом классе. Это, выходит, совсем большой парень, приеду и не узнаю.... Уже много дней, как я на правом берегу Днепра. Правда, противник изо всех сил сопротивляется, но мы все же колотим его и гоним. Недавно от бомбежки сгорел мой самолет. Но я везучий – сгорела только фуражка, а меня всего засыпало землей. Встряхнулся и пошел. В большой дружбе с танкистами, много приходится вместе с ними работать. Пиши, есть ли у тебя около школы где-нибудь во дворе уголок, где бы можно столярить, слесарить, плотничать? Есть ли инструмент: топор, пила, лопата, молоток и т.п.? Если у вас бывает кино, то, может быть, выпадет случай, что в киножурнале увидишь меня. Крепко целую. Твой папа».

Между тем налет повторился. Такой же мощный, но уже на село. Бомбы рвались в той стороне, куда поехал Рязанов. Радистки перевязали Лешу Минеева и отправили его в медсанбат на машине, ехавшей в ту сторону. Таня Лебедева, державшая на коленях голову Алексея во время перевязки, несколько дней не могла есть, – столько крови было пролито, и так ужасна была рана. В медсанбат Лешу помогли отправить подъехавшие танкисты. Таня была вся в крови. Воды не было. Но у танкистов оказались внушительные запасы трофейного шампанского, которым они и стали отмывать Татьяну от крови.

Самолет с находящимися в нем людьми – единая система. И когда на части разрывает самолет, это неминуемо отражается на пассажирах. Скорее всего, Рязанов был контужен. Но, – надо в очередной раз отдать должное силе воли генерала, – он не подал виду, действовал адекватно, командовал четко и оперативно.

Алексей Иванович Минеев перенес тяжелую операцию, но вернулся в строй. Пришел в ту же эскадрилью связи. Совмещал обязанности шеф-пилота с заботами адъютанта Рязанова.

Снова воевал, – и доблестно воевал, хотя шрам на голове оставлял жуткое впечатление. Лешка, как его называли однополчане и Рязанов – тоже, вспоминал, что первой просьбой его после ранения, когда он очнулся через шестнадцать суток беспмятства, было желание положить голову на подушку, – все это время он лежал на соломе. После войны Минеев много лет работал начальником штаба авиаотряда в гражданской авиации. Уже за мирную службу был награжден орденом Дружбы народов.

Кто-то прибежал из села и сказал, что штаб разбомбили, все погибли. Радистки перепугались, и вместо того, чтобы уезжать из села, как приказал Рязанов, помчались спасать его, думая, что он, возможно, ранен, лежит, истекая кровью, а они его спасут. Село было почти полностью разрушено. Но Рязанов и штаб той армии, куда ехали радистки, укрылись от бомбежки. Рязанов, увидев их, отругал и приказал немедленно, не теряя ни минуты, ехать за восточную окраину села, в лощину. Налет повторился, как только они отъехали. Через некоторое время начали бомбить и лощину, где многие укрывались. Это все напоминало игру в прятки, но результат этой невеселой и не детской игры становился для многих трагическим. Бомбы, сброшенные на окрестности этого небольшого села, наверное, могли бы сравнить с землей райцентр средней величины.

В другой раз это было в поселке Попельнастое в районе Пятихаток. Летчик с Рязановым прилетели раньше. Рязанов был у Ротмистрова, где они работали. «Юнкерсы» шли эшелонами. Рязанова и Ротмистрова спас адъютант Ротмистрова, сгребший их обоих в охапку и быстро вынесший в щель недалеко от дома. Спустя несколько секунд дома уже не было. Фуражка и кожаный реглан Рязанова, оставленные в доме, исчезли вместе с ним.

Под Кировоградом немцы снова сожгли самолет Рязанова. Об этом рассказал радист Николай Андреевич Кобылин. Они в паре с другим радистом работали на ВПУ. После работы радиостанцию замаскировали под стог сена. Туда прилетел Рязанов. Самолет остался у леса, на краю поля перед селом. Рязанов ушел в штаб. Тут налетела большая группа немецких бомбардировщиков и разнесла в клочья самолет. Бомбежка была настолько устрашающей, что у второго радиста Жданова не выдержали нервы, и он бросился в лес, хотя радиостанцию не бомбили. При этом он чуть не погиб, не говоря уже о том, что мог демаскировать радиостанцию, стоявшую недалеко от самолета.

В этих боях за Днепром погиб летчик Григорий Петров. Он еще в 41-м горел в самолете. Кто-то из девушек-оружейниц, видя, как он кутает в шарф обожженный подбородок, сшил ему маску на лицо из своего кротового жилета. На Калининском фронте он сбил несколько самолетов противника, получив прозвище «черной маски». На Степном фронте за его штурмовиком №6 постоянно охотились «мессера». Неравный бой 20 октября закончился гибелью Петрова.

21 декабря 1943 года Рязанов пишет сыну домой: «...Вчера получил твое письмо. Здесь тоже какое-то жалкое подобие зимы: чуть выпало снега, чуть подморозило и чувствуется, что все это в любую минуту может растаять и превратиться в грязь.

Мне очень понравилось в твоём письме, что уже сейчас начинаешь беспокоиться о предстоящих весной экзаменах. В то же время организуй свой день так, чтобы насколько возможно побольше быть на улице. А если все время будешь сидеть только за книгами, то как раз к весне можешь сдать со здоровьем. В этом отношении хорошо, что тебе приходится пилить и колоть дрова. Это очень полезная штука.

Желаю тебе успехов в учебе и во всех делах».

27.11.43 Борис Мельников обнаружил на станции Диковка паровоз и прямым попаданием бомб уничтожил его. 28.11.43 он в другой разведке на станции Куцевка поджег элеватор. 29.11.43 ст. лейтенант Быкасов с 4 Як-1 сопровождал 4 Ил-2 для удара по танкам в район Константиновки. Встретили 12 Фв-190 и 12 Ме-109. Бой был неравным и жестоким. Быкасов сбил Фв-190. Штурмовики, выполнив задачу, без потерь вернулись домой. Быкасов часто побеждал в неравных боях. Так, 14.12.43 4 Як-1 сопровождали 5 Ил-2, ведущий Горобин-

ский, в район Братолюбовка. Им встретились 6 Ме-109 и 4 Фв-190, атаковавшие Илы. Быкасов смело вступил в бой, сражаясь со своим ведомым; вторая пара оберегала Илы. Быкасов, действуя умело и решительно, сбил 1 Ме-109 и 1 Фв-190. Илы и Яки без потерь пришли домой. А 1.02.44 три Як-1, сопровождая 6 Ил-2 в район Лисянка, встретили 12 Ме-109. Быкасов сбил Ме-109. 1.05.44 4 Яка встретили 8 Ме-109. Быкасов сбил Ме-109. 3.05.44 4 Яка встретили 6 Ме-109 и 4 Фв-190. Быкасов сбил Ме-109. 5.05.44 4 Яка встретили 8 Ме-109. Быкасов сбил Ме-109. 12.08.44 4 Яка встретили 6 Фв-190. Быкасов сбил Фв-190. 10.09.44 два Яка вели воздушный бой в районе Дукля с 4 Фв-190. Быкасов сбил Фв-190. 21.10.44 4 Яка встретили 6 Ме-109. Быкасов в паре с ведомым сбил Ме-109. 325 боевых вылетов, 20 лично сбитых самолетов на счету пилота. Но – главное – Быкасов, сопровождая Илы 140-го гшп, не допустил потерь Илов от истребителей врага. В самой трудной воздушной обстановке Яки не оставляли Илы без прикрытия. Даже если строй Илов растягивался, отставали подбитые машины, Быкасов умело расставлял свои силы, не оставляя ни один Ил без прикрытия.

Тактика истребителей отлична от тактики штурмовиков. Наиболее целесообразным является боевой порядок, эшелонированный по высоте. Эскадрилья может иметь боевой порядок, эшелонированный по трем высотам. Высота верхнего эшелона должна быть больше той, на которой могут появиться в этом районе истребители противника. При таком построении боевого порядка при встрече истребители противника будут скованы угрозой атаки со стороны верхнего эшелона, и нашим истребителем, находящимся внизу, легче будет под прикрытием сверху вести бой и, если надо, набрать еще высоты.

Необходимое условие для того, чтобы эшелонирование по высоте дало должный эффект, – безотказная и быстродействующая радиосвязь между эшелонами. Желательно также, чтобы все «этажи» боевого порядка могли видеть друг друга.

Итак, первое, что требуется для обеспечения за собой превышения, – это правильно эшелонированный по высоте боевой порядок.

Второе, что необходимо для сохранения превышения, – это не терять высоту во время боя, кроме случаев крайней необходимости; поэтому в воздушном бою нельзя применять фигуры, связанные с потерей высоты (перевороты) или даже только не позволяющие быстро набирать высоту (глубокие виражи, бочки и пр.), кроме того, необходимо использовать каждую секунду для набора высоты.

Третье обстоятельство, обеспечивающее возможность получить преимущество в высоте, – это запас скорости, позволяющий быстро набрать высоту горкой.

30.11.43 группа 9 Ил-2, ведущий подполковник Володин, получила приказ нанести удар по живой силе и технике противника в районе Войновка. Получив от Рязанова подтверждение задачи, в 13.05—13.15 группа бомбила и штурмовала двумя заходами, восемью атаками. Первый заход холостой, разведка целей. С прицеливанием по ведущему уничтожили 4 автомашины, 60 солдат и офицеров, батарею полевой артиллерии.

22.11.43 группа 6 Ил-2, ведущий мл. лейтенант Пушкин, под прикрытием 4 Як-1 247 иап вылетела на танки в районе Баштина. В 15.15 группа вышла из облачности и с высоты 1000—600 м атаковала 20 танков в овраге. После трех атак группа попала в сильный огонь ЗА, растянувшись, из боевого порядка кильватер перешла в растянутый пеленг, и начала бомбометание по ведущему. По наблюдениям Рязанова, прямым попаданием бомб Пушкина зажжено 4 танка и три бронетранспортера. После атаки группа вошла в облачность и без потерь вернулась на свой аэродром. Эффективность удара Рязанов объяснил высокой натренированностью Пушкина в прицельном бомбометании.

28.11.43 группа 66 шп, 6 Ил-2 под командой лейтенанта Голчина вылетела на станцию Шевченко. До цели группа шла над облаками на высоте 1200 м. Вышли из облаков внезапно и по команде ведущего с высоты 1100—600 м одним заходом, двумя атаками попарно, с индивидуальным прицеливанием нанесла удар. Внезапность ослабила огонь зениток. Отме-

чены очаги пожара и взрывы трех эшелонов. Разведчик лейтенант Фаткулин, вылетевший в 15.50 в тот же район, доложил, что на станции продолжали гореть эшелоны. Фаткулин считался лучшим разведчиком 66 шап. 6.10.43 он писал «...я стал применять метод всесторонних разворотов, что дает наибольший обзор и исключает возможность внезапного нападения ИА и обстрела ЗА противника. Метод всестороннего маневрирования нередко приводит в замешательство противника при определении направления полетов».

Степной фронт стал 2-м Украинским. Штаб корпуса располагался в селе Пальмира, недалеко от Пятихаток. Пошли осенние дожди, и жирная черноземная почва превратилась в липкую засасывающую грязь. Затем с декабря по март стояли туманы, изморозь сменялась мокрой пургой. В раскисшем черноземе застревали и машины и тягачи. Размягший грунт аэродромов затруднял работу авиации. Старая церковь в центре села была переоборудована под клуб, и иногда там устраивали танцы. Организовывал их политотдел корпуса. И танцоры, и летчики хотят летать. Танцы обычно открывал Рязанов и, чтобы никого не обидеть, ему приходилось танцевать по очереди со всеми девчонками. А танцы – событие важное: и просвет в однообразных конвейерных вылетах со скучными перерывами между ними, и отдушина эмоциональная, и девушки с потенциальной близостью, хотя бы душевной, и музыка, движения, и память о мирной жизни, и предчувствие его, мирного будущего. К. Ф. Белоконь в книге «В пылающем небе» вспоминал, как танцы помогали летчикам идти в бой с новыми силами. Недаром комкор открывал танцы, придавая мероприятию характер неординарный и торжественный. Да и сам он отплясывал с удовольствием, окунаясь в обстановку, отдыхая душой и телом, без рутины, с азартом. К. А. Белодед по этому поводу писал в письме: «В штабе корпуса танцы организовывал политотдел корпуса, и Василий Георгиевич всегда принимал участие – лихо танцевал. Это проводилось, когда на фронте было затишье и можно было позволить себе эту роскошь – отдых». И.С.Беляков: «Хотел бы еще сказать о том, как проводил свой отдых Василий Георгиевич. Как сказано выше, он находился в большинстве своем на командных пунктах какого-нибудь армейского соединения. Но в период напряженных боев бывали и затишья. Тогда наш небольшой клубик стремился организовать просмотр кинокартин, показ своей самостоятельности, а иногда и танцы. Василий Георгиевич не „чурался“ ни того, ни другого, и уж почти всегда посещал вечер танцев и сам любил потанцевать. В свободное время любил попариться в баньке, которая у нас всегда была. Помыться в баньке приезжали к нам командующие армиями: Жадов, Ротмистров, Горюнов и другие командиры».

Связистки прихорашивались для танцев, не нарушая уставной формы одежды, – иначе получили бы выговор от Рязанова, – он следил за соблюдением дисциплины, уставных требований, формы одежды, и строго требовал с подчиненных, сам всегда показывая пример. Бывало, радистка летом, в жару идет, расстегнув воротник, обмахивается беретом. Но, только увидев где-то Рязанова, как можно быстрее застегивается, прячет волосы под берет, и идет четким строевым шагом, руки по швам, приветствуя издали. Иначе последует наказание. Рязанов выговаривал командиру роты Круглову, он ругал старшину, а от старшины уже доставалось девчонкам.

Войска 2-го УФ в декабре 1943 г. овладели городом Александрия. Летчики 1-го шак разведали ценные для наземного командования сведения. Был освобожден и крупный узел Знаменка. 22 ноября С. Чепелюк, несмотря на сильный зенитный огонь, с трех заходов атаковал эшелоны на станции, взорвал 2 паровоза, создал 3 крупных взрыва, сжег 12 вагонов и создал такую панику, что войска 5-й гв. А почти без потерь овладели окраинами г. Знаменка. Эскадрилья капитана Пошивальников 28 ноября 1943 года на станции Знаменка уничтожила два вражеских эшелона с пехотой и танками, разрушила пути. В результате налёта противник не смог эвакуировать военную технику, боеприпасы, склады продовольствия, на целые сутки был задержан подвоз вражеских резервов, – и наши войска раньше освободили Знаменку. 5 декабря восьмерка Илов, ведомая капитаном Компанийцем, в районе Константиновки

упорно и эффективно штурмовала танки и живую силу противника, несмотря на сильное противодействие зенитной артиллерии и атаки истребителей. Командарм Горюнов объявил благодарность отважным летчикам.

В. Г. Рязанов писал в расширенной автобиографии: «...корпус все время входил в состав войск, которые являлись острием клиньев, вбиваемых в оборону немцев». С. А. Донченко детализирует аналогию с вбиванием клина. После накопления сил и средств, тщательной разведки, артиллерийской и авиаподготовки, войска переходят в атаку. Но неоднородная местность, разное сопротивление противника, удача, в конце концов, – в одном месте полк прорвал оборону противника, а другой полк топчется на месте. Тогда комдив и командующий наземной армией все резервы артиллерии и танки направляют туда, где обозначается успех. «Где тонко, там и рвется». В соответствии с общими законами природы, когда фазовые переходы начинаются с небольших флуктуаций, отклонений от среднего, которые затем нарастают и приводят к скачку, катастрофе, как драматически сейчас называют этот раздел науки, – теория катастроф. Тогда для противника это действительно часто заканчивалось катастрофически.

С переходом в атаку наземных войск, при концентрации сил в одном месте, когда напряжение боя звенит как натянутая струна, решающий вклад часто вносил именно 1-й шак, оперативно направлявшийся командующим фронтом и комкором туда, где, прежде всего, была нужна его помощь. Он бил противника на острие атаки наших войск и по флангам, для расширения прорыва обороны. Он прикрывал надежным щитом с воздуха наши наземные войска и проталкивал их туда, где был успех. Когда главная полоса обороны противника была прорвана, вводилась, – особенно часто в последнем периоде войны, подвижная группа войск фронта, обычно танковая армия, выходившая на оперативный простор. Создавалась возможность окружения главной группировки противника. Окруженный противник теряет свою устойчивость в обороне. Выход из окружения считается большим и чаще небывалым успехом. Иногда, как, например, в Львовской операции, введенная вперед танковая армия быстро устремлялась вперед для захвата крупных промышленных центров, важных узлов железных дорог, снабжающих фронт, или для взятия плацдармов на водных рубежах. «В наступательных операциях штурмовики оказались необходимыми в поддержке войск, и особенно танковых соединений, при развитии наступления и в ходе преследования отступавшего противника», – написано в труде «Советские ВВС в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». И в декабре 43-го наши летчики оказали помощь танкистам. Генерал Рязанов организовал свой КП на КП танковой армии и, двигаясь вместе с танкистами, всегда своевременно и в требуемое место нацеливал своих штурмовиков. В паузе между вылетами Василий Георгиевич с интересом наблюдал за полетом вороны. Как она планирует, пикирует, делает виражи и развороты, лавируя в воздушных потоках. – Вот это мастерство! – Воскликнул генерал. – Нам бы так летать!

В Кировоградской операции 5-я ВА должна была содействовать войскам 5-й гв., 7-й гв. и 5-й гв. танковой армий в прорыве обороны противника, окружении и уничтожении живой силы и техники. Целью было взятие Кировограда. 1-му шаку ставилась задача в первый день наступления нанести удар по артбатареям и скоплению войск и техники противника в полосе главного удара наших армий, а затем громить очаги сопротивления и подходившие резервы противника. «Интуитивно и логически ясно, что военную операцию надо проводить максимально быстро („Война любит победу и не любит продолжительности“ – говорил Сунь-Цзы)», – написано в статье С. Переслегина «Учение о темпах операции». Большую часть самолетов намечали привлечь для авиаподдержки ввода в прорыв 5-й гв. ТА и для помощи наступления общевойсковых армий на главном направлении. Наши армии должны были наступать в обход Кировограда с севера и юга по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить кировоградскую группировку врага.

6 декабря 43-го 1 шак была поставлена задача содействовать наступлению войск Ротмистрова, Шумилова и Горячева, действовавших в общем направлении на Кировоград. Погода в этот день оказалась исключительно неблагоприятной (облачность 10 баллов, высота 50—100 м, видимость 1—2 км). Однако обстановка требовала авиаразведкой вскрыть основную группировку противника, установить направление движения отходящих его войск, штурмовыми ударами уничтожать войска противника на путях отхода. Рязанов немедленно приступил к выполнению этой задачи. Отдав приказ на боевые действия, приехал на НП командира мотомехсоединения Горячева в районе Нов. Стародуб. Лучшие экипажи одиночными самолетами – авиации противника в воздухе не было – и парами вылетели на разведку. Результаты разведки доложили по радио Рязанову. Тот, оценив конкретную обстановку, вызвал на поле боя штурмовую авиацию мелкими группами. Корректировку цели Рязанов проводил непосредственно с поля боя. По установленным авиаразведкой отступающим частям штурмовики мелкими группами 2—4 самолета действовали с 9.00 до 17.00, несмотря на исключительно неблагоприятные метеоусловия. Всего было 115 вылетов 32 мелкими группами. Отступающие войска противника находились в течение дня под непрерывным воздействием штурмовой авиации. В 14.45 группа с ведущим Чернышевым атаковала в районе Семигорье 20 автомашин и 60 подвод, сделав несколько заходов. Чернышев нанес противнику громаднейший урон, на поле боя остались уничтоженными десятки автомашин, повозок и лошадей. В 10.45 ведущий Девятьяров атаковал по дороге от Нов. Прага на Аджамку до 100 автомашин с пехотой, произвел 10 атак, уничтожил 10 автомашин и более 60 солдат и офицеров. В 12.30 ведущий Лыков атаковал по дороге от Нов. Прага на Аджамку колонну автомашин и повозок с пехотой, уничтожил более 30 автомашин и подвод и более 50 солдат и офицеров. В 14.50 ведущий Карпов атаковал по дороге от Нов. Прага на Аджамку сплошную колонну до 500 автомашин с пехотой, произвел 12 атак, уничтожил 12 автомашин, 10 повозок и более 100 солдат и офицеров. В 15.05 ведущий Серебряев атаковал по дороге от Нов. Прага на Мошорино сплошную колонну до 30 автомашин с пехотой, 200 повозок, уничтожил 40 повозок и более 50 солдат и офицеров.

Так в течение дня штурмовики мелкими группами уничтожали живую силу, автомашины, танки и подводы противника. В результате уничтожено: 6 танков, 95 автомашин, разбито больше ста повозок с лошадьми, подавлен огонь 2 батарей полевой артиллерии, разбито 5 паровозов и вагонов, рассеяно и уничтожено до 700 солдат и офицеров. Посеяна огромная паника.

Наземные войска при помощи штурмовиков продвинулись в направлении Ивангород – до 20 км, Елизаветград – 20 км, Знаменка – 15 км, Александрия – 15 км. В документе [16] написано, что таких результатов в сложных метеоусловиях можно было достичь благодаря следующим факторам: а) отличная организация взаимодействия между штабом корпуса, штабами наземных войск, хорошо организованное управление командира корпуса непосредственно с поля боя; б) хорошая подготовка летного состава для действий в сложных метеоусловиях и безотказная работа материальной части; в) знание экипажами района боевых действий и обстановки наземных войск; г) умение применять по различным целям соответствующие группы и бомбовую нагрузку; д) противник, отступая, не смог сконцентрировать зенитные средства для противодействия нашей штурмовой авиации, что дало возможность летному составу делать по несколько заходов до полного израсходования боеприпасов. Тем самым обеспечили продвижение наших наземных войск, ибо огневое и моральное воздействие штурмовиков на войска противника было настолько велико, что противник отступал в беспорядке, бросил очень много трофеев. Взятые в плен в районе Нов. Прага немецкие солдаты и офицеры рассказали, что войска противника были деморализованы в основном действиями штурмовой авиации.

Этот день наглядно показал, насколько эффективно могут работать штурмовики при неблагоприятных метеоусловиях, мелкими группами при условии хорошей организации управления, как авиационных штабов, так и управления с поля боя во взаимодействии с наземными войсками. К концу дня командование наземных частей выразило свою благодарность летному составу, как самым ближним помощникам в прорыве обороны противника и его преследования. Именно поэтому в этот день на широком фронте противник оставил большую территорию, много техники, убитых солдат и офицеров. В [16] написано также об опыте боевой работы в течении 6.12, показавшем, что лучшим методом управления является руководство штурмовиками с поля боя, и это дает возможность полного их эффективного использования.

7.12.43 в 14.12—15.03 четыре Як-1 прикрывали наши наземные войска под Ново-Прагой. Лейтенант Чудбин в воздушном бою с 2 Ю-87 и 2 Ме-109 сбил 1 Ме-109. Борис Щапов 7.12.43 в районе Аджамка в сложных метеоусловиях и под сильным зенитным огнем уничтожил 4 автомашины и до 20 врагов. 11 декабря 1943 года майор Максимов во главе 4 Як-1 сопровождал 6 Ил—2 на бомбежку скопления противника. В районе Ново-Михайловка встретили до 45 Ю-87 в сопровождении 12 Ме-109. Договорившись по радио с командиром Илов и получив разрешение Рязанова, Яки внезапно напали на немецкую армаду. В жестоком воздушном бою сбили 4 бомбардировщика и 2 истребителя. На личный счет А. Е. Максимова было записано по одному бомбардировщику и истребителю [9]. 11 декабря 1943 года 4 Як-1, сопровождая 4 Ил—2 в район Клинцы, встретили до 50 Ю-87 и 6 Ме-109. Наши Яки атаковали противника. В нещадном воздушном бою сбили 2 Ю-87 и 2 Ме-109. 13.12.43 была поставлена задача штурмовыми и бомбардировочными действиями уничтожить автомашины, идущие по дороге Гуровка-Братолюбовка-Васильевка. Четверку Илов повел Газизулин. В районе Братолюбовка их сзади сверху в боевом порядке «фронт» попарно атаковали 6 Ме-109. Группа встала в круг, отразила 6 атак и по спиральной траектории вышла на свою территорию. 15 минут пытались Ме-109 атаковать группу, но успеха не добились. Отразив атаки, группа встала в боевой порядок и снова пошла на выполнение задания. Нашли на окраине Братолюбовки 10 танков и 20 автомашин, с пикирования атаковали цель. Уничтожили 6 автомашин, танк, создали очаг пожара. Генерал Агальцов объявил благодарность группе. 14 и 15 декабря 1943-го мл. лейтенант Опрышко летал на разведку. В селах Гуровка и Братолюбовка обнаружил скопления автомашин и танков противника, передал командованию разведданные. Они оказались важными, и Опрышко получил благодарность командира дивизии.

12 декабря 6 Ил-2 141 гшп, ведущий капитан Лопатин, обнаружили на станции Каменка-Шевченковская 5 жд эшелонов, 18 цистерн с горючим, нефтеналивной бак 300 тонн, и атаковали. Три захода, в третьем из них нефтеналивной бак был взорван прямым попаданием РС. Уничтожили 2 паровоза, 6 вагонов, цистерну с горючим, много пожаров. Потерь, несмотря на зенитный огонь не было, умело вели противозенитный маневр.

16 декабря 1943 года командующий 7-й гв. армией генерал-полковник Шумилов собрал совещание на своем ВПУ. Обсуждали, как совместно с 5 гв. танковой армией прорвать оборону противника в полосе Батызман, Сотников Хутор. Рязанов участвовал в совещании, а 1-й шак также участвовал в прорыве обороны и в течение дня 17.12 должен был уничтожить живую силу и технику противника перед фронтом войск 7 гв. армии, подавить сопротивление врага и в течение дня держать под непрерывным воздействием район Шевченко, ст. Долинская. Рязанов на своем ВПУ организовал управление корпусом и затем отдал приказ дивизиям на боевую работу 17.12.43. в 8 утра Рязанов начал работу. Первые группы самолетов отлично выполнили свои задачи, нанеся массированные удары по ст. Куцовка, району Васильевка и по резервам противника. Корректировку действий этих групп Рязанов производил со своего КП. К 11—12 часам авиация противника усилила свое сопротивление действиям нашей штурмовой авиации. И наземная обстановка потребовала усилить воздействие нашей авиации по танкам противника и его подходившим резервам. Рязанов со своего КП приказал

начальнику штаба: группы штурмовиков увеличить до 18—27 самолетов с прикрытием 10—12 истребителей. Такие действия планировались заранее. В 12.00 к основному узлу сопротивления вышло 12 Ил-2, ведущий Пушкин, с прикрытием 8 Як-1, ведущий Матиенко. Повторный удар 12 самолетов по этому же району произвели в 12.40. Штурмовики и истребители вели командиры полков Чернецов и Меркушев. Третий удар в 13.40: 18 Ил-2 с прикрытием 10 истребителей. Илы вел Матиков. Разведка установила, что в район Шевченко и ст. Долинская противник подбрасывает резервы. Обнаружили и прибытие цистерн с горючим. Рязанов вызвал группы штурмовиков. С 14.50 до 16.20 по этому району было выпущено 42 Ил-2 тремя группами с прикрытием 21 истребитель. Горели цистерны с горючим, эшелоны врага, вывели из строя жд полотно. В воздушных боях сбито 2 самолета противника, на земле уничтожен 1 Ме-109. К концу дня командиры наземных частей, особенно 7 гв. армии, подводя итоги, сказали, что летный состав работал отлично, выразили большую благодарность.

Как обеспечивалось управление. Вместе с Рязановым на поле боя находились офицер связи штаба 1 шак капитан Дорошко, помощник начальника связи корпуса капитан Вещезаров, представитель от метеостанции, представитель 8 отдела и хороший оперативный работник, боевой друг командира корпуса, он же его адъютант, старший лейтенант Дресвянников. Рация для связи Рязанова со своим штабом работала четко. Приказы комкора на вылет очередных групп доходили до штаба за 5—7 минут. Рязанов получал подтверждение о получении и ясности поставленной задачи не более чем через 5—6 минут. Радиостанция, обеспечивающая связь Рязанова с самолетами в воздухе (на ней работала мама), проявила исключительное мастерство, обеспечив комкору не только наведение групп штурмовиков на соответствующие цели, но своевременное получение по радио разведанных от групп, выполнявших боевую работу. Это дало возможность командиру немедленно с получением разведанных вызывать следующие группы штурмовиков для уничтожения живой силы и техники противника. Связь была уверенной, и группы штурмовиков посылались на поле боя с указанием, что дополнительную задачу ведущие группы получают при подходе к КП командира корпуса. Такая организация управления обеспечила эффективность боевых действий авиации на поле боя, заставила противника отвлечь большие силы своей авиации от нападения на наши войска, чтобы отразить атаки нашей авиации.

Вот как действовали наши летчики. В 11.15—11.40 группа, ведомая Гридинским, атаковала в районе ст. Долинская. Сделали 6 заходов, разбили и подожгли эшелон, разрушили путь. На обратном маршруте подожгли эшелон на ст. Маржановка. В 11.15—11.40 8 Ил-2, ведущий Пушкин, атаковала 20 танков на восточной окраине Бурдзенковки. После 4 атак начались мощные взрывы, было уничтожено несколько автомашин и до 30 солдат и офицеров. В 14.35—14.50 группа 10 Ил-2, ведущий Матиков, штурмовала 20 танков в овраге севернее Степанки до полного израсходования боеприпасов. Взорвалась бензоцистерна, горели несколько автомашин и танков. На обратном маршруте Матиков встретил группу самолетов До-215, сбил один. В 15.20—15.30 группа 13 Ил-2, ведомая Володиным, штурмовала эшелоны и танки на ст. Долинская и в районе Волохино. Володин за 2 захода и 8 атак создал 10 очагов пожара на станции, поджег станционные сооружения, разрушил жд полотно. В течение дня 17.12.43 сброшено больше тысячи ПТАБов. Они уничтожили 6 танков, 46 автомашин, 11 жд вагонов, создали 16 очагов пожара.

Человек, по Штейнеру, живет в трех мирах: физическом, душевном и духовном. Они в нем пересекаются, расходясь после смерти. Действует он тоже в трех мирах. И воюет — тоже. Кроме этого, армия и война — сложные системы с иерархической структурой, нелинейными обратными связями. Рязанов на своем уровне выходил за рамки только лётной подсистемы, работал с танками, пехотой, конниками. Танкисты Катуков, Ротмистров, Рыбалко, Лелюшенко — по хронологии — были и оставались его друзьями. Но личные отношения были не главными. Существенными и результативными оказались выходы за пределы обычных

и привычных взаимодействий танков и авиации, наработка новых форм сотрудничества, помогающих общему делу победы. Сталин, замыкающий на себе систему, стоящий во главе иерархической пирамиды, прекрасно понимал, что без творчества на местах, без горения и поиска, не будет движения, возникнут рутина, застой, гибель. Так же и Рязанов в своей ячейке – корпусе развивал и поощрял творческие моменты, без которых энтропия разрушит структуру, шумы зальют почивающих на лаврах, утопят косных и нерешительных. Нужен коллективный разум. Василий Георгиевич высоко ценил умение нестандартных ходов, оригинальность и самобытность мышления. Он поощрял таких мастеров, как Одинцов, Бегельдинов, Пошивальников, Степанов, Красота, и других лучших пилотов корпуса. Они и другие творческие пилоты были его любимцами именно за стремление и умение креативно мыслить и действовать.

В Александрию в корпус приезжал главный маршал авиации А. А. Новиков. На фотографии он стоит с Рязановым на фоне белых хаток, припорошенных снегом. Девчонки с телеграфа рассказывали маме, – она тогда болела, что Новиков открытый и доброжелательный человек. Густая облачность и туманы, помогая пехоте, сдерживали действия авиации. Когда распогодилось, целые полки наших Илов и Яков принялись громить врагов, помогать наземным войскам. Напряжение – на пределе человеческих возможностей. Летчики и стрелки с утра до ночи не покидали кабины своих машин. Боевая работа уже не прекращалась, несмотря на дождь, туманы, мороз. Когда противник готовил контрудар, разведданные срочно понадобились командующему 5-й гв. А. А. С. Жадову. Он приехал к командиру 800-го шап. Увидев невысокого, по-юношески шуплого Бегельдинова, Жадов недоверчиво махнул рукой: – Давайте хоть такого. Бегельдинов потом рассказывал: – летел словно с завязанными глазами. Результаты разведки оказались чрезвычайно ценными. Жадов представил Бегельдинова к ордену, а командира 800-го шап попросил передать Рязанову, что хлопцы у него – настоящие орлы.

Бои были нелегкими. Противник старался сдерживать натиск наших войск. Сотни «юнкеров» в сопровождении «мессершмиттов» поднимались в воздух с кировоградского аэроузла. Эти вылеты нужно было парализовать любой ценой. Рязанов с армейского КП генерала Мангарова приказал майору Рымшину полком нанести удар по активно работающему аэродрому. По сигналу Рымшина две пары ударили по истребителям и зениткам. Остальные с ходу сбросили бомбы на стоянки, взлетную полосу и аэродромные постройки. Выполнив еще два захода на цель, штурмовики легли на обратный курс. Внизу, на земле, горели 12 бомбардировщиков. Не обошлось без воздушного боя. Истребители прикрытия сбили еще три вражеских самолета [10]. 17.12 на станции Каменка сожгли три эшелона. 5 декабря капитан Веревкин с 6 Илами ударил по станции Диковка. 1 паровоз и 24 вагона с пехотой и грузами – результат их работы. Генерал Агальцов за отличное выполнение задания объявил благодарность всей группе.

Ведя разведку, тут же применяли ее данные. Ведущего разведгруппы лейтенанта Ю. Балабина командарм 7-й гв. А генерал Шумилов своим приказом за образцовое выполнение сложных заданий наградил наручными золотыми часами. В приказе Шумилов отметил высокое мастерство при ведении воздушной разведки летчиков-штурмовиков С. Володина, Н. Пушкина, В. Лыкова, А. Фаткулина. 6 ноября 8 Ил-2, ведущий капитан Багров, юго-восточнее хутора Братский уничтожили 10 танков, 8 автомашин, подавили огонь батареи МЗА. 6 декабря Борис Лопатин вел разведку во главе семерки Илов. Нашли и уничтожили 12 автомашин, 2 орудия, 10 повозок, до 150 солдат и офицеров, доставили ценные данные разведки. Горюнов объявил благодарность летчикам. 7 декабря 4 Як-1, сопровождая 6 Ил-2 в район Шаровка, встретили 6 Ме-109. Капитан Максимов в воздушном бою сбил Ме-109. 12 декабря группе 6 Илов, ведущий Лопатин, поставили задачу: уничтожить артсклад на опушке леса севернее ст. Фундуклиевка. Склад не нашли, и Лопатин, получив разрешение Рязанова, решил просмотреть железную дорогу на участке Фундуклиевка-Каменка. На станции обнаружили 5 эшелонов на путях. Атакуют с бреющего. Несмотря на сильный огонь МЗА, с трех заходов разбили

цистерну с горючим, вывели из строя 2 паровоза, подожгли 6 вагонов, контейнер с горючим. 15 декабря 4 Як-1 сопровождали 4 Ил-2 в район Шевченко. Встретили 12 Фв-190. Хотя истребителей противника было в три раза больше, вступили в бой, ст. лейтенант Павлов сбил Фв-190. 22 ноября 4 Ил-2, ведущий капитан Багров, штурмовали танки врага. На высоте 1300 м Багров заметил группу 50 Ю-87 под прикрытием 8 Ме-109, бомбивших наши войска. Багров атаковал и сбил 1 Ю-87, а его стрелок сбил второй Ю-87. Боевой порядок Ю-87 был расчленен, и часть самолетов сбросили бомбы не по цели. После этого группа Багрова отлично выполнила основное боевое задание. Штурман 142 гшп гв. капитан Василий Андреевич Багров, так агрессивно, умело и результативно сбивавший Юнкерсы на своем Иле, не вернулся с боевого задания из района Горгузов 14.07.44 г.

Перед началом Кировоградской операции перегруппировка войск проводилась в обстановке полной секретности. Любой выход в эфир был категорически запрещен. Радиостанции работали только на прием, а распоряжения отдавались устно или через офицеров связи. Операция началась утром 5 января. Противник был ошеломлен: он не смог определить направление главного удара и сконцентрировать свои силы. Два острых наступательных клина пронзили оборону врага, и к концу вторых суток фронт прорыва расширился до 70 километров, углубился на 30, клещами охватив город. Из-за низкой облачности, тумана, слабой видимости, действия авиаторов 5 января были ограничены. Зато 6 января летчики воздушной армии, тесно взаимодействуя с наземными войсками, обрушили мощный бомбоштурмовой удар по основным узлам обороны у Лелековки, Обозновки, по дорогам на Кировоград, эшелонам. Особенно эффективно в этот день действовали штурмовики 1-го шак, они произвели 348 боевых самолетовылетов, уничтожив и повредив 26 танков, 112 автомашин, подавив огонь 5 батарей полевой и 2 – зенитной артиллерии. В 15 воздушных боях летчики корпуса сбили 7 вражеских самолетов, потеряв 2 экипажа [4]. В. П. Колечкин в 2005 году в Национальном институте обороны Украины защитил диссертацию «Боротьба за панування у повітрі в боях на Правобережній Україні в період 23.12.1943—28.02.1944». В работе [3] он пишет, что «Бесспорно, плохая погода ограничила действия советской авиации. Так, в полном составе действовал только 1-й ШАК...». Почему-то непогода не влияла на 1-й шак?

4 января 44-го 9 Ме-109, прикрывая отход колонны противника из Кировограда, атаковали шестерку наших Илов, повредив машины ведущего мл. лейтенанта Мочалова и его ведомого мл. лейтенанта Чепелюка. Чепелюк на поврежденном самолете защищал подбитый самолет своего ведущего до его посадки на своей территории, отбив 9 атак двух Ме-109, сбил один Ме-109 и пришел на свой аэродром. А когда 6 января отходящие из Кировограда на Грузное колонны противника атаковал Коптев, его встретил сильный огонь зениток, а затем атаки 6 Ме-109. Коптев показал отличную технику пилотирования, тактически грамотный маневр, выполнил боевое задание. Шестого же января Рязанов поставил задачу девятке Илов, ведущий капитан Лопатин, уничтожить колонну врага западнее Кировограда. Уже на маршруте Рязанов по радио изменил задачу Лопатину: штурмовать танки противника в районе Мал. Мамайка, Кишкино, Марьевка. Экипажи произвели по три захода с пикирования, снижаясь до бреющего. На третьем заходе группу атаковали 2 Ме-109. Илы отбились огнем летчиков и воздушных стрелков. В момент сбора группу атаковали уже 6 Ме-109. Рязанов командует: в круг! Лопатин быстро построил круг. Истребители противника ничего не смогли сделать, и ушли на юг. Группа уничтожила 4 танка, 8 автомашин, создала мощный взрыв и очаг пожара в Марьевке.

Старший лётчик 667-го шп Яков Минин с низкой высоты, с обратного направления, откуда враг не ожидал появления наших самолётов, прицельно сбросил серию бомб на станцию Кировограда, вывел ее из строя. Часто важнее, чем громить, например, танки, уничтожать следующие за ними колонны с топливом и боеприпасами, лишая тем самым танкистов возможности двигаться и воевать. Вот краткие выписки из архивных данных о боевых вылетах авиаторов: «...группа из двенадцати „ильюшиных“ (ведущий командир эскадрильи 800 шп капитан

С. Д. Пошивальников) штурмовала артпозиции и танки противника юго-западнее Аджамки и уничтожила пять автомашин. Заходя третий раз на цель, и расстреливая из пушек и пулеметов пехоту противника, Пошивальников заметил в воздухе четыре Ме-109, идущих на сближение с группой Ил-2. Не растерявшись, он быстро построил группу в „оборонительный круг“ и принял бой с вражескими истребителями. В этой схватке огнем штурмовиков и истребителей прикрытия был сбит один Ме-109. Группа без потерь вернулась на свой аэродром». «... Группа из восемнадцати Ил-2 (ведущий командир 673-го авиаполка майор А. П. Матиков) штурмовала живую силу, танки и автомашины в районе Завадовки и уничтожили семь автомашин и до ста солдат и офицеров». «...Группа из двенадцати Ил-2 (ведущий штурман 800-го авиаполка капитан М. И. Степанов) в районе Обозновки уничтожили два танка, три автомашины, создала два взрыва большой силы, подавила огонь двух батарей полевой артиллерии на южной окраине Марьевки».

В районе Новгородки сосредоточилась крупная танковая группировка противника. Разгорелись ожесточенные бои. Одну из четверок 9.01.44 вел в бой командир звена 735-го шАП лейтенант И. А. Филатов. Он обнаружил на дороге южнее Кировограда колонну из 30 автомашин и атаковал её. Пулемётно-пушечным огнём сжёг семь машин. Ударив затем по немецким танкам, встретили над линией фронта три группы Ю-87 несколько выше Илов. Они уже становились в «круг» для пикирования на боевые порядки наших наступающих войск. Боеприпасов оставалось в обрез, только на случай обороны. Но Филатов повел свою четверку в атаку против первой группы Ю-87, атаковав ближайшего к нему правого ведомого. Немецкий летчик попытался разворотом влево уйти от атаки, однако Филатов поймал его в прицел. Ю-87, потеряв управление, пошел к земле. Илы сбили в том бою два самолета и заставили «юнкерсы» уйти. Через три дня Филатов сбил другой самолет врага [4]. В этих боях Ил лейтенанта Филатова второй раз получил серьёзные повреждения, но лётчик сумел посадить самолёт с убранным шасси на передовой позиции наших войск. Только за первые свои полгода на фронте Иван Андреевич Филатов в двадцатидвухлетнем возрасте уничтожил 40 танков – танковый полк, 560 солдат и офицеров врага – пехотный полк, зениток – на зенитный артдивизион.

6 января завершили оперативное окружение немецких войск под Кировоградом. Обе стороны активно использовали в борьбе с танками штурмовики. Группа 9 Ил-2 (ведущий Девятъяров) при выходе из первой атаки в момент перестроения встретила с 8 Ме-109. Четыре из них вступили в бой с истребителями прикрытия, а вторая четверка Ме-109 с дистанции 300—400 м на встречных курсах атаковала Илы. Но пилоты умело маневрировали, а воздушные стрелки Манашкин и Баранников при отражении атак сбили три «мессера» [4]. 7.01.44 семерка Илов в районе Шевченко штурмовала войска врага. Шевчук, прикрывая Илы, в 13.52 сбил Ме-109 на высоте 1100 м. 7.01.44 мл. лейтенант Хорохонов шел в паре Илов на разведку. Увидев 15 Ю-87, бомбившие наши войска, Хорохонов с ведущим атаковали их. Он сбил Ю-87, остальные ушли. Хорохонов ходил на разведку в паре с лейтенантом Мельниковым. Когда их атаковали десятки истребителей врага, штурмовики отбивали атаки, выполняя задание до конца. Недаром оба стали ГСС. Действия авиации и наземных войск были согласованными. Рязанов находился на КП командующего наземной армией, и оттуда руководил своими летчиками. Поэтому их действия всегда соответствовали текущей ситуации.

Авиаторы нанесли мощные удары по очагам сопротивления немцев и по дорогам на Кировоград. Увеличение активности авиации привело к прорыву немецкой обороны на главном направлении. Люфтваффе не осталось в стороне от разгоревшейся битвы. Уже 5 января около 9.00 летчик группы 2/JG 52 Карл-Хайнц Плукер заявил о сбитом Ил-2. Через 2,5 часа список его побед пополнили два Як-1. Як и «Аэрокобру» записали себе в актив пилоты из 3/JG 52, а Йозеф Хайбек сбил Ил-2. Перегруппировав свои силы севернее Кировограда, немцы контратаковали 53-ю и 5-ю гв. А. Особенно сильно атаковали левый фланг 5-й гв. А. Тяжелые бои с немецкими танковыми частями развернулись в районе Новгородки.

Авиapolки 1-го шак проявили мастерство и мужество, помогая своим наземным друзьям отразить мощные атаки. Семерка Илов зам. комэска 66-го шап лейтенанта Н. Т. Пушкина между Братолюбовкой и Гуровкой внезапными меткими ударами уничтожила 6 автомашин, взорвала склад с боеприпасами. Другая группа из 12 Ил-2 штурмана 820-го шап майора И. П. Мельникова в районе села Большая Виска прицельно атаковала автоколонну и уничтожила 12 машин [4]. Летчики-штурмовики почти в каждом боевом вылете применяли в зависимости от обстановки новый тактический прием. Благодаря нестандартным, творческим подходам, они избегали потерь, нанося врагу большой урон. Рязанов был доволен своими подопечными.

У противника действовали части 1-го авиакорпуса люфтваффе генерал-лейтенанта К. Ангерштайн. Это 568 самолетов, летавших с аэродромов Кировограда, Первомайска, Апостоново. Они били по нашим наступающим частям, вели борьбу с нашими ударными самолетами. Из-за сложных погодных условий в 5-й ВА на протяжении всей операции в полном составе действовали 1-й шак и 7-й иак. Бомбардировщики врага группами по 12—30 самолетов атаковали механизированные соединения. «Юнкерсы» хорошо держали боевой порядок под атаками истребителей, выполняя много боевых вылетов, иногда непрерывно атакуя советские части в течение всего светового дня. Но атаковали чаще всего только в один заход, с серийным или залповым сбросом бомб по площади и быстрым отходом от цели. Немецкие истребители мастерски вели групповые бои, пытаясь затянуть советских пилотов на высоту более 4000 м, где «мессершмитты» имели преимущество над Як-1б и Ла-5Ф. Они избегали лобовых атак и виражей, стремясь вести бой на вертикальном маневре. В бой немецкие пилоты вступали только тогда, когда на их стороне было численное преимущество или внезапность. Не достигнув успеха сразу, выходили из боя, ожидая более удобного момента для атак. Действия бомбардировщиков обеспечивали как непосредственным прикрытием, так и расчисткой воздушного пространства перед ударом. Если наши истребители оказывали серьезное сопротивление, немцы тут же посылали к месту боя новые группы истребителей. Нарастание сил в воздухе у Люфтваффе было отработано безукоризненно. Активно действовали отдельные пары немецких «охотников». В течение 7—9 января I и III группы JG 52 заявили про уничтожение 27 советских самолетов. Из них три – на счету Э. Хартманна – будущего аса №1 Люфтваффе. Еще две «аэрокобры» в районе Кировограда он сбил 6 января [3].

Противник стремился во что бы то ни стало удержать город. Жестокие бои велись на земле и в воздухе. Наши самолеты помогали наземным войскам отражать контратаки врага, громили его артиллерию, уничтожали укрепления. 6 января Рязанов перенацелил группу Степанова на артбатареи и танки противника. После пяти заходов по переднему краю был подавлен огонь трех полевых батарей, уничтожено три танка. Выход на восточную окраину Кировограда обеспечен. На четвертый день боев Кировоград был освобожден. Личный состав 5-й ВА получил благодарность Сталина. Тем же приказом от 8 января 1-му шак, 1-й бад, 205-й и 302-й иад были присвоены наименования Кировоградских. Именно в этот день бои были очень напряженными, и Рязанов мобилизовал все силы корпуса. В Кировоградской операции в воздушных боях было сбито 242 вражеских самолета. Корпус работал с 4-й, 5-й, 7-й гв. и 53-й армиями, с 5-й гв. ТА; основные боевые задачи – уничтожение огневых средств техники и живой силы, обеспечение продвижения армий. Самые значимые бои происходили 8 и 9 января 1944 года в районе Лелековки. В этих сражениях штурмовиками Рязанов управлял с КП командующих 5 и 7 гв. А. Перед этим Рязанов лучшими экипажами организовал тщательную разведку для выявления мест наибольшей концентрации сил и средств противника. В наградном листе на Т. Бегельдинова написано: «Исключительно ценными были разведданные, доставленные тов. Бегельдиновым 29.12.43 и 8.1.44 г. В момент окружения нашими войсками г. Кировоград он вскрыл в районе Лелековка скопление техники до 500 единиц». Когда 7.01.44 семерка Илов капитана Красоты штурмовала танки и автомобили врага в районе Благодатное, Большая Виска, их атаковали 6 Ме-109. Штурмовики отразили все атаки

и отлично выполнили задание. 7.01.44 три Як-1 сопровождали 7 Ил-2 в район Шевченково. Встретили 8 Ме-109. Лейтенант Безверхий сбил Ме-109. А на Иле лейтенанта Фаткулина 12.01 Ме-109 повредил левую сторону руля глубины и стабилизатора, руль поворота, но летчик почти неуправляемую машину привел и посадил на аэродроме Березовка, спас раненого стрелка. 8.01.44 группа 7 Ил-2 работала по живой силе и технике противника на окраине Лелековки. Газизулин уничтожил 2 автомашины, 1 танк. Рязанов объявил благодарность летчикам. 10.01.44 в районе Ново-Украинки В. М. Шевчук, сопровождая пару Илов на разведку, сбил Ме-109.

Капитан Пошивальников свидетельствовал: «...связь с КП Рязанова была хорошая, уточнение цели получал при каждом заходе, разведданные передавал полностью и получал позволения...» (ЦАМО, фонд 20502, опись 1, дело 49, л.14). Рязанов очень внимательно следил за обстановкой и непрерывно подавал команды. Самолеты, покорные воле комкора, шли волна за волной, и наносили удары, поражая указанные им цели. Штурмовики работали в нескольких десятках метров от переднего края, и только детальное управление и большой опыт летчиков помогали не задеть своих. Капитан Красота отмечал, что было важно оперативно получать боевые указания. Корпус, несмотря на плохие метеоусловия, прекрасно действовал в этой операции.

В приказе Верховного Главнокомандующего И. Сталина от 8 января 1944 г. говорится: №57. ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО. Генералу армии Коневу. В боях за овладение городом Кировоград отличились ...летчики генерал-лейтенанта авиации Горюнова. Особенно отличились: ...1-й штурмовой авиационный корпус генерал-лейтенанта авиации Рязанова, В ознаменование одержанной победы соединениям и частям, отличившимся в боях за освобождение города Кировоград, присвоить наименование «Кировоградских». Впредь эти соединения и части именовать: ...1-й штурмовой авиационный Кировоградский корпус,...

В Кировоградской операции служащие корпуса проявили массовый героизм, отвагу и мужество. В полках затем прошли митинги, чествование отличившихся в сражении. У разъезда Лелековка наши войска окружили части 10-й мотодивизии, 14-й танковой и частично 376-й пехотной дивизии врага. В районе Балки-Злодейки оказалось в котле до 15 тысяч врагов. Противник пытался деблокировать окруженных, контратакуя в направлении на Обозновку, подтягивая резервы из района Пятихаток и Новониколаевки. В упорных боях штурмовики 1-го шак работали на внешнем фронте окружения и били по окруженному врагу, существенно помогая 29 танковому корпусу. Опыт работы на внешнем фронте окружения вскоре пригодился под Корсунь-Шевченковским. Рязанов организовал тщательную разведку, а затем бил по самым угрожающим участкам. По его командам над полем боя непрерывно появлялись группы штурмовиков. 8.01.44 Рязанов благодарил семерку Илов Компанийца за отличную работу в районе Лелековки. 9.01.44 Рязанов поставил задачу 667-му шап работать по автомашинам и живой силе противника в складках местности в полутора километрах юго-западнее Лелековки. Уже на маршруте Рязанов изменил задание девяти Илам: штурмовать танки и автомашины на северо-западной окраине Лелековки. Штурмовики, снижаясь до бреющего, расстреливали технику врага, нанеся ему большой урон. Рязанов благодарил летчиков. Авиаразведка обнаружила две большие колонны танков и автомашин. С аэродромов поднялись эскадрильи Илов. Цели указывал комкор. Семь Ил-2 под командой комэска 667-го шап А. Компанийца вышли на контратакующие немецкие войска на юго-западной окраине Лелековки. В густом тумане и снегу нанесли бомбовый удар по танкам и автомашинам с пехотой. Уничтожили 5 танков, 10 автомашин и до двух рот пехоты. Другая семерка этого же полка во главе с комэска капитаном Г. Красотой 20 минут штурмовала противника, произвела 4 захода, уничтожив 16 автомашин с пехотой. Когда 9 января части корпуса под управлением Рязанова наносили удары по окруженному у Кировограда противнику, метеоусловия были очень слож-

ными, а цели находились рядом с линией боевого соприкосновения. Но не было зафиксировано ни одного удара по своим войскам. Каждой атакой руководил Рязанов. Потери противника в живой силе и технике оказались значительными. Девять Ил-2 673-го шап Г. Александрова уничтожили 10 автомашин вблизи Лелековки. Восемь Илов 800-го шап (капитан Пошивальников) в этом же районе уничтожили 10 автомашин и автоцистерну, находя цели в оврагах. Девятка 667-го шап Б. Лопатина, сделав 6 заходов на цель, уничтожила 18 автомашин и минометную батарею немцев. Благодаря поддержке штурмовиков, наши войска отразили все контратаки неприятеля, перешли в наступление и заняли несколько населенных пунктов [11].

Рейдовая группа 5-й гв. ТА, 20 танков и 350 пехотинцев, просочилась под снегопадом через гнездовую оборону немцев, и пошла по тылам врага. Разгромили гарнизон села Марьяновка, штаб 47-го немецкого корпуса в селе Палиевка, несколько складов, автоколонну, жд. станцию Малая Виска, частично разогнали и уничтожили войска в Малой Виске. Затем танковый отряд капитана Н. Проценко помог нашим летчикам, атаковав аэродром с Ме-109 III/JG 52, разбил 40 самолетов. Только экипаж лейтенанта В. Акимова уничтожил 12 самолетов, 3 зенитных орудия, несколько автомашин и большое количество солдат противника. 10 января рейдовая группа под давлением немецкой мотопехоты начала отходить в направлении линии фронта, оставив заслон в Палиевке. Но в Марьяновке закончилось горючее, группу окружили немецкие танки и бомбили самолеты. Группа потеряла около десятка танков (противник же доложил о 87 уничтоженных танках), много бойцов было ранено, радиостанция вышла из строя. Ночью 10 января прилетел ПО-2 с приказом отступать. 12 января к рейдовой группе пробилась автоколонна с горючим и боеприпасами. В ночь с 12 на 13 января 1944 г. рейдовая группа вышла из окружения и сосредоточилась в районе села Катериновка.

8 января 1944 года в Лелековке окруженный противник предпринимал яростные атаки большим количеством танков и мотопехоты, пытаясь вырваться из кольца. Бой был напряженным, обстановка часто менялась. По приказу Рязанова вылетело 7 Ил-2 под командованием Компанийца. Сделали холостой заход над целью уточнить обстановку. И Рязанов по радио внес ясность. Компаниец повел группу в атаку в правом пеленге на 16 танков и 20 автомашин. Прибавив скорости на пикировании, Компаниец перестроил группу в круг. Группа снижалась с 800 до 400 м, чтобы бить точнее. При выходе из атаки после второго захода Компаниец заметил 6 танков и батальон пехоты, атакующие наши войска северо-западнее. Круг сместился и прицельно посамолетно производил атаки, снижаясь до 100 м. Пять заходов, 20 минут противник под непрерывным огнем воздействием. Действия противника после понесенных потерь были парализованы. У нас потерь не было.

Генерал-полковник авиации Н. Шиманов в газете «Боевое знамя» №198 писал: «Оказывая непосредственную помощь наземным войскам, взаимодействуя с ними в прорыве вражеской обороны, прокладывая путь советской пехоте и танкам, наша авиация срывала контратаки врага, сковывала его. После боев за город Кировоград крупная группировка противника была окружена в районе Лелековки. Для ликвидации ее наши наземные войска должны были перегруппироваться. На авиацию в этот ответственный момент была возложена задача – сковать противника. Штурмовики генерал-лейтенанта авиации Рязанова целый день висели над вражеской группировкой и не дали немцам двинуться с места. Когда Лелековка была занята нашими войсками, то только в одной Балке – Злодейка было обнаружено 400 разбитых автомашин, 52 сожженных танка и 50 самоходных орудий».

10 января части противника, окруженные в Лелековке, были уничтожены. Рязанов и Ротмистров на следующий день лично осмотрели поле боя. В ходе этих боев было хорошо организовано взаимодействие между наземными войсками и авиацией. Корректировались действия штурмовиков на поле боя. Эскадрилья Г. Красоты и девятка Илов майора Г. Чернецова часа два держали гитлеровцев под штурмовым огнем. П. А. Ротмистров насчитал пятьдесят сгоревших бронемашин, большинство – «фердинанды». Под Лелековкой эскадрилья штурмовиков

под командованием капитана Красоты и старшего лейтенанта Г. Александра буквально раз-
метали автомобильную и танковую колонны противника. Прибывший после занятия нашими
войсками этого района начальник штаба 5-й гв. А генерал Лямин сообщил командующему
фронтом: штурмовики сожгли десятки танков и самоходных пушек, сотни автомашин. С Геор-
гием Тимофеевичем Красотой я много раз встречался в послевоенные годы. Эти эпизоды ему
уже не помнились на фоне похожих, но более ярких и красочных, – многое зависит от обстоя-
тельств восприятия. Все зубы у Красоты были железные. Много пилотов потеряли зубы в воен-
ные годы.

«Успеху проведения операции и прорыву обороны противника способствовали, прежде
всего, массированное применение бронетанковых и механизированных войск, стремитель-
ность их действий по выходу в тыл кировоградской группировки противника и успешные дей-
ствия авиации фронта», – писал И. С. Конев. 11 января лейтенанты Антипин и Гулькин вели
разведку. Антипин на встречном курсе на высоте 900 м атаковал Ю-87 и сбил его в районе
Марьяновки.

В результате Кировоградской операции наши войска разгромили группировку врага
и продвинулись на запад на 40—50 км. С потерей Кировограда нарушилась устойчивость обо-
роны 8-й немецкой армии. «Освободив Кировоград ..., – писал Конев, – советские войска
обеспечили себе благоприятные условия для последующего наступления на Правобережной
Украине, и в частности для проведения Корсунь-Шевченковской операции» [1]. За период
Кировоградской операции части и соединения 5-й ВА совершили 5913 боевых самолетовыле-
тов, из них почти половина приходится на долю штурмовиков [4]. В чрезвычайно сложных
метеоусловиях советские летчики проявляли мастерство и мужество, нанося удары по огневым
точкам, боевой технике и живой силе противника. Соотношение потерь свидетельствовало
о качественном превосходстве советских ВВС. Мастерство наших летчиков росло. В Кирово-
градской операции была отлажена четкая и продуманная организация тесного взаимодействия
5-й ВА с наземными войсками. Авиация использовалась эффективно, войскам противника
нанесли крупное поражение с наименьшей затратой времени и средств.

В боях с 14 по 25 января наши войска атаковали Ново-Александровку и Шесталовку.
Руководя боем с КП командующего 5-й армией, командир корпуса выразил по радио благодар-
ность капитану Чернову за отличную работу. В ходе этих сражений Рязанов подписал приказы
о награждении бойцов 1-го шак памятными подарками за отличную работу во время боев 8
—9 января. 14 января Ил мл. лейтенанта Алехновича атаковали 4 Ме-109. Повредили левую
плоскость, левый руль глубины. «Мессеры» атаковали и ведущего группы. Алехнович довер-
нул свой самолет и огнем из пушек подбил один Ме-109. 15 января войска 2-го Украинского
фронта начали наступление в направлении Ново-Украинки. Горюнов приказал: штурмовыми
ударами по живой силе и технике противника содействовать войскам Жадова, Галанина, Рот-
мистрова в прорыве обороны противника и развитию успеха. Перед началом атаки пехоты
и танков поставить дымовую завесу, обеспечить прорыв переднего края и подавление очагов
сопротивления. Штурмовики 1-го шак в 8.50 поставили дымовые завесы. В 9.50—10.40 бомбо-
штурмовые удары в районе Андреевка, Александровка, Овсяниковка нанесли четыре девятки
Ил-2. Действиями штурмовиков руководил Рязанов. Отработали «пешки». Одновременно
с авиацией действовала артиллерия. Затем вперед пошла пехота и танки при поддержке штур-
мовиков 1-го шак. Весь день группы штурмовиков «проталкивали» наши войска через оборону
противника. В середине дня, от 12.35 до 13.10, группа из 7 Ил-2 800-го шап атаковала узел
сопротивления противника на восточной окраине Александровки. Ведущий капитан Поши-
вальников сделал три захода, выполнив 8 атак с хода. Подожгли несколько автомашин, уничто-
жили до двух взводов пехоты. Неожиданная атака четырех FW-190 была отбита огнем стрелков
и истребителей прикрытия. Один Ил был сбит танковым снарядом. В 13.15—13.30 8 Илов 667-
го шап (ведущий – ст. лейтенант Лопатин) нанесли еще несколько мощных ударов по укреп-

ленному пункту в районе Новоалександровки. Отбиваясь от истребителей противника, сбили один «мессер», уничтожили три автомашины, один танк и артбатарею. От 15.10 до 16.00 девять Ил-2 (ведущий – ст. лейтенант Одинцов) из района Ковалевки были перенацелены Рязановым на станцию Шостаковка. Штурмовики выполнили 10 атак в пять заходов с круга по объектам на станции. В результате было уничтожено: ж.д. цистерна с горючим, до 15 автомашин, 5 танков и 2 самоходных орудия, склад боеприпасов. А 15.01.44 девятка Илов 820-го шап, ведомая Веревкиным, так мощно штурмовала село Владимировку, – уничтожила 6 танков, 3 полевых орудия, до роты солдат и офицеров, – что наземные войска заняли село без потерь. Рязанов объявил благодарность группе. Другая группа 820-го шап в районе Владимировки 15.01.44 уничтожила 4 танка и 7 автомашин с войсками и боеприпасами. Рязанов поблагодарил группу. Подполковник Мельников 15.01.44 в решающий момент прорыва обороны противника нашими наземными войсками построил круг девятки Илов над узлом сопротивления, сделал 6 заходов и до 15 атак, нанеся противнику большие потери. Рязанов поблагодарил мл. лейтенанта Петрова, уничтожившего орудие вместе с расчетом, автомашину и несколько солдат. Группы работали под прикрытием Як-1 с 800 м до бреющего, делая по 6 заходов. Активные действия штурмовиков 1-го шап помогли нашим войскам в первый день наступления овладеть районом Благодатное—Ивановка и пойти вперед. Наша пехота поднималась во весь рост. По отзыву наземных войск, вся огневая система противника была подавлена штурмовиками. В Новоукраинской наступательной операции советская авиация, несмотря на тяжелые метеословия, осуществила 2026 боевых самолетовылетов. За период от 12 до 19 января 1944 г. советские пилоты заявили про уничтожение 60 танков и одного самоходного орудия, 349 автомашин, 1 бронемашины, 1 тягача, 6 бензоцистерн, 2 паровозов, 44 повозок [3]. Группа 8 Ил-2, ведомая Чернецовым, получила 15.1.44 благодарность Рязанова за отличные боевые действия и эффективность нанесенного удара. В тот же день за отличную работу в районе 1-я Ивановка, Квадратный Лес благодарность Рязанова получила семерка Илов под командованием капитана Красоты. 17.01.44 шестерка Илов капитана Красоты сразилась с танками на окраине Б. Виски. Петров поджег один танк и одну автомашину. 23.01.44 десять Ил-2 в районе Мироновки уничтожили 5 танков, 10 автомашин, батарею МЗА, до 2 взводов пехоты.

В журнале боевых приказов и распоряжений 12 гиад в 7.10 25.1.44 появилась запись: к-рам 516 и 247 иап довести до сведения всего летного состава – КП Рязанова с 8.00 высота 206,1, что в 2 км восточнее Красносилки. В этот день у Рязанова день рождения, 43 года исполнялось. Вряд ли, конечно, летчики при вылетах поздравляли его.

Пример разведки, которой непосредственно по радио управлял Рязанов. 17.1.44 на Первомайском направлении противник, сосредоточив на рубеже Ковалевка, Петровка артиллерию и танки, оказывал упорное сопротивление продвижению наших войск. Точных данных о группировке танков и артиллерии противника в этом районе не было. Рязанов с КП командующего 5 гв. Армии приказал выслать на разведку рубежа пару Ил-2. Условия для ведения разведки были благоприятными, и вылет подготовили быстро. Через 15 минут после получения задачи пара разведчиков 155 гшап, ведомый лейтенант Глебов, вылетела. Через 10 минут после взлета Глебов по радио доложил, что находится над целью на высоте 800 м. Просмотрев район, Глебов доложил по радио Рязанову разведданные. Но полная картина не складывалась. Рязанов приказал Глебову вторично пройти над заданным рубежом и докладывать разведданные в момент их наблюдения, сообщая в первую очередь о наиболее важных целях. Рязанов очень много знал о разведке, о ее нюансах и деталях. Глебов повторил заход. С борта самолета последовали донесения: нахожусь над Петровка, вижу на восточной окраине две батареи на ОП (огневой позиции), нахожусь над свх. Петровский, вижу на восточной окраине три батареи на ОП, нахожусь над Бол. Виска, вижу на северо-восточной окраине три батареи на ОП, в балке, что полтора км восточнее Бол. Виска, вижу до 20 танков и до батальона пехоты. На вопрос Рязанова, точно ли подсчитано количество танков? Глебов доложил: вижу 4 танка, еще 4 танка, еще 3, вот еще

2, насчитав так 13 танков. Получив точные разведданные, Рязанов приказал выслать группы, находившиеся в боевой готовности для действия по этим разведданным. Группы вылетели еще до посадки разведчиков. Подобные случаи управления разведчиками по радио применялись очень часто, и каждый раз давали наземному и авиационному командованию исключительно ценные данные о противнике. Применение радио для управления разведчиками непосредственно над полем боя с КП авиационного начальника, находящегося на КП наземных войск, позволяло получать уточненные разведданные и эффективно их использовать для нанесения ударов по обнаруженным целям в минимально короткие сроки.

Паровоз-«плуг», режущий шпалы, обнаружили в районе Подвысокое лейтенант Е. Алехнович и мл. лейтенант И. Драченко [10]. Такой же путеразрушитель уничтожил и Бегельдинов. Гигантское напряжение в период наступления сменил короткий отдых. Авиаторы обживали свои аэродромы, получали новую матчасть и ремонтировали старую, пополняли боезапасы, горючее, припасы.

С. Д. Луганский рассказывал о работе истребителей сопровождения. У них много задач. Обеспечение боевой работы штурмовиков и бомбардировщиков – одна из самых сложных. Наши соколы, выполняя приказы комкора, все время старались найти более совершенные формы взаимодействия с Илами в воздухе. Летчики 270-го иап, сопровождая группы штурмовиков, сбили более 150 немецких самолетов. Сказывались мастерство летчиков и продуманная организация каждого воздушного боя. 29.01.44 капитан И. Ф. Андрианов из 516 иап сбил 2 Ju-87: один южнее Межигорки, а второй южнее Кировограда. Он же 7.01.44 сбил два Bf-109: первый севернее поселка Благодатное, а второй – на северной окраине Кировограда. Две четверки ФВ-190 направили свой удар против штурмовиков, а две четверки «мессершмитов» старались связать боем истребителей сопровождения. Атаки велись одновременно против всех групп. Рязанов, конечно, переживал. Нормальный командир всегда озабочен судьбой тех, кто поднялся в воздух, выполняя его командирскую волю. Но эта же воля командира заранее обеспечила сильный и активный резерв в группе сопровождения. Пара самолетов Як-1, ведомая капитаном Дунаевым, внезапным ударом с высоты мгновенно изменила обстановку в нашу пользу. В первой же атаке Дунаев и его ведомый сбили двух немцев. Освободилась часть наших истребителей, и они немедленно бросились на помощь своим штурмовикам. Дунаев, не теряя времени, вновь занял выгодную позицию и повторил удар. За короткое время немцы потеряли шесть самолетов, не сбив ни одного нашего. Наша резервная группа по существу и решила исход боя. Сковать истребителей сопровождения немцам не удалось. Таких примеров решающего значения пары или четверки мастеров воздушного боя в 270-м иап было много. Так разрешился вопрос о месте «аса» при сопровождении Илов. Ведущим группы сопровождения тоже должен быть опытный летчик, но оборонительный бой его группы необходимо обеспечивать одной или двумя парами сильного и активного резерва. Всегда ли нужно выделять отдельные пары резерва? Это надо было делать в зависимости от обстановки. В 270-м иап так делали, когда противник был весьма активен, а также при определенных метеоусловиях [12]. На время облачности выгодно иметь резервную пару под кромкой облаков. Например, в районе Кременчуга при сопровождении штурмовиков Луганский шел за их группой под кромкой облаков. При внезапной атаке немцев он использовал облака и в короткое время сбил два «Мессершмитта». «Симпатичный, какой-то есенинский русоволосый парень с доброй улыбкой», – так описывал его И. Г. Драченко [13].

У Луганского на счету уже 37 личных побед, большую часть которых он одержал, сопровождая Илы. Долгие беседы с Рязановым, его наставления не прошли даром. Сочетая искусство ведущего и мастерство индивидуального боя, Луганский находился там, где этого требовала обстановка. Если нужно, он возглавлял группу, а когда враг был особенно активен, давал ему бой. Формы боя истребителей сопровождения разнообразны. Почти каждый полет требует новых приемов борьбы с врагом, отвечающих обстановке. Надо проявлять смекалку,

находчивость. При действии на предельном радиусе боевые порядки истребителей сопровождения значительно отличаются от тех, которых требует полет над полем боя. В первом случае нельзя вести активный наступательный бой. Летчики ограничены в своих действиях запасом горючего и вынуждены только обороняться. Другое дело – над полем сражения. Здесь истребители сопровождения получают возможность упреждать действия противника, а при слабой его активности в воздухе – даже атаковать наземные цели. Каждый командир обязан был постоянно менять тактику боя истребителей сопровождения, помня, что шаблон ведет к поражению [12], – писал Луганский, помня наставления Рязанова. Сам Василий Георгиевич очень внимательно следил за тактикой истребителей, отмечая все детали и возможные новшества в действиях противника. Надо было отвечать эффективно, действенно, что генерал и делал.

[1] Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944. – М.: Наука, 1972.

[2] А. А. Девятьяров, Земля под крылом. Изд-во Удмуртия, Ижевск, 1980.

[3] Колечкин Вадим Петрович. Авіація в боях під Кіровоградом в січні 1944 р. // Сторінки воєнної історії України.-Вип. 6.-К.,2002-С.135—147.

[4] Давтян С. М. Пятая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 5-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. – М.: Воениздат, 1990.

[5] Рязанова И. Б. Непрерывная связь. Не опубликовано. Отрывки в журнале «Наш современник», №5, 2009.

[6] Т. Бегельдинов. «Пике в бессмертие» – Алматы: Жазушы, 2000.

[7] <http://airaces.narod.ru/all5/bazarov.htm>.

[8] Тактика истребительной авиации ВВС Красной Армии ДСП, издание 1943 г.

[9] http://letopisi.ru/index.php/Максимов_Александр_Ефимович.

[10] Донченко С. А. Флагман штурмовой авиации. – К.: Политиздат Украины, 1988.

[11] О. В. Растренин. Штурмовик Ил-2. «Летающий танк». «Черная смерть». Коллекция, Яуза, ЭКСМО, 2008 г.

[12] Сто сталинских соколов в боях за Родину. Луганский С. Д. Истребители сопровождения.

[13] Драченко И. Г. На крыльях мужества: Повесть. – М.: ДОСААФ, 1986. – 208с.

[14] Пятихатская операция. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. http://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%FF%F2%E8%F5%E0%F2%F1%EA%E0%FF_%EE%EF%E5%F0%E0%F6%E8%FF.

[15] Истребительная авиация в Отечественной войне. Сборник статей №1. М., Воениздат, 1946, с. 213—215; Зимин Г. В. Тактика в боевых примерах: истребительная авиационная дивизия. – М.: Воениздат, 1982.

[16] ЦАМО, Фонд: 327, Описание: 0004999, Дело: 0016_2.





Для них не было "хохлов", "москалей"
и "чурок".

ИМЕННО ПОЭТОМУ МЫ ЖИВЫ СЕГОДНЯ



Глава 15. Корсунь-Шевченковский

1-й и 2-й Украинские фронты к середине января продвинулись далеко на запад. Но противник удерживал выступ в районе Звенигородки. Ставка решила: сомкнув фланги 1-го и 2-го УФ, окружить и уничтожить врага. Погода нелетная. Не удалось собрать вовремя нужные материальные запасы. Оттепель вывела из строя грунтовые аэродромы. Части 1-го шак и 7-го иак перебазировали на освобожденный Кировоградский аэроузел, разместив по 3—4 полка на каждом аэродроме с улучшенными взлетными полосами. Генерал Горюнов заметил: – Тесновато, но ничего, в тесноте не в обиде. Главное – удобнее и ближе к фронту [1]. К концу января погода стала улучшаться. Боевую работу начала воздушная разведка. И. С. Конев сказал, что он должен в любой момент знать, когда и куда двинутся танки противника. Перед наступлением командиры авиакорпусов и дивизий, наземные командармы провели розыгрыш намеченной операции. Организовали авиационные КП возле НП наземных командармов. КП Рязанова при командующем 53-й А, а Ф. А. Агальцов находился при 4-й гв. А. В 1-м шак провели штабное учение «Работа штаба корпуса по организации взаимодействия с наземными войсками на участке прорыва ударной армии», прочитали несколько лекций. Бывалые воздушные бойцы С. Е. Володин, Я. Н. Кутихин, С. Д. Пошивальников, А. С. Бутко, М. П. Одинцов, Г. П. Александров делились своим опытом с молодыми летчиками, готовились к новым боям. Рязанову сообщали о собраниях, он инициировал новые обсуждения. На одном собрании он сделал доклад, и сам же начал дискуссию, затем подключились другие командиры и летчики.

К 24.01.44 противник занимал рубеж реки Тясмин. 53-й армии поставили задачу во взаимодействии с 4-й гв. А и 5-й гв. ТА, прорвав оборону врага на участке Вербовка, Шпаково, наступать на Шполю. 1-й шак обеспечивает наступательные действия армий. 24 января противник нанес удары по местам концентрации наших войск. До 18 Ju 87 и до 30 Ju 88 атаковали боевые порядки 20-го ТК, но истребители 4-го иак совместно с 1711-м зенитно-артиллерийским полком и 355-м полком МЗА отразили эти налеты. В ответ 5-я ВА ударила по аэродромам Винницы, Умани, Калиновки [2]. Утром 24 января войска фронта начали внезапное наступление без авиаподготовки, после короткого артналета. Передовые части 4-й гв. и 53-й армий опрокинули вражеское прикрытие на участке в 16 км и продвинулись вглубь до 6 км. Вслед за этим ввели в бой главные силы обеих армий.

Ввели в прорыв 5-ю гв. ТА. Ее поддерживали штурмовики и истребители [1]. Первые три дня погода была нелетной. «Пешки» Полбина не взлетали. Части 1-го шак в период 25—29.01.44 из-за очень плохих метеоусловий работали малыми группами и вели активную разведку одиночными самолетами и парами. До конца дня 26.01 танкисты 20-го и 29-го ТК, поддерживаемые мелкими группами Илов 1-го шак, продвинулись вперед на 18—20 км и вышли на оперативный простор. С 29.01.44 при небольшом улучшении погоды корпус вел активные боевые действия, содействовал 53, 4 гв. и 5 гв. танковой армиям по окружению немецких войск в районе: Городище, Олышанка, Шевченко-Вязовок.

Немецкое командование пыталось закрыть прорыв мощными силами. 27.01 3-я, 11-я и 14-я танковые дивизии немцев нанесли удар с юга, а ТД СС «Викинг», 332-я и 359-я пехотные дивизии – с севера, отрезав наши 20-й и 29-й танковые корпуса от главных сил. Вся операция оказалась под угрозой провала. Командование танковых корпусов приняло рискованное решение – продолжить продвижения к Звенигородке и Шполю. И 28.01.44 части 20-го ТК взяли Звенигородку, а на следующий день 29-й ТК в 13.00 захватил Шполю. В это время части 4-й гв. армии и 53-й армии деблокировали танкистов, отразив немецкие контратаки. 29.01 части 6-й ТА соединились с танкистами 29-го ТК, замкнув кольцо под Корсунь-Шевченковским. Активное участие в преодолении критической ситуации приняли авиаторы. Генерал армии Конев приказал бросить все силы 5-й ВА на разгром немецких танков. Четыре полка Илов 1-го шак

и отдельный 611-й шап, все имеющиеся силы 1-го бак и 312-й нбад 28.01 направили на поддержку войск 5-й гв. ТА и 53-й армии. 2 полка Илов 292-й шад под прикрытием истребителей 4-го иак должны были действовать в интересах 4-й гв. А, отражавшей атаки окружаемых войск. Но низкие облака и ограниченная видимость не позволили организовать массированный удар по танкам. Илы работали группами до 8 самолётов. Воздушные бои с истребителями 52-й эскадры и пикировщиками 2-й штурмовой эскадры вели «кобры» 7-го иак. Силы авиации обеих сторон были примерно равными.

Немецкое командование спешно концентрировало крупные силы пехоты и танков в районе Ново-Миргород, Лебедин, Толмач и Вязовка. Их заметили 27 января разведчики-штурмовики капитаны Б. В. Лопатин и Д. А. Нестеренко. Разведданные срочно доложили командованию фронта, а затем начальникам штабов 4-й гв., 53-й А и 5-й гв. ТА. Группировки врага перешли в контрнаступление под основание левого и правого флангов наступавших на Шполу войск 2-го УФ. Некоторые наши соединения могли быть отрезаны врагом от основных сил, окружены и разгромлены [1]. Ю. Мухин в работе «Если бы не генералы» писал: «Окружение. Так как в наступлении потери втрое выше, чем при обороне, то наступающий полководец стремится сделать следующее. Он прорывает оборону на двух узких участках фронта (т.е. – несет большие потери только в этих местах), а затем вводит свои войска за спину противника (там, где у него нет войск) и создает для него сплошное кольцо своей собственной обороной. Окруженному противнику перерезаются пути снабжения, ему надо обязательно соединиться со своими войсками, а для этого надо атаковать. Поэтому тот полководец, кто окружает, не только резко ослабляет своего противника, но и превращает его из обороняющегося в атакующего, заставляет его нести большие потери на прорыве окружения. Эти обстоятельства часто приводят к тому, что окруженный сдается, тогда „чистая“ победа. Тогда по итогам безвозвратные потери, того, кто окружил, в десятки раз меньше безвозвратных потерь того, чьи войска попали в окружение. Но окруженный не всегда сдается. Примеры из той войны – Ленинград, Севастополь, немцы в демянском котле, сидевшие сначала в полном окружении, а потом – в неполном более года. В таких случаях окруженный противник начинает сковывать чужие войска (не давать воевать в другом месте), тогда он становится проблемой, порой нерешаемой (Ленинград, немцы в демянском котле) или труднорешаемой (Сталинград)».

К вечеру 27-го января подморозило, выглянуло солнце. Генерал Конев, улетаая к Ротмистрову, оставил распоряжение: «Все силы 5-й ВА направить на уничтожение танковой группировки (врага) в районе Лебедин, Толмач, Искреннее. Работу начать с 8 часов 20 минут утра (с рассветом) без доразведки. Командиру корпуса Рязанову управление штурмовой авиацией вести с НП командующего 5-й гв. ТА». Представителю Ставки по авиации генералу Худякову Рязанов сказал, что с командующими 5-й гв. ТА и 53-й А планы согласованы. С 4-й гв. А работает Агальцов [1]. Четыре полка Ил-2 Рязанова решили направить на поддержку 5-й гв. ТА и 53-й А. Прикрытие наземных войск, сопровождение Илов и «пешек» осуществляли истребители Утина.

Как приказал Конев, работа началась без доразведки. Первыми поднялись в воздух Илы во главе с Лопатиным и Нестеренко. Они помнили, куда идти и знали, что делать. С земли управлял Рязанов. Илы 25 минут бомбили танки и орудия врага, обстреливали из пушек. Группы Лопатина и Нестеренко сменили группы Александрова и Одинцова, затем группа Бегельдинова. И так весь день. Удары Илов задержали продвижение немецких танков [1]. 29 января в районе Юзефовки 8 Илов мл. лейтенанта В. И. Андрианова из 667-го шап ударили по колонне 18 танков и 15 автомашин с пехотой, подожгли 4 танка и 3 автомашины, подавили зенитную батарею. Шестерка Илов, ведущий Чепелюк, нанесла 31.01.44 удар по аэродрому в районе Городище. Сам Чепелюк уничтожил два Ю-52. Раньше эта шестерка уничтожила эшелон с боеприпасами на станции Шевченко. В дни сражения Чепелюк и другие штурмовики делали по три-четыре вылета в день.

Двум шестеркам Илов комэска Девятьярова Рязанов приказал найти танки дивизии «Мертвая голова» и бить по ним, пока не подойдет смена. С трудом обнаружили танки, их около 60. Ведущий сообщил Рязанову, построил атаки так, чтобы заходы на цель были неожиданными. Меняли высоту атак, набрасывались на танки «звездой» – с трех сторон, заходили поочередно, с разным углом пикирования. Градом летят из кассет ПТАБы. – Еще заходик! [5]. Целей предостаточно. Ведущий находит «тигра» и вонзает в его кормовой отсек пушечную очередь. Из горящих машин выскакивают фашисты; огонь, суматоха и паника. Многие пилоты уже без боеприпасов. Рязанов доволен действиями пилотов. Он вызывает новые Илы. Девятьяров выводит группу из боя. На подходе группа Николая Пушкина. В этот день еще три группы полка били по вражеской колонне. Четыре группы Илов задержали продвижение колонны на полтора-два часа. Успели выдвинуть в угрожаемый район артиллерийские противотанковые части и танки, они добились «тигров» и «пантер». Сильные удары дезорганизовали немецкие дивизии. Это помогло нашим войскам: под их напором немцы стали откатываться назад.

Советской авиации противостоял 4-й Воздушный флот генерал-полковника Отто Деслоха. Противник бросил в бой с Николаевского и Рауховского аэроузлов почти все авиачасти, оставив практически без авиационной поддержки свои войска на плацдарме у Никополя. В период прорыва советских войск пикировщики SG 2 атаковали наши танковые части и передовые позиции в районах Толмача и Вязовка. FW-190 I/SG10 группами по 4—20 самолетов работали по нашим коммуникациям [2]. Когда кольцо сомкнулось, одновременно был создан внешний фронт, чтобы не допустить со стороны Умани деблокирования окруженных. Противник с 28 января начал стягивать с других фронтов к району прорыва крупные танковые силы и предпринял отчаянные попытки ударами извне прорваться к своим окруженным войскам. Началась тяжелая изнурительная борьба. Части Рязанова, взаимодействуя с 53, 4 гв. и 5 гв. танковой армиями, с 1 по 17.2.44 сражались с окруженным противником. Уничтожали и транспортную авиацию противника на площадках в районе Корсунь-Шевченковского. Только звено мл. лейтенанта Щапова сбило 11 Ю-52, пытавшихся пробиться к окруженной группировке. Звено мл. лейтенанта Чепелюка за два вылета 10.02.44 уничтожило 4 самолета Ю-52. Летчики работали, не жалея сил. – Котёл есть! – подмигивал товарищам Александр Гридинский и басил, – Поможем помешать там кашу! Я уж и ложку приготовил...

Вылеты идут один за другим. Группу разведчиков ведет капитан Красота со своим воздушным стрелком сержантом Иконниковым. Противник подтягивает резервы, создает танковые клинья. Как повелось еще с Калининского фронта, охотники били то, что находили. Разведчики видят, – танковая колонна ползет к Шполе. Стремительная атака, сброс «фугасок», ПТАБов, пушечные очереди. Рязанов посылает туда другие группы [3].

Войска 1-го и 2-го УФ все теснее сжимали кольцо окружения. Авиация наносила удары по войскам врага, создала воздушную блокаду, нарушив снабжение окруженных войск по воздуху. Но авиации пришлось очень сложно. На полевых аэродромах были подготовлены лишь узкие, вытянутые полосы, взлет и посадка в двух направлениях не более чем парой самолетов. Стационарный аэродром у воздушной армии имелся только в Кировограде. Штаб корпуса перебазировался в Кировоград вскоре после его освобождения. Фронт был недалеко, и город обстреливался артиллерией.

Немецкие пилоты умело использовали наземный ландшафт и низкую облачность для маскировки. Они активно вели воздушные бои на малых высотах, но проявляли настойчивость лишь в наиболее критические моменты сражения. 1-й шак и 7-й иак активно помогали наземным войскам в развитии прорыва и отражении контратак в районах Ротмистровки, Каменоватки, Федоровки, Ковалихи, Веселовки. 29.01 было выполнено 107 самолетовылетов, уничтожено 22 танка, 50 автомашин, 5 батарей полевой артиллерии, 20 повозок, сбито 5 немецких самолетов. Комэска 516-го иап И. Ф. Андрианов в первом вылете в районе Лебедина сбил

Ю-87, а через два часа в районе Шполы уничтожил еще один «юнкерс». 30.01 1-й шак выполнил 211 самолетовылетов по немецким войскам в районе Вязовок, Матусов, Листопад, Златополь, Сигнаевка, Новомиргород. На следующий день штурмовики уничтожали живую силу и боевую технику противника в районах Златополя, Новомиргорода, Андреевки и на дорогах [4].

Василий Георгиевич отдал необходимые распоряжения начальнику штаба, а сам выехал в полк. Рязанов слушал пилотов внимательно, задавал вопросы, пытаясь вникнуть в их выстраданные в боях мысли. Его радовало то, что слова летчиков часто совпадали с его идеями. Молодежи необходим жизненный опыт. Важно, когда его передают знающие наставники. Молодежь черпала важные для них сведения, опыт, душевную силу. Генерал сказал, что его радует высокий боевой дух летчиков. Он верит, что их действия будут решительными, грамотными в тактическом отношении. Уезжал из полка Рязанов с легкой душой, с уверенностью в правильности принятых решений. И летчики тоже получили заряд бодрости. В условиях бездорожья важными были данные о перемещениях войск неприятеля. Их доставляли штурмовики, вылетавшие на разведку. У нас не было специального самолета-разведчика, аналога немецкой «рамы». Штурмовики, машины более защищенные, чем истребители, много раз использовались для воздушной разведки и доставляли жизненно важные сведения, оказывая неоценимую помощь, как авиации, так и другим нашим войскам. Летчики 1-го шак не раз вели разведку в тяжелых условиях.

И. С. Конев в книге «Записки командующего фронтом. 1943—1944» писал: «Удары бомбардировщиков и штурмовиков должны были содействовать прорыву вражеской обороны, обеспечить ввод в прорыв танковых армий, уничтожить авиацию противника над полем боя и прикрывать боевые порядки наших войск. Сложные метеорологические условия – облачность 100—150 м, туманы и снегопады – значительно затрудняли действия авиации. Но наступление поддерживалось группами самолетов». И. С. Конев тогда говорил: пусть каждый делает свое дело, но делает хорошо. Одну машину два шофера вести не могут. Конев был человеком исключительно честным, требовательным, не терпящим лжи и фальши. А. Е. Голованов вспоминал, как осенью 1942 года в его присутствии в разговоре с Верховным Конев поставил вопрос о ликвидации института комиссаров в Красной Армии, мотивируя это тем, что этот институт сейчас не нужен. Главное, что сейчас нужно в армии, – это единоначалие, доказывал он. И решением Политбюро институт комиссаров был упразднен. Хотя могли Конев и сурово наказать.

С 29 по 31 января 1944 года стояли туманы, шли ливневые дожди и снегопады. Но летчики Рязанова взлетали и сражались, преодолевая непогоду, активно поддерживая свои войска, отражающие яростные контратаки вражеских танков в районах Ковалихи, Ротмистровки, Каменоватки, Федоровки, Веселовки [4]. Мощным и эффективным был удар восьмерки 667-го шап капитана Б. В. Лопатина по скоплению танков противника в районе Корсунь-Шевченковского [4]. Рязанов наводил восьмерку на цель, а командующий фронтом, присутствующий на КП, внимательно наблюдал. За отличную работу группа получила по радио благодарность от Конева. Другая группа штурмовиков атакует позиции противника в районе Федоровки. Конев спрашивает Рязанова: – Хорошо штурмуют, упорно. Кто ведущий? – Командир эскадрильи 66-го шап капитан Девятьяров, товарищ генерал армии. В этом вылете Девятьяров уничтожил 2 танка, 5 автомашин, 6 повозок, подавил огонь батареи зенитной артиллерии. «Управление боевой деятельностью авиации с КП командир корпуса осуществлял по радио» (ЦАМО, фонд 20502, опись 1, дело 49, л. 30). В результате «твердо установилось правило – сообщение разведчикам разведанных по радио с борта самолета на КП командира корпуса» (л. 32). Когда 30.01.44 2 Як-1 сопровождали 2 Ил-2 на разведку в районе Мал. Виски, Липовки, капитан Максимов сбил 1 Фв-190. 31.01.44 мл. лейтенант Куличев прошел сильный заградительный огонь и штурмовал танки в районе Новомиргород. При выходе из второй атаки его атаквали

2 Ме-109, снаряд ударил по кабине, он был сильно ранен в шею и в голову. Но он отбил все атаки истребителей противника и посадил самолет на своей территории. 1.02.44 капитан Максимов, сопровождая 4-мя Яками 8 Ил-2 в районе Новомиргород, сбил ХШ-126.

Однако 1.02.44 начались ожесточенные немецкие атаки из района Шубины Ставы на Лисянку, навстречу им (из-под Стеблева на Шендеровку) пробивались окруженные войска. Еще 50—60 танков с пехотой атаковали из района Ерок на Звенигородку. Штурмовики и истребители 5-й ВА выполнили 219 самолетовылетов, уничтожили 22 танка, 107 автомашин, 15 повозок, 2 батареи полевой артиллерии немцев. В воздушных боях было сбито 14 вражеских самолетов. 8 Ил-2 комэска В. Т. Верёвкина на пути из Новомиргорода на Малую Виску уничтожили 10 автомашин с пехотой. 1.02.44 7 Ил-2 вылетели на штурмовку 40 танков противника в районе Лишнякова, Толмач под прикрытием 4 Як-1, ведомых Максимовым. В 13 час 30 мин на высоте 1100 м в районе Толмач 12 Фв-190 и Ме-109, прикрывая боевой порядок танков, атаковали Ил-2, но наши истребители встретили их сильным заградительным огнем. Все атаки были отбиты, штурмовики отлично выполнили задание и довольные, без потерь вернулись на аэродром.

Утром 1 февраля противник силами четырех танковых дивизий и мотопехоты нанес сильнейший удар по левому флангу 53-й А и по некоторым соединениям 5-й гв. ТА, прорываясь к окруженным войскам со стороны Лисянки. Одновременно со стороны окруженных войск две пехотные дивизии при поддержке танкового полка атаковали соединения 4-й гв. А. Изнутри кольца пробиться не получилось. С воздуха гвардейцам хорошо помогали Илы генерала Агальцова и Яки генерала Подгорного. Помощь авиации для борьбы с «тиграми» и «пантерами» при отражении их контратак была необходима. Из-за непогоды не могли вовремя подвезти боеприпасы для наземных войск. Конев писал, что немецкие дивизии по численности личного состава превосходили советские дивизии почти в два раза. Противник на внешнем фронте превосходил наши силы по танкам.

В 12.14 1-го февраля приказание корпусу: штурмовать до 100 танков, двигавшихся из Липянки на Толмач. В течение дня от командующего 5-й воздушной армией поступали отдельные приказания на боевые действия. Так, в 10.37 было приказано штурмовать пехоту и артиллерию противника, которые двигались сплошной колонной из Каменоватки на Златополь в сопровождении 60 тяжелых бронетранспортеров и танков. В 14.20 в корпусе получено приказание: все силы штурмовиков направить на уничтожение группировки противника в районе Городище. На левом фланге танковой армии Ротмистрова приказано вести разведку и для действий по ее данным держать одну группу в готовности. В 15.40 получено приказание — «немедленно выслать все, что имеется готового для удара по центру и северо-западнее окраины Бурты и лесу, что...». Рязанов находился на НП Ротмистрова. Ему приходилось напрягать все силы, пытаясь исполнить приказы, включая и то, что было приказано накануне. Части корпуса 1.02.44 выполнили 219 вылетов и в результате боевых действий нанесли противнику следующие потери: 22 танка, 107 автомашин, 15 повозок батареи полевой и зенитной артиллерии, до 160 солдат и офицеров, два очага пожаров. Сбито 14 самолетов врага: 12 Ме-109, 1 Фв-190, 1 ХШ-126. Не вернулись на свои аэродромы 3 Ил-2 и 5 Як-1. Из них 1 Ил-2 и 4 Як-1 подбитыми вынужденно сели на своей территории.

Рязанов взаимодействовал с Ротмистровым, с 5 танковой армией. Подвижность танков компенсировалась отличной организацией радиосвязи. Оперативная группа 1 шак непрерывно следовала за оперативной группой 5 танковой армии. Радиостанция наведения была смонтирована на автомашине «Додж» с хорошей проходимостью, — это было необходимо в условиях бездорожья. В наиболее ответственные моменты продвижения танковой армии придавалась радиостанция в танке. Этот «Додж» немцы сожгли под Берлином. Мама еле успела из него выскочить. А награды Тани Лебедевой там и сгорели.

Рязанов все время находился на передовой, руководил штурмовиками на поле боя. Чернецову он приказал: работать по переднему краю противника, встать в круг и держать под огнем воздействием противника полчаса. Чернецов отлично выполнил задание и получил благодарность Рязанова. Майору Степанову Рязанов по радио ставил задачу: найти танки противника, прорвавшиеся к окруженной группировке из района Смела, и передать командира корпуса их местонахождение. Степанов выполнил задание. Еще когда он был в воздухе, Рязанов поднял новые группы штурмовиков для удара по этим танкам.

В 1-м шак (через несколько дней уже гшак), когда создавалась исключительно сложная обстановка, на разведку вылетали ответственные офицеры руководящего летного состава дивизий. Так было и 1.2.44, когда на участке Липинка, Толмач создавалась очень сложная обстановка. Связь с нашими войсками в этом районе нарушалась. Требовалось немедленно выяснить ситуацию, особенно расположение наступающих танков противника. Задача по разведке была возложена на капитанов Степанова и Красоту. Сильное насыщение зенитными средствами и сильное истребительное прикрытие. Но капитаны, рискуя, снижаясь до бреющего, установили местонахождение 70 танков противника. По ним и стали работать части корпуса. Танковая группировка противника, понеся значительные потери, была полностью рассеяна.

Немецкая авиация активизировала свои действия, и воздушные бои приняли самый напряженный за все время операции характер. В условиях плохой погоды немецкие истребители IV/JG 51 и III/JG 52, а также их венгерские коллеги группами по 2—4 Me-109 непрерывно патрулировали над районом боевых действий. Вылеты осуществлялись с небольшим интервалом, и в воздухе находились до 16 истребителей одновременно. В зависимости от ситуации в воздухе они выполняли функции разведчиков, «охотников», помогали бомбардировщикам или другой группе истребителей. Пилоты «фокке-вульфов» из II/JG 54, II/SG 77, I/SG 10 охотились за нашими Илами, неожиданно атакуя на малой высоте с коротким залпом и стремительным уходом на повышенной скорости независимо от результатов атаки. Так легче было сбивать, будучи при этом неуязвимым. Иногда немецкие пилоты давали бой и опытным советским истребителям. Воздушные стычки часто возникали неожиданно для обеих сторон и проходили с переменным успехом. Во время одного из таких вылетов 1.02 в бою с двумя Як-9 был сбит самолет венгерского аса Д. Деброя. Он с поручиком Миклошем Кеньерешем вылетел на патрулирование. Из облаков появились два Яка. В короткой стычке самолет Деброя и оба наших самолета получили по несколько пушечных и пулеметных попаданий. Венгерский пилот совершил вынужденную посадку на советской территории, но Кеньереш вывез его к своим. Однако 3 дня спустя сам Кеньереш – у него к тому времени было 19 воздушных побед – был сбит в подобной ситуации и пленен. Красота 2.2.44 сбил Фв-190. Бомбардировщики врага в этот период начали массированные действия по боевым порядкам советских войск. Группы состояли из 8—20 самолетов Ju-87, Ju-88 или He-111. Иногда наряд бомбардировщиков достигал 70 самолетов. Вылеты шли как с прикрытием истребителей, так и без него. Главной целью бомбардировки были боевые порядки советских войск в районах Шполы, Лебедина. Немецким войскам на внешнем кольце окружения удалось продвинуться на 5 км вперед и захватить село Крымки. Положение 53-й армии стало критическим [4].

Из района Толмач крупные силы пехоты и танков начали рвать кольцо окружения. Удар был мощным и концентрированным. У частей 53-й армии боеприпасов уже почти не было. Боевые порядки наших войск перемешались с танками и бтэрами противника. Нашу артиллерию обошел противник, и действовать она не могла. Требовалась срочная помощь авиации. В десятом часу утра 1.02 начштаба 53-й армии генерал И. И. Воробьев попросил помощи авиации, сказав: «Наши войска стоят насмерть, контратаки врага отбиваем». Под вечер узел связи 5-й ВА принял тревожную радиogramму генерала Воробьева генералу Рязанову: «Бейте танки и бронетранспортеры в районе Крымки. Это войска противника. Артиллерию не трогать – она наша» [1]. Понятно, что в районе боевых действий 53-й армии создалось исключительно тяже-

лое положение. Но как работать Илам, разобраться с танками, бтэрами и артиллерией, перемешанными в районе Крымки? Вызвала подозрение в штабе 5-й ВА и радиограмма, переданная открытым текстом. В предыдущих сообщениях не было ничего подобного. Может, это провокация. Связаться по телефону с генералом Воробьевым не удалось, – штаб 53-й А на связь не вышел. Люди тяготеют к стабильности, плохо воспринимая нарушения привычного порядка. В войну таких нарушений больше. Но если уже совсем из ряда вон... Обратились к Рязанову. Он по приказу Конева был у Ротмистрова – на КП 5-й гв. ТА. С ним связались по телефону. Василий Георгиевич сразу, не раздумывая, ответил: нет, это не провокация. Он тоже пытался связаться со штабом 53-й А, но без результата. Вероятно, телефонная связь нарушена. Радио тоже молчит, положение тревожное, 53-й А требуется срочная помощь. Если будет дано разрешение, он, генерал Рязанов, готов помочь, чем может, ночью перебазирует свой КП в район прорыва танков врага, чтобы с утра наводить Илы на войска противника, сорвать его атаки, не дать прорвать кольцо окружения. Иного выхода из положения генерал не видел. Переговорив с Рязановым, офицеры штаба доложили ситуацию Горюнову. Командарм знал, что Илы Рязанова и истребители Утина действуют в районе Звенигородки, перенацеливать их на другие участки внешнего фронта окружения немецкой группировки генерал Конев запретил, и пока этот запрет не отменен. Сергей Кондратьевич, выслушав очень внимательно, закурил, прежде чем принять решение, потом взял синий карандаш, обвел на карте район Крымки жирной чертой, рядом написал: «До 200 вражеских танков», а несколько выше, уже красным карандашом, дополнил запись такими словами: «127 штурмовиков Рязанова и 130 истребителей Утина, вооруженных 37-миллиметровыми пушками, способных поражать вражеские танки и самоходные орудия...». Затем командарм по ВЧ доложил Коневу свои предложения.

Очень скоро Рязанову передали срочную радиограмму: «Не только организовать действия штурмовиков по вражеским танкам, но и помочь командованию 53-й армии в быстрейшем закрытии бреши, пробитой вражескими танками. Действуйте вместе с командующим артиллерией фронта генералом Н. С. Фоминным, которого туда направил генерал армии Конев» [1]. Генерал Фомин был не только прекрасным артиллеристом, профессия сродни математике, хорошим командиром, но и большим любителем живописи, и сам неплохим живописцем. Так генерал Рязанов оказался на самом остром прорыва танков противника в районе Крымки. В течение ночи оборудовали КП авиаторов со средствами управления. Вскоре там был и генерал Утин. Медлить было нельзя. Через Крымки генерал Брайт направил к окруженным дивизиям 3-й немецкий ТК. Все произошло слишком неожиданно. Разведка просмотрела сосредоточение и движение танков противника. Бои в районе Крымки оказались тяжелыми. Как осуществляется прорыв? На небольшом участке концентрируется высокая плотность огня артиллерии и авиации. Уничтожаются все укрепления, выжигается все живое. Затем туда устремляются танки, за ними мотопехота, захватывая участок фронта. Но авиация своей мобильностью, своей «длинной рукой», может отсечь резервы, а с теми, кто прорвался, должны справиться обороняющиеся. Однако на остром прорыва работать очень нелегко.

Уже на рассвете начали работу Рязанов, Утин и Фомин. На пути рвавшимся к окруженным войскам «тиграм» и «пантерам» встали штурмовики. Группы по 8—12 Ил-2 под прикрытием Як-1 с Кировоградского аэроузла летели в район Крымки. Двое суток подряд 127 штурмовиков и 130 истребителей, артиллерия фронта, останавливали танковые части генерала Брайта. На поле боя было сожжено более 50 танков. Группы вели Бегельдинов, Александров, Одинцов, Красота, Нестеренко, и другие бойцы. Тысячи ПТАБов сбросили они на танки врага. Вели огонь по пехоте и бтэрам, продвигали войска 53-й армии к прежней линии обороны на внешнем фронте окружения южнее Крымки. Двое суток генерал Рязанов не уходил с КП. Рязанов с 53-й армией работал еще на Калининском фронте. Затем на Курской дуге, под Белгородом, Харьковом, на Днепре, под Кировоградом. И снова штурмовики Рязанова, истребители Утина, помогли наземным коллегам. Сейчас, по прошествии лет, в памяти осталось, видимо, главное

из того, что сделали эти люди, их военные подвиги, и они представляются людьми необыкновенными, почти античными героями. Они же были обычными, с простыми человеческими привычками и слабостями. Но, когда понадобилось, они поднимались на уровень легенд. 1-го февраля 5-я ВА произвела 447 самолетовылетов. В воздушных боях было сбито 25 самолетов противника, зенитчики уничтожили еще 6. Штурмовики уничтожили 22 танка, 170 автомашин. Мы потеряли в воздушных боях 5 самолетов, а еще 4 не вернулись с задания.

2.02.44 немцы начали новую атаку в направлении Искренного. К этому моменту у наших войск уже не оставалось резервов. Не успевали подойти артиллерия и танки, подвезти боеприпасы. Командование фронта приказало 1-му шак поддержать 5-ю гв. ТА. С 8.20 без предварительной разведки штурмовики начали удары по немецким войскам. Пилоты корпуса выполнили более ста вылетов на штурмовку. 6 немецких автомашин уничтожила группа Ил-2 С. Д. Пошивальникова у села Петропавловка. Летчики корпуса уничтожили и повредили 6 танков, 43 автомашины, 2 зенитных батареи, создали 8 очагов пожаров. Штурмовики группы Красоты сбивали Фв-189. Одновременно 1-й шак не прекращал попыток выправить положение на участке 53-й А. Илы с ведущими пилотами корпуса непрерывно действовали над полем боя, помогая пехоте и артиллеристам. 2.02 группа в составе 9 Ил-2, ведущий – штурман 820-го шап Кузнецов, атаковала в районе Вязовок 40 танков и 25 автомашин. 12 танков было разбито. Ревут моторы, крутятся пропеллеры, рвутся снаряды и бомбы. Вылет за вылетом. Посадок меньше. Кто-то должен подняться над суетой, сказать обобщающее слово, дать направление, запеть песню, которую подпоят бойцы. Это дело командира корпуса.

Штурмовики группами по 8—9 самолетов непрерывными ударами воздействовали на войска противника. Из книги «Советские ВВС в Великой Отечественной войне. 1941—1945»: «Активными действиями летчиков было задержано выдвижение немецких танковых соединений к полю боя, что помогло 5-й гв. ТА, 4-й гвардейской и 53-й армиям успешно отразить контратаки противника и к 28 января войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов завершить окружение корсунь-шевченковской группировки. Утром 2 февраля противник предпринял сильные контратаки с целью обеспечения выхода своих войск из окружения. В связи с отсутствием у нас на данном направлении резервов создалась для войск весьма сложная обстановка. На помощь им пришла авиация. Командующий 5-й ВА направил части 1-го гшак на уничтожение контратакующей танковой группировки противника. В течение небольшого времени штурмовики совершили 127 вылетов. Непрерывными атаками они нанесли большие потери противнику и оказали своевременную помощь войскам 5-й танковой и 53-й армий в отражении вражеских контратак». Одну из групп вел комэска 667-го шап капитан Г. Т. Красота. В районе Киселевки ведущий, обнаружив большую колонну вражеских танков и автомашин, развернул группу и первым устремился в атаку. За два захода летчики уничтожили три танка и автомашину, а ведомый комэска младший лейтенант И.Х. Михайличенко сбил вражеский самолет. Вторую группу этого полка вел капитан Б. В. Лопатин. Три захода по скоплению боевой техники в Завадовке: уничтожено 6 автомашин, подавлен огонь батареи зенитной артиллерии, а воздушные стрелки сбивали истребитель врага [2].

Г. Т. Красота был сбит, считался погибшим, но выжил, попал в плен. Когда его освободили, весил он всего тридцать девять килограммов. Я помню, как в восьмидесятых он раз или два в году объезжал оставшихся в живых ветеранов, потом заезжал к маме, и, как жене командира, докладывал о состоянии дел. Всё хотел написать книгу воспоминаний. Боюсь, не удалось ему это сделать. В Львове, где он жил, вскоре стало совсем не до этого. Я помню, как он рассказывал начало, о своем детстве в Читинской области. Возможно, предчувствуя, что высказаться полностью ему не удастся, говорил он очень быстро, сбиваясь, перескакивая с одного на другое.

3 февраля авиаторы работали по живой силе и боевой технике врага в районах Мокрой Калигорки, Орловца, Городища, Киселевки, Капустина и Петропавловки. Вели разведку

на южном участке кольца окружения. В дополнение к ранее отданному боевому распоряжению корпус получал и другие приказания. Так, в 11.40 обращено внимание командира корпуса на необходимость поиска транспортных самолетов на посадочных площадках. В 13.42 командующий ВА приказал немедленно вылететь на уничтожение транспортных самолетов противника без доразведки. В 14.25 на имя Рязанова получена телеграмма: «Воздух Рязанову. Противник из района Капустино перешел к контратаке силою до 70 танков. Командующий приказал ранее поставленную задачу отставить, все силы перенацелить на уничтожение контратакующего противника.». В 16.05 за подписью командующего ВА на имя комкора была получена еще одна телеграмма: «По дополнительным данным противник перешел в контратаки в направлении Соболевка – до 24 танков, в направлении Кауновка – до 40 танков...».

Части 1-го шак 3 февраля выполнили 109 вылетов, уничтожили 25 танков, 64 автомашины, подавили огонь батареи зенитной артиллерии, сбили немецкий самолет. Только восьмерка Ил-2 капитана А. П. Компанийца уничтожила в районе Киселевки 5 танков и столько же автомашин [4]. В сильный снегопад, при очень ограниченной видимости, Одинцов вылетел в паре с лётчиком Бабкиным. В снежной мгле они отыскиали аэродром врага и уничтожили 5 транспортных самолётов и несколько автомашин. Потом Одинцов привёл сюда большую группу Илов. Разбили самолеты, склады с горючим и боеприпасами. 3.02.44 противник сосредотачивал танки и живую силу в районе Капустина, Стецовка. Рязанов в 14.00 поставил задачу 667-му шап: уничтожать танки и живую силу противника в районе Капустина, Стецовка, Искренное. Вылетела восьмерка под командой Столярова. Обнаружив танки, пошли в атаку. Столяров построил круг. Затем обнаружили новую цель, атаковали ее. Три танка, 5 автомашин уничтожили, 4 танка повредили, без потерь пришли домой. 3.02.44 группа из 6 Илов, ведомая Девятьяровым, в районе Капустина вывела из строя 5 танков и 7 автомашин с грузами. Ротмистров, наблюдая за работой Илов, вынес им благодарность. Веревкин в составе шестерки Илов сорвал попытку противника прорвать передний край обороны. Они рассеяли и уничтожили 12 танков, получили благодарность Ротмистрова. С 3.02 атаки немцев из районов северо-западнее Звенигородки усилились. 5-я ВА нанесла удары в районах Мокрой Калигорки, Орловца, Городища, Киселёвки, Петропавловки.

С 4.02 снова ухудшились погодные условия на участке 5-й ВА. Начались проливные дожди. Полевые площадки растаяли. Затем ударили морозы, начались метели. Самолеты обмерзали, вылетали лишь наиболее опытные экипажи. В результате контратак противника наши войска оставили Соболевку, Кауновку, Нечаевку. Контратаки в районе Искренное отражены. Авиация противника проявляла значительную активность: группами до 70 Ю-87 бомбардировала наши войска, группами по 2—4 Ме-109 и Фв-190 прикрывала свою танковую группировку, вела разведку боевых порядков наших войск и противодействовала боевой работе нашей авиации. В 12.23 на имя Рязанова была получена телеграмма: «В 10.50 установлено 60 танков от Каменный Мост через Плетень-Ташлык на Мал. Виски. Наблюдение продолжается. Командующий 5 ВА приказал продолжать штурмовые действия в интересах 4 гв. армии, одновременно готовиться к удару по танкам. Переключение по танкам дополнительным распоряжением. Гречко». Вслед за этой телеграммой на имя комкора была получена другая, в которой командующий фронтом приказал две трети сил штурмовиков направить на разгром танковой колонны, идущей от Каменный Мост через Плетень-Ташлык на Мал. Виски и третью сил продолжать уничтожать войска противника в районе Городище, Петропавловка. Исполняя эти приказания, корпус проделал следующую работу: 8 гшад работала в районах Каменный Мост, Плетень-Ташлык, Мал. Виски и вела разведку. 9 гшад уничтожала танки в районе Городище, Петропавловка.

4.2.44 в 2.30 Рязанов передал командирам 247 и 516 иап такое сообщение: «Ротмистров благодарит летный состав, участвовавший в боевой работе 3.2.44. Работу наблюдал лично

с самолета У-2. Объявить всему личному составу, участвующему в боевой работе 3.2.44 благодарность. Рязанов».

На участке 53-й А на направлении Товмач-Крымки штурмовики 1-го шак, действуя мелкими группами под прикрытием истребителей 203-й иад, весь день атаковали противника. Группы Илов выискивали и поражали вражеские танки, отсекали, громили подкрепления. Авиационная поддержка наземных войск часто решает успех боя. Было выполнено 193 самолетовылета, уничтожено 12 танков, 47 автомашин, 8 жд вагонов. Наши истребители сбили 2 Фв-190. Два Ил-2 при перестроении столкнулись и потерпели катастрофу. С помощью авиации 53-я армия наконец-то смогла остановить немецкое наступление. По оценке командиров 53-й А 1-й шак с честью выполнил трудную задачу. Связь возобновилась, и генерал Воробьев сообщил, что танки и пехота врага совместными массированными ударами артиллерии и авиации остановлены. Не понеся больших потерь, части 53-й А прочно закрепились на рубеже Крымки, Листопадово. Штаб армии вновь обосновался на месте, установил связь со своими войсками и с соседями. Генерал Воробьев прислал телеграмму: «Авиация по месту и времени действовала хорошо. Наступление противника остановлено. Воробьев». А уже вечером 4-го февраля И. И. Воробьев телеграфировал С. К. Горюнову: «4 февраля с наблюдательных пунктов войск 53-й армии обнаружено большое движение колонн войск противника. Часть из них была накрыта мощным огнем артиллерии. На другие колонны были вызваны штурмовики 1 шак, которые произвели до 60 самолетовылетов, своевременно и метко уничтожили врага. В результате удачного взаимодействия авиации и артиллерии противник вынужден был изменить путь движения, понеся при этом большие потери. Наш 75 ск продвигается вперед, не встречая противника».

Воробьев, указав важные цели, по которым требовалось нанести удары с воздуха, написал: «Радостно бьется сердце, наблюдая отличную работу нашей авиации. Меткими массированными ударами штурмовиков вместе с артиллерией наступление противника остановлено. Воробьев». Начальник оперативного отдела 5-й ВА С. Н. Гречко вспоминал: «Как обычно, под вечер я зашел к генералу Горюнову доложить последние данные о результатах боевой деятельности штурмовиков, помогавших наземным войскам в отражении танковых атак противника в районе Крымки. Это были очень хорошие данные: за день летчики-штурмовики уничтожили 33 вражеских танка, сожгли больше 100 автомашин с грузами, подавили огонь 5 артиллерийских батарей противника, огнем из пушек и пулеметов истребили до 300 вражеских солдат и офицеров. Выслушав сообщение, Сергей Кондратьевич довольно улыбнулся и с подчеркнутым уважением сказал о своем фронтовом друге и соратнике по борьбе командире 1-го штурмового авиакорпуса генерале Рязанове: – Василий Георгиевич отлично управляет действиями своих бойцов. „Тигры“, „пантеры“ и „фердинанды“ от ударов штурмовиков горят, как тонкие церковные свечки. Ну что там дальше? Докладывайте... Я положил на стол генералу листок с записью только что полученного сообщения: немецкие танки оставили, наконец, район Крымки, отошли на исходные позиции, а войска 53-й армии заняли прежний рубеж обороны. Сообщил, что, по нашим подсчетам, за последние четыре дня блокады окруженной группировки противника на посадочных площадках в районе Корсунь-Шевченковского и в воздухе уничтожено не менее 200 вражеских транспортных самолетов» [1]. 4.02.44 четыре Як-1 сопровождали 2 Ил-2 на разведку в район Екатеринополь. Встретили 5 Фв-190. Лейтенант Безверхий в воздушном бою сбил Фв-190.

Транспортные самолеты, прорывавшиеся в котел ночью, на рассвете попадали под удары экипажей 292-й шад. Группа из 8 Илов во главе с комэска Г. Т. Красотой с двух заходов сожгла 7 транспортников и до 60 автомашин с грузами на посадочной площадке в районе Городища. Илы 1-го шак нанесли удар по аэродромам и посадочным площадкам Умань, Корсунь-Шевченковский. Группа летчиков 1-го шак, ведущий капитан В. Т. Веревкин, работала на посадочной площадке у отметки 174,5. Она бомбовым, пушечным и пулеметным огнем уничтожила 5 раз-

грузавшихся Ю-52. Эскадрилья Илов капитана Лопатина у Корсунь-Шевченковского с одного захода уничтожила 4 транспортника. Истребители 2-й и 5-й ВА за период с 29.01 по 3.02 провели 120 воздушных боев и объявили об уничтожении 130 немецких самолетов (102 воздушных боя и 94 сбитых самолета – на счету истребителей 5-й ВА, остальные – 2-й ВА) [1]. 2-я ВА за 18 дней февраля сбила 211 и сожгла на аэродромах 257 самолетов, в основном Ю-52. 4.02.44 В. М. Шевчук, сопровождая пару Илов на разведку в районе Малые Виски, в 11.10 сбил Фв-190.

Враг был силен. И. С. Конев говорил: «Это только в кино показывают немцев как неумех и придурков, побеждать которых не требуется большого ума». Дочь маршала, Наталья Конева в своей книге «Мой отец маршал Конев» приводит слова Конева из его записной книжки: «Любую войну, раз она началась, выиграть не так просто и легко. Это требует напряжения всех духовных и материальных сил народа. Мы блестяще выиграли прошедшую войну. Всякие прогнозы задним числом – можно ли выиграть войну раньше или позднее – нам, военным, не кажутся убедительными. Обычно громят врага быстро и легко люди, не бывшие на войне, или литературные герои вроде Тартарена из Тараскона из романа Альфонса Доде. Войну надо рассматривать всесторонне и обстоятельно. Мы разгромили самую по тем временам сильную армию. Это исторический факт» [6].

Только с одного аэродрома могла летать 5-я ВА. Ориентирование усложнил сильный снег. Но наша авиация воевала и в ограниченном объеме. Многие вылеты велись одиночными самолетами или группами по 2—4 самолета. С. Н. Гречко писал: «Во время доклада раздался телефонный звонок из штаба фронта – командарму сообщали еще одну радостную весть: 1-й штурмовой авиакорпус преобразован в 1-й гвардейский. – „Спасибо за добрую весть“, – сказал Горюнов и распорядился, чтобы телефонистка немедленно соединила его с генералом Рязановым. Для выполнения этого распоряжения потребовалось несколько минут, так как Василий Георгиевич находился в это время в одной из стрелковых дивизий, на переднем крае, управляя боевыми действиями штурмовиков по отражению очередной танковой контратаки врага, – дозвониться было непросто. В то время, когда командарм сердечно поздравлял командира Рязанова с преобразованием его авиакорпуса в гвардейский, пришел начальник политотдела армии полковник Н. М. Проценко. Дождавшись конца телефонного разговора Сергея Кондратьевича с Рязановым, он достал из полевой сумки небольшой листок и положил на стол командарма.... Сначала Горюнов прочитал про себя, потом вслух. Это был текст приветствия. „Товарищам Горюнову С. К. и Рязанову В. Г. От всей души поздравляю Вас и Ваших славных соколов с преобразованием штурмового корпуса в гвардейский. В наступательных боях 1943—1944 гг. под Белгородом, Харьковом, Пятихатками, Кировоградом сложились боевое взаимодействие и боевая дружба гордых соколов нашей Родины с танкистами. Благодарю за большую помощь, оказанную Вашими частями танкистам в выполнении приказов. Желаю боевых успехов во славу советской гвардии! П. А. Ротмистров“. ...Возвращаясь от командарма к себе в отдел, я думал о генерале Рязанове. Прошло всего лишь несколько месяцев с той поры, как мне посчастливилось более или менее близко познакомиться с этим чудесным человеком, но казалось, будто знал я его уже много-много лет. Такой была сила обаяния Василия Георгиевича, обаяния глубоко человеческого. Мне приходилось встречаться с ним при различных обстоятельствах, слышать много добрых слов о нем от его подчиненных. В глазах всех, кто его знал, он был, прежде всего, неутомимым тружеником. В силу специфики боевых действий штурмовой авиации для управления ею он, как правило, свой командный пункт располагал наиболее близко к переднему краю, за что его глубоко ценили не только летчики, но и командиры наземных войск. Василий Георгиевич был человеком широко эрудированным в самом лучшем понимании этого слова. Я знал, что он нечасто выступал перед летно-техническим составом корпуса как оратор, а уж если приходилось это делать, то стремился не повторять общеизвестных истин. Каждая его речь содержала непременно что-то новое, поэтому летчики, инженеры,

техники и рядовые бойцы слушали его с огромным вниманием. Регулярно бывая в пору подготовки к выполнению ответственных боевых заданий в авиадивизиях, полках, эскадрильях, контролируя практическую деятельность подчиненных командиров, генерал Рязанов при обнаружении тех или иных недостатков, недоделок и упущений никогда не кричал на подчиненных, не распекал людей, не доводил до горячего накала, не оскорблял их человеческого достоинства, а ровным, спокойным голосом просто давал указания: необходимо сделать то-то и то-то, сделать быстро, умело, без суеты и неряшливости. Со стороны эти указания выглядели как добрый совет старшего по званию командира, но выполнялись подчиненными с такой любовью, с таким усердием, что заранее можно было сказать: все будет в норме, упущения не повторятся. Начальник политотдела 1-го штурмового авиакорпуса полковник И. С. Беляков как-то сказал мне: – Василий Георгиевич пришел в Красную Армию девятнадцатилетним пареньком в двадцатом году. Тогда же, в двадцатом, стал членом партии. Культура, трудолюбие, человечность и высокая партийность слились в его характере в одно целое. Наверное, это так. А то, что удалось ему в юности, во многократ возросло с годами, с приобретением широких специальных знаний, с образованием и воспитанием, с жизненным опытом. Давным-давно отгремели бои и сражения, прошло уже много лет, как ушел из жизни этот прекрасный человек, опытный авиационный военачальник, дважды Герой Советского Союза. Но добрая память о Василии Георгиевиче, уверен, навсегда осталась в сердце каждого, кто в суровые годы войны служил под его командованием... В том же феврале 1944 года, но несколько позже преобразования 1-го штурмового авиакорпуса в гвардейский В. Г. Рязанову присвоили высокое звание Героя Советского Союза» [1].

Сражения не прекращались. Эскадрилья Бегельдинова вылетела на танковую колонну. Немцы сделали за ночь стремительный бросок и уже вступили в бой с нашими танкистами. Против сотни машин с крестами на башнях насмерть встали несколько наших танков. Бегельдинов развернул группу, командуя: атакуем. Надо работать аккуратно, чтобы не задеть наших. Летчик, сбрасывая бомбы, стреляя, в основном, при пикировании и на выходе из пике, на скоростях свыше 300 километров, по движущейся цели, может и промахнуться, не рассчитав. Ведь вся атака – доли секунды. Ему нужно помнить и о зенитках, о том, что танковые пушки – грозное оружие. И еще истребители противника, прикрывавшие действия и передвижения танков. Очень четко, скрупулезно наводил на цели летчиков Рязанов. Немцы, поглощенные боем, заметили «Илы», только когда они уже обрушились на их головы. Вражеские танки пытаются укрыться, ползут в разные стороны. Но Бегельдинов командует: еще заход! Атакуют еще и еще раз. Уже не меньше дюжины машин пылает. Штурмовики работают аккуратно. Черные коробки с крестами на броне прекращают бой, мечутся по полю, ища укрытия. Некоторые танкисты, чтобы уйти от огня Илов, бросаются вперед, на нашу оборону, и замирают, подбитые артиллерией или гранатами. Из балки вырываются наши танки, сходу, в упор расстреливают оставшиеся немецкие, довершая разгром всей группы [7]. Штурмовики возвращаются на аэродром. Заправка самолетов и снова в воздух. Летят три эскадрильи. Пошивальников ведет вторую, Виктор Чернышев – третью, в первой ведущим опять Бегельдинов. Линию фронта пересекли, обойдя зенитные батареи справа. В наушниках голос командира. – Цель под вами. Внизу колонна автомашин. Впереди танки. Укрытий для вражеских машин никаких. Значит, все будут добычей Илов. – Атакуем, – получив приказ Рязанова, командует Бегельдинов, и переводит самолет в пике. Звено штурмует танки сначала эрэсами, затем ПТАБами. Два или три танка заволокло дымом. Горят автомашины, рвутся снаряды в железных ящиках с крестами. Эскадрилья выполняет последний заход, добывая оставшиеся танки и машины. Два танка пытаются удрать через поле, к леску, Бегельдинов кричит в шлемофон: – Аллур три креста! Догоним, добьем гадов! Азарт боя, инстинкт охотника. Эскадрилья уничтожает колонну до последнего танка и без потерь возвращается на аэродром [7]. Пополняют запас бомб и тут же вновь поднимаются в воздух. Внизу большой овраг, буквально до краев наполненный враже-

ской пехотой. Бегельдинов докладывает об этом на КП. – Разрешите атаковать? – Атакуйте! Бреющим полетом идут над оврагом и поливают гитлеровцев из пушек и пулеметов [7].

Штурмовики разили врага все те дни, пока наземные войска все ту же затягивали узел вокруг Корсунь-Шевченковского. Близилась развязка. Немцы пытались разорвать кольцо. Не удавалось. Из книги «Советские ВВС в Великой Отечественной войне, 1941- 1945»: «Наряду с атаками войск на поле боя наша авиация уничтожала подходившие резервы. 31 января по данным воздушного разведчика капитана Г. Т. Красота были нанесены удары по колонне танков и автомашин, подходившей к населенному пункту Шпола. На следующий день Красота вместе со старшим лейтенантом И. Х. Михайличенко обнаружили до 70 вражеских танков, выдвигавшихся на Шполу с юга, атаковали головную часть колонны, застопорив ее движение. После этого в течение всего дня по танковой колонне вели активные боевые действия экипажи 1-го гшак, которые нанесли большие потери противнику. В течение всей операции капитан Красота в сложных метеоусловиях вел разведку и наносил меткие удары по противнику, проявляя при этом отвагу и героизм, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза». Когда я показал Красоте эти строки, он засмеялся и сказал, что вовсе и не за это ему дали Героя, а раньше, после Курской битвы. Действительно, в эти дни звание ему было присвоено, но представили раньше. Под Шполой был эпизод помимо описанного выше, когда Конев и Рязанов послали его в разведку с заданием обязательно обнаружить танки противника. Судьба всей операции, всего фронта, даже двух фронтов, так как Коневу передали тогда и управление 1-м УФ, висела на волоске и во многом зависела от успеха вылета. Грязь была – не взлететь. Но Красота сумел. Три раза вылетал за ночь. Последний раз прилетел взмокший от напряжения, мокрый насквозь. «Когда прилетали домой, то шлемофон был мокрым, хоть выжимай. Настолько сильно было нервное напряжение, что в уголках губ выступала соль», – рассказывал П. Анкудинов. А Евгений Чорный в книге «Соколиный полет „пешки“» приводит воспоминания своего отца, как штурман Мамай после зимнего очень трудного вылета выжимал свитер, гимнастерку и другую одежду, – лилось с них ручьями. Но задание Красота выполнил, нашел танки, замаскированные в стогах сена. – Как же Вы, Георгий Тимофеевич, ночью смогли их обнаружить? – спрашиваю я. – Или ночь была лунная, или танкисты выдали себя огоньками? – Нет, – отвечает, – пасмурно было. Облачность почти у земли. И маскировку они соблюдали. А вот нашел! Так и нашел. Прямоугольные стога сена мне подозрительными показались. Обстрелял пару раз, сдул с них сено – все и прояснилось. За эту разведку Г. Т. Красота был представлен ко второй звезде Героя Советского Союза. Но вскоре был сбит, попал в плен, долгое время считался погибшим.

Отар Чечелашвили в своей книге «На «стальных крыльях» вспоминал, как генерал Агальцов брал его на место Красоты, сказав: «У нас погиб комэск капитан Красота». Красота был любимцем летчиков. Его жизнерадостный характер, остроумие, поднимали настроение бойцов, помогали переносить тяготы военной жизни. В свободные минуты он любил играть на аккордеоне и петь. Снова вспоминается фильм «В бой идут одни «старики»». Обычно веселый, Красота становился серьезным, когда пел песню «Темная ночь». Рязанов часто хвалил Красоту, наблюдая за его действиями в воздухе. Вслед за ударом по танкам, Рязанов передавал пилотам: «Хорошо били! Горят!». После войны Г. Т. Красота жил во Львове. Работал аппаратчиком на химзаводе, растил внуков. Бывая в Киеве, приходил на могилу В. Г. Рязанова и, положив цветы, молча вспоминал фронтовую юность. Мама вспоминала, как на кладбище у могилы Рязанова увидела плачущего мужчину и узнала в нем Владимира Васильевича Исаева, служившего в корпусе в эскадрилье связи. Оказывается, он и после войны всюду служил с Рязановым. И хотя прослужил в армии после его смерти больше двадцати лет, но забыть не мог. Тогда он начал стыдиться своих слез, говорить, что к старости становится сентиментальным.

Красота же и в восьмидесятые годы был таким же живым, веселым и несколько бесшабашным, как и прежде. Такая же блестящая реакция. Говорил, что мог бы и сейчас летать на МИГе. Реакция, как он рассказывал, не раз спасала его в воздухе. Летчикам тогда приходилось вертеть головой так, как нормальный человек не может – на 180°, наблюдая за воздушным пространством и за истребителями противника, чаще всего атаковавшими со стороны задней полусферы. Красота и М. И. Коптев вспоминали, как они шею стирали до крови о воротник от постоянных поворотов головы. Время, – говорил Красота, – в вылете для него течет медленнее. Ему кажется, прошло минуты полторы маневров, а на самом деле – секунд десять. Под Харьковом он один сбил четыре истребителя противника, а его ведомые еще несколько. Он был маневренным летчиком, в отличие от «линейных», летящих прямо и не сворачивающих с курса. За это его высоко ценил Рязанов, ставивший в пример другим его творческий подход к летному искусству.

За весь период операции, в тяжелых погодных условиях, наша авиация совершила 11300 самолётных вылетов. Артиллерия и танки отставали из-за бездорожья, авиация же громила группировки противника. Так, 4 февраля массированными ударами штурмовиков было остановлено наступление противника на внешнем участке фронта, в районе Соболевка, Толмач. 8 февраля наши летчики выбили врага из узла сопротивления Городище. Авиация действовала по аэродромам противника, и осуществила воздушную блокаду, перехватывая самолеты врага. Авиация билась и по наступающим танкам врага, пытавшимся деблокировать окруженную группировку, и по сопротивлявшимся его частям. В этих условиях на штурмовую авиацию ложилась большая нагрузка. Экипажи 1-го гшак, несмотря на неблагоприятную погоду к вечеру 4 февраля, выполнили 169 боевых вылетов, уничтожили 7 танков, 317 автомашин, 6 бензоцистерн, 2 зенитные батареи. 8.02 5-я ВА произвела 232 самолетовылета, уничтожив 7 танков, 260 автомашин, сбросили над окруженной группировкой 22 тысячи листовок. Погода: туман, мокрый снег. Дороги непроходимы для транспорта. 1-й гшак уничтожил 8.02 7 танков, 317 автомашин, 7 повозок, склад с горючим, тягач, 6 бензоцистерн, подавлен огонь 2 батарей ЗА, рассеяно и уничтожено до 200 человек пехоты и создано 13 очагов пожара.

О наступлении под Корсунь-Шевченковским И. С. Конев писал: «Неоценимую помощь нашим наземным войскам оказала авиация 1-го штурмового авиационного корпуса генерала В. Г. Рязанова и истребительного авиационного корпуса генерала А. В. Утина». О задачах авиации в конце операции и выполнении ею этих задач Конев писал так: «Следует при этом отметить, что наши авиаторы, несмотря на исключительно неблагоприятные метеорологические условия, выполнили свои задачи блестяще» [8].

Многие летчики корпуса прославились своими отважными разведками. Ветераны вспоминали мастерство разведок Красоты, Бегельдинова, Одинцова, Михайличенко, Филатова, Андрианова и других штурмовиков. Особое место разведки отмечал С. А. Донченко. В эскадрилью Бегельдинова выделялись лучшие летчики, с ними проводились систематические занятия по тактике. Сам Бегельдинов был хорошим и смелым летчиком, с соколиным зрением. При повторной разведке он мог доложить на КП обо всех изменениях в расположении противника, что было важно для Рязанова и командиров, на КП которых находился Рязанов. Рязанов подчеркивал, что разведэскадрилья 9-й гшад была его глазами [3].

Илья Филиппович Андрианов, выступая на встрече ветеранов 1-го гшак, говорил об эпизоде Корсунь-Шевченковской битвы. Немецкие танки прорывали кольцо окружения извне. В одном месте оставалось всего около 8 километров. Важно было найти резервы противника. На разведку вылетел Бегельдинов, прикрываемый Андриановым. Пилот методично обшаривал окрестности, почти не обращая внимания на сильнейший огонь зенитных батарей. Трассы скрещивались у самолета Талгата, он словно притягивал пули и снаряды, разрывы сопровождали машину непрерывным облаком, она летела как в фейерверке. Но Бегельдинов выполнил задание – нашел большое скопление танков неприятеля в овраге у Лисянки. Рязанов, дер-

жавший связь с Бегельдиновым, попросил повторить квадрат. Бегельдинов повторил. Когда Ил и Як возвращались на свой аэродром, навстречу им уже летели восьмерки штурмовиков, посланные Рязановым на танки. Бегельдинов вылез из самолета бледный, как полотно. Его Ил был весь в пробоинах. Каких-то сорок минут полета, а какое напряжение и какие эффективные результаты! Еще Андрианов вспоминал об эпизоде более позднего времени. Он услышал указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Через некоторое время его срочно вызвали в штаб корпуса, прислали за ним самолет ПО-2. Комдив Баранчук стал строго допытываться у Андрианова, что тот натворил. Он только пожимал плечами. Самолет приземлился недалеко от Рязанова, который о чем-то беседовал с одним из своих помощников. Андрианов хотел незаметно проскользнуть мимо. Командир заметил его и позвал к себе. Летчик подходил, ожидая разноса. Но Рязанов тепло улыбнулся ему, достал из кармана коробочки со Звездой Героя и орденом Ленина, поздравил с наградой и приколот регалии. Рязанов сказал: «Извини, что раньше не вручил, времени не было. Уже больше недели ношу в кармане». Тогда шла Сан-домирская операция, и генералы не разбирали, где день, где ночь. Так в чистом поле была вручена высокая награда. Когда растерявшийся Андрианов возвращался к самолету, пилот ПО-2 ехидно спросил его: «Ну что, получил?», имея в виду разнос. Андрианов молча показал на Звезду на груди.

Из-за бездорожья, вьюги и снежных заносов Рязанов двое суток не мог добраться до КП Ротмистрова. Задачи танкистов передавал штаб танковой армии. Рязанов посылал для их выполнения маленькие группы Илов под началом таких пилотов, которые могли бы пробиться к цели в пургу. А их действиями из специально оборудованного радиотанка, выделенного для этого Ротмистровым, управлял Б. И. Крассий, оказавшийся на КП до начала непогоды. Илы работали весь световой день. В такие дни и часы все не щадили сил, не жалея ни себя, ни других. Кольцо окружения десяти дивизий сжималось. До четырех танковых дивизий противника у Шубиных Ставов обрушили ряд контратак на Лисянку. Войска у Стеблева пошли в контрнаступление навстречу танковой группе, пытаясь захватить Шендеровку. Группы по 50—60 танков с мотопехотой предприняли ряд атак из района Ерки на Звенигородку, чтобы отвлечь силы и средства войск фронта и помочь танковой группе, начавшей контратаки в направлении Лисянки. Удар был очень мощным и сконцентрированным. Но противник, пытаясь прорвать кольцо с внешней стороны, наткнулся на жесткую оборону, на удары штурмовиков с воздуха.

Эффективность действий штурмовиков была высокой. Группа из восьми экипажей 673-го шап во главе с комэском капитаном В. Т. Веревкиным с высоты тысяча метров до бреющего полета двумя заходами штурмовала и бомбила автоколонну с пехотой на дороге из Новомиргорода на Малые Виски. Уничтожили 10 автомашин и несколько повредили. По дороге из Арсеньевки на Надлак было уничтожено 20 автомашин и создано несколько крупных очагов пожара. Вылеты шли непрерывно. Летчики уставали так, что Евгений Алехнович заснул в кабине, и только снаряд эрликона его разбудил, – об этом писал И. Г. Драченко [5]. От термитного танкового снаряда Алехнович погиб в конце этого 44-го года. Тогда он уже не спал. Пять Ил-2 (ведущий – лейтенант Зарубин) нанесли удар по колонне танков противника в районе Лисянки, и за шесть атак вывели из строя 10 вражеских машин.

В самый разгар Корсунь-Шевченковской операции, 4 февраля 1944 года, за образцовое выполнение боевых заданий командования, за доблесть и отвагу звание Героя Советского Союза было присвоено капитанам С. А. Карначу, Г. Т. Красоте, Д. А. Нестеренко и Ф. Г. Семёнову, старшим лейтенантам Г. П. Александрову, Е. С. Белявину, Н. В. Буряку, А. С. Бутко, младшим лейтенантам И. Т. Гулькину и Я. К. Минину. Получили высокое звание также И. К. Джинчарадзе, Н. К. Шутт, П. А. Матиенко.

Продолжались ожесточенные бои на земле и в воздухе. Поступали срочные заявки на оказание помощи с воздуха в отражении вражеских контратак. Нередко указания о том, как эффективно использовать авиацию, давал лично командующий фронтом или по его поруче-

нию начальник штаба фронта [1]. В разгар этих ожесточенных боев, 5-го февраля 1944 г. И. Сталин подписал очень важный и почетный для 1-го штурмового авиакорпуса приказ НКО СССР №016: «В боях за Советскую Родину против немецких захватчиков 1-й штурмовой авиационный Кировоградский корпус показал образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. Ведя непрерывные бои с немецкими захватчиками, 1-й штурмовой авиационный Кировоградский корпус своими смелыми и решительными действиями нанес огромные потери фашистским войскам, беспощадно громя и уничтожая живую силу и технику противника.

За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, дисциплину и организованность, за героизм личного состава преобразовать:

1-й штурмовой авиационный Кировоградский корпус. Командир корпуса – генерал-лейтенант авиации Рязанов В. Г. ... Преобразованным авиасоединениям и полкам вручить гвардейские знамена.

Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза И. Сталин».

Номера дивизий и полков корпуса, преобразованных в гвардейские, изменились. Позже, при вручении гвардейских знамен, воины клялись пронести их незапятнанными до полной победы над фашизмом и свято хранить до конца своей жизни. И они сдержали клятву. На военном параде авиакорпуса вручавший гвардейское знамя И. С. Конев сказал: «Штурмовой корпус наносил удары по врагу в боях за Белгород, Харьков, Полтаву, Днепр, Знаменку, Кировоград и особенно отличился в боях по уничтожению Корсунь-Шевченковской группировки немцев. Корпус являлся передовым среди соединений 2-го Украинского фронта и по праву получил почетное гвардейское знамя». О напряженности боевых действий говорит хотя бы то, что 144-й гшп (бывший 800-й шп) перелетел после этих боев на новое место в Ротмистровку всего четырьмя Илами, оставшимися в строю.

Пример того, как достойно относиться к почетным титулам, высоко нести гордое звание, не переоценивая в то же время своих заслуг, подавал командир корпуса. 8 февраля 1944 г. В. Г. Рязанов писал сыну Георгию: «Произошло такое важное событие – нам присвоили гвардейское звание. Так что у меня сейчас титул такой, что без передышки и не выговоришь. Крепко целую. Твой гвардии папа». Все стремились работать как можно лучше, быть настоящими гвардейцами. Кроме 1-го шп преобразовали: 1-й бак (генерал-майор И. С. Полбин) – во 2-й гвардейский бомбардировочный; 266-я шад (полковник Ф. Г. Родякин) – в 8-ю гвардейскую штурмовую; 66, 673 и 735-й шп этой дивизии (майор Ф. В. Круглов, подполковники А. П. Матиков и С. Е. Володин) – в 140, 142 и 143-й гвардейские; 292-я шад (генерал-майор Ф. А. Агальцов) – в 9-ю гвардейскую; 667, 800 и 820-й полки этой дивизии (подполковники Д. К. Рымшин, П. М. Шишкин и Г. У. Чернецов) – в 141, 144 и 155-й гвардейские; 203-я иад (генерал-майор К. Г. Баранчук) – в 12-ю гвардейскую; 247, 270 и 516-й полки этой дивизии (подполковник Я. Н. Кутихин, подполковник В. А. Меркушев, майор А. И. Мочалин) – в 156, 152 и 153-й гвардейские.

Пехотинцы, танкисты, артиллеристы поздравляли авиаторов, благодарили летчиков за помощь. Жадов подписал: «Приказ войскам 5-й гвардейской армии. Личный состав 1-го штурмового авиакорпуса в период летних, осенних и зимних наступательных операций 1943—1944 гг. покрыл себя неувядаемой славой, показал образцы отваги и мужества. В боях за освобождение Харькова, Полтавы, Александрии, Знаменки, Кировограда личный состав корпуса показал беззаветную преданность нашей Родине, проявил героизм, самоотверженность и своей работой содействовал успешному выполнению поставленных задач перед войсками 5-й гвардейской армии. Военный совет 5-й гвардейской армии от всего личного состава войсковых частей и соединений поздравляет героических летчиков с присвоением корпусу гвардейского звания и особо отличившихся в боях за освобождение Родины от немецко-фашистских оккупантов награждает ценными подарками: подполковника Г. У. Чернецова, капитанов В. Т. Веревкина, Б. В. Лопатина, С. Д. Пошивальникова, М. И. Степанова, Н. В. Буряка, стар-

ших лейтенантов И. Ф. Андрианова и Н. И. Лошака. Военный совет уверен в том, что корпус в предстоящих боях с честью оправдает высокое звание и нанесет еще больше смертельных ударов по немецко-фашистским оккупантам. Командующий 5-й гв. армией генерал-лейтенант А. С. Жадов». 17 мая 1944 года Рязанов вручил гвардейское знамя 155-му Киевскому гшп. Знамя принял комполка гвардии подполковник Чернецов. 15-го мая член военного совета 2-го УФ генерал Сусайков на полевом аэродроме Брынзени-Ной в Бессарабии вручил гвардейское знамя 9-й гшад. Сражение продолжалось. Эскадрилья Бегельдинова уничтожила на аэродроме Корсунь-Шевченковского склады, сооружения и пятерку Ю-52. А однажды эскадрилья Бегельдинова шла домой с задания. Комэск увидел на шоссе два ряда грузовиков. Бегельдинов запросил разрешения атаковать. С КП предложили от атаки воздержаться. Штурмовики построились в круг, чтобы сразу после получения приказа обрушиться на колонну. Через несколько минут комэск слышит в шлемофоне голос Рязанова: «Отставить атаку!». Что ж, приказ есть приказ. Лишь через несколько дней они узнали, что колонна эта была брошена шоферами. Атакуй Илы грузовики, погибла бы масса боеприпасов и обмундирования, вскоре пополнившие наши трофеи [7].

До 17-го февраля летчики отражали контратаки крупных сил противника. 16-го числа было 66 вылетов на штурмовку в районы Шендеровки и Лисянки. Ведущий 4-х Ил-2 ст. лейтенант Степовик атаковал немецкий аэродром в Корсунь-Шевченковском и сжег 2 Ю-52. С. Чепелюк уничтожил 4 машины и 1 автоцистерну. Группа Ил-2 под командой мл. лейтенанта Мочалова уничтожила до 12 крытых автомашин с живой силой противника, 2 Ю-52 и склад с горючим. Отличились также капитан Вережкин, летчик Седякин, воздушный стрелок Чухнов. 8 февраля 6 Ил-2, ведущий Девятьяров, в районе Городище уничтожили 3 танка, 10 автомашин, создали 3 очага пожара. Особенно активно части корпуса уничтожали транспортники противника в период с 9 по 11 февраля. Группа 6 Ил-2 капитана Лопатина в трех километрах восточнее Корсунь-Шевченковского сожгла 4 самолета и 2 повредила. Группа, ведомая Степановым, уничтожила 2 Ju-52. 8 самолетов врага сожгла группа Одинцова северо-западнее Корсунь-Шевченковского. Три Ила капитана Верёвкина сожгли на этой же площадке 2 транспортных «юнкерса». Больше 30 «юнкерсов» уничтожили в период 9—11.02.44 авиаторы корпуса. Капитан Одинцов с группой из 9 Ил-2 уничтожил цистерну с горючим, 3 автомашины, 4 танка, склад с боеприпасами. Группа 3 Ил-2 майора Кузнецова в сложных метеоусловиях разгромила 8 автомашин, 5 повозок и до 50 гитлеровцев. Так же смело и решительно действовали майор Шуцкий, майор Степанов, мл. лейтенант Михайличенко, ст. лейтенант Глебов, ст. лейтенант Бутко, капитан Нестеренко и многие другие гвардейцы. 8 февраля девятка Илов, ведущий капитан Вережкин, штурмовала в районе Городище войска противника, пытавшиеся прорваться к окруженным. Они уничтожили 4 танка, 16 автомашин с пехотой и грузами, 12 повозок с боеприпасами. Генерал Жадов объявил благодарность всей группе, а капитана Вережкина наградил личным именовым оружием. Всего 8 февраля летчики корпуса уничтожили 7 танков, 317 автомашин, 7 повозок, склад с горючим, тягач, 6 бензоцистерн, 2 зенитных батареи, 200 человек пехоты, создали 13 очагов пожара. 9 февраля летчики корпуса уничтожили 2 танка, 98 автомашин, 1 бензоцистерну, 100 человек пехоты, создали 10 очагов пожара. 12 февраля начала действовать внештатная разведывательная авиаэскадрилья, сформированная комкором. 12.02 уничтожено 9 танков, 143 автомашины, 7 повозок, батарея МЗА, склад с боеприпасами, до 500 человек пехоты.

На 8 площадках в районе Корсунь-Шевченковского базировались до 100 Ju-52. Еще столько же Ju-52 в Умани и Христиновке. 6 Ил-2 141-го гшп гв. капитана Лопатина атаковали на земле 7 Ju-52 и сожгли 2 из них. Группа Илов 144-го гшп гв. капитана Степанова разбила ВПП и уничтожила 2 Ju-52. 10-го февраля было уничтожено 11 транспортных самолетов противника, а 11-го февраля – 17 Ю-52. 88 штурмовых вылетов 12-го февраля дали 9 уничтоженных танков, 143 автомашины, 70 повозок с грузом, один самолет противника. 13-

е февраля: 64 штурмовых вылета, 400 повозок с грузом, 100 автомашин, 1 танк, батарея ЗА, 280 человек пехоты, 12 транспортных самолетов, склад с боеприпасами, 10 очагов пожара. С Кировоградского аэроузла, где базировались части корпуса, полет до цели и обратно занимал 1 час 10 минут, времени для работы над целью оставалось мало. Погода была: снегопады, метели, дожди и туманы. Но весь период боевых действий на поле боя хорошо работал КП корпуса. Комкор эффективно использовал каждый пришедший на поле боя самолет. Много боевых вылетов совершили в эти дни молодые летчики 144-го гв. полка Сергей Чепелюк, Михаил Махотин, Иван Скуридин, Валентин Кочергин, Михаил Коптев, М. Смирнов, А. Карпенко. Не доставало опыта молодым, но отваги хватало!

На штурмовку станции Долинская и крупного узла Шевченково вылетела шестерка с ведущим Петром Горбачевым. Справа, в звене лейтенанта А. Веселова, – самолет лейтенанта Коптева, слева Бегельдинов. На подлете к этому узлу зенитки ударили внезапно, кучно. Штурмовку Долинской провели на «отлично», но шестерка не ушла от цели. Из второго захода не выходит самолет ведущего, Горбачева. От прямого попадания машина командира звена Веселова буквально развалилась в воздухе. Снаряды рвутся у самолета Коптева, один из разрывов повредил хвостовую часть штурмовика, но он продолжает атаки. Самолет начал задира́ть нос, однако Михаил справился с управлением и сделал еще два захода. Станция выглядела так, словно на нее вылили огненную лаву. С третьего захода, с трудом, но Ил Коптева все же сел. Штурман полка майор Степанов говорит Коптеву: осмотрел твою машину. Рули поворота разбиты, фюзеляж в лохмотьях, плоскости разбиты, как ты держался в воздухе? А ты на этой развалине еще и атаковал, заходы делал. Шибануло же тебя, как все говорят, еще во втором заходе. Кто же тебя, Миша, заставлял на такой машине идти в повторные атаки? – Машину нужно было облегчить, и я штурмовал. Да и за гибель старшего лейтенанта Горбачева, за Веселова рассчитаться следовало, – объяснил Коптев. – Веселов погиб, но мы, живые, теперь должны воевать и за него... Уже в следующем вылете Коптев с ведомым Журавлевым успешно бомбили артиллерию, громили пехоту врага. На выходе из атаки на них из облаков обрушился «Мессер». В хвостовое оперение, в фюзеляж штурмовика впились пулеметные трассы. А молодой новичок стрелок растерялся, не стрелял. Зато Коптев не потерялся, он заорал на стрелка, привел его в чувство. – Бей! Атакуй! Бей через стабилизатор! – Стрелок дал очередь по «Мессеру», почти не целясь, и, надо же, угодил в него. Фашист отвалил, пошел в сторону, оставляя дымный след [9].

В непрерывных боях подстерегали невосполнимые потери. Большой утратой стала гибель опытного летчика Юрия Гусева, причем прямо на аэродроме. В первом развороте после взлета у Гусева отказал мотор и он, доложив об этом на КП, пошел на вынужденную посадку, на тянувшееся рядом с аэродромом ровное поле. Командир полка Шишкин приказал: – Гусев, разворачивайся на аэродром! Садись на аэродром! На стометровой высоте разворачиваться тяжелому самолету с неработающим мотором практически невозможно. Он свалился при повороте на крыло и рухнул [7]. В других случаях трагедии гибели летчиков сопровождались часто и печальными посмертными осложнениями. Обстоятельства гибели многих пилотов неизвестны. Тактика противника состояла во внезапном нападении. На одиночный, отставший или даже замыкающий наш самолет камнем падал «мессер», бил и резко уходил в сторону и вверх. Идущие впереди не успевали ничего заметить. Но даже, если все пилоты группы видели, как их друг погиб, направив пылающий самолет на укрепления врага, в донесениях о безвозвратных потерях и в приказах об исключении из списка писалось: пропал без вести, не вернулся с боевого задания. Тела ведь нет, никто не похоронен. Потому и тянули из последних сил на свою территорию. Как писал Бегельдинов: «...там наша территория. Думаю, если уж умру, то похоронят». А женщина-штурмовик Тимофеева-Егорова писала: «В войну летчиков редко хоронили, потому что они, как правило, гибли там, где вели бой». Дальше все это отражалось на пенсии родственникам, на посмертной памяти о пилоте. Если кто-то и успевал выпрыгнуть

с парашютом, – а это непросто: в доли секунды, раненым, оглушенным, выскочить из беспорядочно падающей машины, то, не погибнув, часто попадал в плен. Сбежать же из плена было очень сложно.

Вызвали на КП шесть экипажей. Начальник штаба майор Иванов поставил задачу: – Произвести атаку по живой силе противника в районе Новомир, Лозоватка. Оказать помощь нашей пехоте. Ведущим Талгат Бегельдинов. Второе звено ведет Николай Шишкин. Высота облачности – шестьсот метров. В наушниках голос Рязанова: «Впереди цель». – И через пару минут, – «атакуем!» [7]. Звено Талгата с левым разворотом идет в пике. К нему потянулись трассы эрликонов. Шишкин и Махотин бьют в ответ из пушек и пулеметов по одной установке, Коптев по другой. Немцы, увидев трассы, переводят огонь по атакующим их самолетам. Несутся навстречу, пересекаясь, заряды. Талгат ведет свое звено на второй заход, остальные за ним. Зенитки замолкли. Значит, мастерски сработали Шишкин с Махотиным и Коптевым. Шестерка выполняет еще три захода, затем набор высоты, бросают бомбы, опорожняя по одному люку при каждом заходе. Пехота в панике. Делают еще по три захода, стреляют из пушек, пулеметов с высоты двадцать метров. – Теперь аллюр три креста! – кричит ликующий Толя, – так друзья звали Талгата, – окрыленный еще одной одержанной победой. Весь бой был проведен максимум в двухстах метрах от нашей линии обороны. Тут требовалась особая точность. Бегельдинов еще и воспитывал новых ведущих. Об этом писал Коптев, вспоминая также, что и ведомый должен был быть на уровне ведущего, чтобы заменить его в случае гибели.

Несмотря на погоду, авиаторы все время были в работе: где не могли вылететь большие группы, там поднимались пары, четверки, вели разведку, ходили на «свободную охоту». Когда разведка доложила, что идет танковая колонна с пехотой на автомашинах, в воздух поднялись шесть «илов» 141-го гшп. Погода сложная: облачность десять баллов, ограниченная видимость по горизонту [3]. Километров в десяти от аэродрома ведущий заметил на поле шесть «тигров». Они вели пушечный огонь по пехотинцам и шли в направлении Николаевки, где размещался штаб дивизии генерала Ф. А. Агальцова и авиаполк истребителей. Точечные цели при плохой видимости, да еще в движении, бить трудно, но подчиненные капитана А. Компанийца умели разить противника по-снайперски. После первой атаки задымил один танк, остановился с перебитой гусеницей второй, заплясал огонь на броне еще двух «тигров». Два уцелевших танка развернулись назад, начали петлять по полю. Штурмовики обстреляли их из пушек [3].

С 4 по 17 февраля шли дожди. Затем резкое похолодание, снежная метель и резкий ветер. Противник решил в метель выскользнуть из кольца. Непогода приковала авиацию к аэродрому, но Рязанов приказал лететь в район Киселевки. Командир 141-го гшп подполковник Д. К. Рымшин вызвал лейтенанта Н. Г. Столярова, спросил: – Сможешь пробиться? – Все будет в порядке, – ответил тот. Он хорошо знал местность. Погода исключала встречу с истребителями врага, а малая высота позволит внезапно появиться над целью. На пути вставали снежные заряды, земли почти не видно, трудно вести ориентировку. Вот мелькнула станция, за нею стали видны танки. Штурмовики наносили удар за ударом до полного израсходования боеприпасов. На обратном пути повалил снег. Другие аэродромы и посадочные площадки совсем закрылись, но ведущий, как опытный следопыт, точно вышел на свой аэродром. После этого полета в боевой характеристике летчика появилась запись: «Товарищ Столяров – замечательный летчик-штурмовик, проявляющий при каждом вылете мужество и героизм. Он наносит противнику огромный урон в живой силе и технике. Как самый опытный и бесстрашный летчик, каждый раз посылается на самые сложные и ответственные боевые задания».

Противник настойчиво вел танковые атаки с внешнего фронта, но на его пути неизменно вставал барьер мощного артиллерийского и танкового огня, авиация была гитлеровцев с воздуха [4]. Скверная погода, а летчикам надо летать. Гридинский, получив задание найти танковую группировку противника, несмотря на плотный зенитный огонь, выполнил задание, обна-

ружил большое скопление танков. Конев отдал приказ Рязанову, когда Гридинский был еще в воздухе. Девятки штурмовиков шли навстречу разведчику. В эти дни увидеть, найти генерала В. Г. Рязанова было трудно, хотя связь работала неплохо. Он находился то в танковой дивизии, то срочно переезжал к пехотинцам, управляя Илами. Продолжавшиеся бои носили ожесточенный характер, противник отбивался яростно и упорно, но ему не удавалось разжать кольцо. Выбор: или гибель или плен.

Противник стремился пробить узкий коридор с юга на Лисянку, с севера – на Шендеровку. Горюнов приказал поднять 80 групп штурмовиков 1-го гшак. Группы Одинцова, Бегельдинова, Красоты, Нестеренко и их боевых друзей непрерывно наносили мощные удары по скоплениям гитлеровцев и боевой технике [1]. Вместе с танкистами генерала П. А. Ротмистрова, с артиллеристами генерала Н. С. Фомина, не позволяли окруженным частям соединиться с внешним фронтом. Только за три боевых дня противник потерял в этом районе 113 танков, из которых 52 были сожжены Илами. Кроме того, было уничтожено более 900 автомашин с грузами и живой силой, подавлен огонь нескольких артиллерийских батарей врага. Рязанов работал с Ротмистровым и Фоминым.

Враг находился под непрерывным воздействием нашей авиации. Танкисты Ротмистрова и штурмовики Рязанова действовали умело и согласованно. 8 февраля Жадов объявил благодарность группе Шакурина. 9 и 10 февраля в сложных метеоусловиях экипажи 1-го гшак совершили 135 боевых вылетов и уничтожили 7 танков, 150 автомашин, 13 транспортных Ю-52, создали 10 очагов пожара. Только шестерка Ил-2 во главе с Лопатыным в районе Завадовки четырьмя заходами с «круга» уничтожила 2 танка и 12 автомашин, а другая шестерка, ведомая капитаном Вережкиным, на дороге Завадовка – Городище уничтожила 20 автомашин. Группа А. П. Матикова 20 минут штурмовала с «круга» наземные цели юго-западнее Деренковец и уничтожила 20 автомашин и 2 Ю-52. Семерка Ил-2 Г. Т. Красоты в районе Корсунь-Шевченковского уничтожила 8 автомашин и 1 Ю-52. А группа штурмовиков С. Д. Пошивальникова подожгла на аэродроме Черепиц 3 самолета Ю-52 [4]. 10.02 десять Илов 142-го гшп ударили по 300 автомашинам в районе Карашин и по Ю-52 на площадке Дерешковец, уничтожила 20 машин, 3 Ю-52.

Рязанов приказал ударить по ж.д. станции. «На каждый самолет было загружено по шесть стокилограммовых бомб, – писал в своих воспоминаниях М. И. Коптев – Я с левого разворота перевожу свое звено в пикирование. ... Разрывы кругом. Звено ведет огонь по эшелонам. За ним звено Мити Кузнецова. Я вывожу самолет из пикирования и сбрасываю бомбы. Звено тоже пикирует, сбрасывая бомбы. И вдруг зенитки умолкли. В голове молнией мысль: „Значит, будут атаковать „Мессеры“. Только бы „ЯКи“ не прозевали, отбили атаку“. А сами продолжаем штурмовку. Пускаем эресы, прошиваем эшелоны снарядами. Рвутся бомбы, сброшенные моим звеном в голове эшелона. В шлемофоне чей-то голос. – Наши сбили „Мессер“. – Это отлично. Дело сделано, теперь нам уходить. Снижаемся, идем на бреющем. И в этот момент на нас наваливаются „Мессеры“. Все оставшиеся после схватки с нашими „Яками“. Теперь их одиннадцать. Для шести штурмовиков многовато. Сердце замирает, – жить-то охота. Но наши воздушные стрелки бьют по стервятникам, не подпускают их с хвоста. Спереди они нам не страшны. Покрутившись около, проведя несколько атак, они уходят» [9].

Из оперотдела 4-й гв. А в штаб 1-го гшак пришло письмо полковника Чернявина и майора Смирнова: «... Успеху продвижения наших войск во многом способствовала работа штурмовой авиации 1-го гшак, действия которой в этот период происходили в полосе наступления 4 гв. А. Нанося последовательно ряд массированных ударов, штурмовики выводили из строя живую силу и технику боевых частей противника. 4.2.44 удар штурмовиков по Петропавловке способствовал прорыву фактической обороны немцев, и наши войска в этот день полностью овладели Вороновкой, продвинувшись западнее ее на 4 км. 5.2.44 войска армии овладели южной частью Петропавловки, а 7.2.44 она была уже полностью очищена от противника. Вой-

ска армии при помощи штурмовиков одновременно овладели Вязовкой и продолжали наступление на Городище. 8, 9, 10 февраля ряд последовательных ударов нанесла штурмовая авиация по районам предстоящих действий войск армии, расчистила им путь для успешного продвижения вперед. 8.2.44 после нанесенного нашей авиацией удара по Городище, в котором противник сосредоточил более 2500 автомашин и другой техники, ошеломленный враг уже 9.2.44 был вынужден оставить Городище. В этот же день штурмовики свой удар перенесли на Набоков Хутор, а на другой день на Зазадовку. Эти пункты войска 4 гв. А в течение 10.2 полностью очистили от противника».

11 февраля четыре танковые дивизии врага нанесли удар из района Ризино на Лисянку. Одновременно от Ерки на Лисянку повели наступление еще четыре танковые дивизии. Навстречу им шла на прорыв окруженная группировка. Наши войска отразили атаку с еркинского направления, но две танковые дивизии к Лисянке прорвались. Окруженный противник в ночь на 12 февраля пробился и к Шендеровке. Между этими рвущимися навстречу друг другу группировками оставалось до 10—12 км [4]. На угрожаемые направления перебросили противотанковую артиллерию, стрелковые и танковые дивизии. 12 февраля 1944 г., выполняя боевое задание на разведку, в исключительно сложных метеоусловиях Балабин пробился к цели и доставил ценные данные о противнике, за что был награжден золотыми часами командующим 7-й гвардейской армией генерал-полковником Шумиловым. Лисянка и Шендеровка подверглись сильным ударам с воздуха. Наступление врага остановили. Авиация 5-й ВА работала по аэродромам и посадочным площадкам окруженной группировки, блокируя их, а также по уничтожению транспортных Ю-52. Бегельдинов в районе Корсунь обнаружил две посадочные площадки с Ю-52, а затем наши штурмовики сорвали вывоз из окружения офицеров и важных оперативных документов противника.

Н. И. Пургин вспоминал: «В Корсунь-Шевченковской операции нас посылали добывать окруженную группировку у деревни Шендеровки. Еще снежок лежал. Бомб у нас не было, поскольку с подвозом были проблемы, так вот мы ходили, стреляли из пушек и пулеметов. Помню, большое поле перед деревней – все мышинного цвета от солдатских шинелей, и никто в нас не стреляет. Сейчас мне их даже жалко, а тогда пальцы на гашетки и пошел туда, в кучу. Отстреляешь и потом выскакиваешь над своей территорией. Мы так били дня три, наверное. По врагу стрелять приятнее, чем по мишеням. Никакой жалости я не испытывал. Задача стояла убивать и убивать как можно больше. Наоборот, когда хорошо попал или что-то взорвалось, чувствуешь душевный подъем». Когда армия терпит поражение, когда противник господствует в воздухе, потери оказываются большими. Так было с Красной Армией в первые месяцы войны. Но сейчас ситуация зеркально изменилась. 15 февраля 3 Ила, ведущий капитан Красота, отлично действовали в районе Дацки, Яблоново, Стеблев. Младший лейтенант Куракин уничтожил 8 автомашин, 3 повозки и до 20 гитлеровцев. 16 февраля Ил капитана Кузнецова, 12 раз водившего на окруженную группировку большие группы, был поврежден зенитным снарядом. Но капитан удержал машину, полностью выполнил задание, и привел самолет домой. 16 февраля пилоты 1 гшак уничтожили 5 танков, 70 автомашин, 10 повозок, 375 человек пехоты.

13 февраля 44-го Сталин спросил А. А. Новикова: «Скажите, товарищ Новиков, можно остановить танки авиацией?» Секунды были отпущены на раздумье. Короткие секунды под пристальным взглядом Сталина. Новиков твердо ответил: «Остановить танки можно!» – «Завтра утром летите на фронт, и принимайте меры, – приказал Сталин и добавил: – Нашумели о котле, а захлопнуть его не можем». Когда в районе Шендеровки передовые части врага разделял только 12-километровый просвет, у наших наземных войск не хватало горючего и боеприпасов – распутица, приказ Сталина был выполнен. Штурмовики, вооруженные кумулятивными бомбами, нанесли несколько массированных ударов по наступающим танкам гитлеровцев

и остановили их. Многие авиаторы были награждены, а Новикову 21 февраля было присвоено звание Главного маршала авиации.

Наше командование выиграло состязание с командованием врага в искусстве маневра войсками, определив исход Корсунь-Шевченковской операции. 14 февраля наши войска овладели городом Корсунь-Шевченковский – основным опорным пунктом врага. Наступили последние дни окруженной группировки. 16 февраля в результате 66 штурмовых вылетов уничтожено 5 танков, 75 автомашин, много лошадей, повозок и живой силы противника. В ночь на 17 февраля немцы двинулись из Шендеровки на юго-запад. Генерал Штеммерман выстроил войска в три колонны, чтобы пробиться к Лисянке. Сильная пурга, казалось, помогала им. Но около часа была артиллерия, в воздухе носились Илы. В условиях разбушевавшейся непогоды их появление казалось совершенно невозможным. А они наносили удар за ударом [3]. На борьбу с вражескими танками и пехотой были брошены все штурмовики корпуса.

Командующий 1-й танковой армией генерал-полковник Хубе подвел свои дивизии к внешней стороне кольца, сотни танков на двух узких участках, пытаясь стальными клиньями пробить кольцо окружения. Открытым текстом передавались его короткие радиogramмы Штеммерману: «Выполняя приказ фюрера, иду на помощь, Хубе». «Держитесь, я близко. Вы слышите меня? Хубе». «Еще сутки, и путь вам будет открыт. Хубе». ... Группе Илов, ведомой комэска Иваном Голчиным, приказали взлететь в любых условиях и пробиться к Городищу, чтобы помочь нашим наземным войскам, отбивавшим бешеные контратаки «викингов». Шумела метель. Техники, оружейники, мотористы, работники БАО встали живой цепочкой вдоль взлетной полосы, и Илы, ориентируясь по этой цепочке, не делая круга, ложились на боевой курс. Льдом затягивало фонари самолетов. Обледенели винты. На одной из машин вышел из строя мотор, и летчик вернулся на свой аэродром. Враг не предполагал работы авиации в такую погоду, и танковая колонна шла плотно, не рассредоточенно. Илы, разделившись на две группы, одновременно ударили в голову колонны и в хвост. Танкисты пытаются вывести машины из зоны огня. Еще четыре захода сделали штурмовики [5]. 17 февраля «котел» выкипел до дна. Замечание из журнала боевых действий 1-го гшак: «19.02. 1944 – В районе Петровского обнаружен труп и изъяты документы командующего 11 танковой армией генерала артиллерии Гермерман». Видимо, неверно перевели фамилию генерала. И. С. Конев, выяснив, что генерал шел со своими солдатами, вел их на прорыв, приказал похоронить его с воинскими почестями. 18 февраля Москва салютовала доблестным войскам. Участники боев под Корсунь-Шевченковским получили благодарность Сталина, были награждены. Значительный вклад в дело разгрома немецко-фашистских войск внесла 5-я воздушная армия. Но и потери 5-й ВА также были значительными.

В Корсунь-Шевченковской битве основная тяжесть легла на экипажи 1-го гшак. В период операции они на каждый исправный самолет произвели по 16,5 вылета, в то время как истребители – по 8,5. Четко организовали сопровождение Илов истребителями выделяя группы непосредственного прикрытия и ударную, а в дни интенсивной работы – и группы расчистки в районе предстоящих действий Илов [4]. Пилоты 1-го гшак действовали с максимальным напряжением. В нелетную погоду штурмовики эффективно поддерживали пехоту и танковые войска. При быстром изменении ситуации на линии фронта, воздушная разведка давала командованию сведения не только о враге, но и о расположении своих войск. Именно воздушные разведчики выявили аэродромную сеть немцев и концентрацию транспортной авиации немцев, следили за танковыми группировками. В сложных метеоусловиях, действуя с малых высот (или с бреющего полета) под огнем зенитной артиллерии и атаками немецких истребительных патрулей, пилоты 5-й ВА и 2-й ВА осуществили больше тысячи самолетовылетов на разведку [2].

Немецкая авиация в феврале из-за плохой погоды уменьшила свою активность сравнительно с январем. Ударная авиация противника действовала главным образом по боевым порядкам советских войск. Немецкая авиация в боях под Корсунем потеряла от огня наших

истребителей и зенитной артиллерии до 185 сбитых и тяжело поврежденных самолётов. Соотношение потерь составило примерно 1:2 в пользу наших пилотов. Немецкие транспортные операции были достаточно эффективны. Ju-52 и He-111 в любую погоду летали в район кольца, стараясь дать немецким войскам все необходимое. Они смогли обеспечить немецким войскам минимум боеприпасов для стойкой обороны в течение 16 суток февраля 1944 г. и попытки прорыва в ночь с 17 на 18 февраля, эвакуировали из кольца три тысячи своих военнослужащих. Но авиация противника в феврале не смогла существенно помочь своим войскам [2].

Заметно активизировались немцы уже после окончания Корсунь-Шевченковской операции. Много наших авиационных командиров, пилотов, технических специалистов получили награды. Естественным было их желание несколько расслабиться после недавних напряженных боев. Поэтому они оказались не готовы к сюрпризу от III/JG 52. С 25.02, пользуясь улучшением погоды, немецкие истребители перешли к непрерывному патрулированию до 10—12 Ме-109 в районе Федосеевка-Компаниевка-Ингуло-Каменка. Атаки советских разведчиков и истребителей осуществлялись неожиданно, со стороны солнца. Группы до 8—10 немецких истребителей блокировали советские аэродромы, действуя с высот до 6000 м. Однако советские ВВС уже превосходили противника численно и не уступали ему качественно. Поэтому даже самый успешный для пилотов Люфтваффе бой не мог компенсировать проигранного сражения [2]. А 25.02.44 капитан Токаренко в составе 3 Як-1, сопровождая 2 Ил-2, встретил 2 Ме-109. Завязался воздушный бой, в результате которого Токаренко сбил 1 Ме-109, упавший западнее Радчихи. Боевую работу авиаторов высоко оценил командующий 2-м Украинским фронтом И. С. Конев [8].

В конспекте доклада о Звенигородской операции, представленном Рязановым Горюнову в июне 1944 года, содержатся следующие выводы и предложения: «1. В течение всего периода по окружению и уничтожению Корсунь-Шевченковской группировки противника корпус, несмотря на исключительно тяжелые метеорологические условия, дальность базирования частей корпуса, из-за отсутствия аэродрома вблизи района боевых действий, – все же корпус сумел оказать исключительно большую помощь войскам 4 гв., 53, 5 гв. танковой армий и частично войскам 52 армии по окружению и уничтожению войск противника.

2. Необходимо при продвижении наших войск организовывать тщательную разведку аэродромов, высылать передовые команды от строительных батальонов и готовить аэродромы немедленно по продвижению наших войск, а в случае ухудшения дорог применять для переброски строительных батальонов самолеты. Только тщательная разведка и подготовка аэродромов может обеспечить постоянное базирование авиации в непосредственной близости к району боевых действий.

3. Необходимо вести тщательную разведку наличия горючего и боеприпасов, которые противник оставляет, не успевая выводить из-за стремительного наступления наших войск. Опыт показал, что противник оставляет на аэродромах авиагорючее, масло, боеприпасы, но, в связи с медлительностью в этом вопросе наших тылов, это горючее и масло, как правило, используется наземными войсками». Эти выводы учитывались Рязановым затем до конца войны, например, при наступлении на Берлин.

22 февраля 1944 года было проведено два митинга 155-го Киевского гшав в честь присвоения звания Героя Советского Союза гвардии капитанам Нестеренко и Одинцову и в связи с ликвидацией группировки противника в районе Корсунь-Шевченковский. На митинге были приняты и посланы письма матери Одинцова и жене Нестеренко.

В ходе боев противник потерял 55 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 18 тысяч были взяты в плен. Захвачено большое количество боевой техники и вооружения. Результатом победы было сильное ослабление немецко-фашистских войск на правобережной Украине, создание благоприятных условий для развертывания дальнейшего наступления к Южному Бугу и Днестру. И. С. Конев писал: «Корсунь-Шевченковская операция – очень

сложная и очень интересная как в оперативном, так и в тактическом отношении. Имея много общего с битвой под Сталинградом, в частности по формам маневра и решительности целей, она отличается от нее рядом особенностей. ... С начала Великой Отечественной войны после Сталинградской битвы Корсунь-Шевченковская операция была второй большой операцией на окружение. ... Анализируя эту сложную и трудную операцию, я особенно подчеркиваю, что в ней нашли полное воплощение тактика маневрирования, творческое решение оперативных задач и целеустремленность в выполнении стратегического замысла. Следует также сказать, что нигде так не проявляются воля, знания, опыт, духовные и физические качества командиров, политработников, командующих и офицеров штабов, как в операциях на окружение. Здесь надо учитывать и фактор времени, и остроту событий, и резко меняющуюся обстановку, и отчаянные, порой трудно поддающиеся анализу и предвидению действия врага. И не зря наше военное искусство считает, что высшей формой оперативного искусства является окружение противника и принуждение его к полной капитуляции. От командования в этих условиях требуется проявление высокой ответственности, организованности, знаний, личного примера в руководстве войсками, мужества и физического напряжения».

В феврале 1944 года, накануне дня Советской Армии, пришло сообщение: «За самоотверженную боевую работу, высокое мастерство в управлении боевыми частями на поле боя, отличную выучку личного состава, за правильную организацию взаимодействия с наземными войсками и проявленный личный героизм командиру 1-го гвардейского штурмового авиационного Кировоградского корпуса гвардии генерал-лейтенанту авиации В. Г. Рязанову присвоено звание Героя Советского Союза».

Главный штурман ВВС КА генерал Б. В. Стерлигов прислал телеграмму: «Радуюсь твоей заслуженной новой высшей награде – присвоению Героя Советского Союза, дорогой Василий Георгиевич. Надеюсь лично пожать твою руку». Сам Василий Георгиевич увлекался штурманским делом, дружил с такими мастерами, как флаг-штурман Б. В. Стерлигов, А. В. Беляков, и старался привить своим летчикам любовь к этому необходимому в их многотрудной и разносторонней профессии занятию. Борис Стерлигов дворянин, потомственный интеллигент. Рязанов, хоть и крестьянский сын, но тоже врожденный интеллигент, по-научному объективно, глубоко и всесторонне подходивший к любым вопросам. Рутинного для него не существовало. Среди оставшихся вещей Василия Георгиевича была и штурманская линейка. Мама не испытывала особого почтения к вещам, перешивая из одежды все, что возможно, для детей. Линейку дала мне в школу, где этот инструмент с множеством неведомых мне функций, – помню, например, вырезанные там силуэты самолетов, – благополучно затерялся.

Все это, награды, почести, были заслуженными. И, конечно, Рязанову было приятно и радостно. Но Василий Георгиевич не кичился победами. Сыну он писал: «24 февраля услышал по радио, а вчера прочитал в газетах о присвоении мне звания Героя Советского Союза. Получилось на коротком отрезке времени столько радостно-неожиданного, что все это трудно сразу освоить – и гвардейское звание, и звание Героя. Придется еще больше напрячь свои силы и умение, чтобы оправдать ту честь и славу, которую мне оказали...». Рязанов не был склонен к саморекламе, хотя заслуженные почести не отвергал, да и в интересах дела, для авторитета соединения, командир его должен быть уважаемым. Но принцип быть, а не казаться, принимать в суть вещей, а не создавать впечатление о себе, был для него естественным и единственно приемлемым.

Среди многочисленных поздравлений, полученных В.Г.Рязановым, было и письмо с родины, от жителей поселка Большое Козино. Он послал им большое ответное письмо:

«Мои дорогие друзья, земляки, родные! От души благодарю вас за внимание и ваши теплые поздравления по поводу присвоения мне высокого звания Героя Советского Союза. Вместе с вами, дорогие товарищи, я горжусь своей Родиной и своим народом, воспитавшим сотни

тысяч героев, сражающихся на фронтах Отечественной войны и самоотверженно работающих в тылу на наших фабриках, заводах, в колхозах.

...Наша Красная Армия неудержимо гонит врага со своей священной земли, вписывая новые ярчайшие страницы в историю нашей Родины. В боях за советскую Родину вверенное мне авиационное соединение получило высокое гвардейское звание. За проявленное в боях мужество, доблесть и героизм наши летчики-штурмовики и истребители отмечены неоднократно правительственными наградами, а многие из них получили высокое звание Героя Советского Союза.

Присвоение лично мне звания Героя Советского Союза я расцениваю как результат большой и напряженной боевой работы всего коллектива соединения, отдающего все свои силы и мастерство на дело выполнения боевой задачи по разгрому немецко-фашистских оккупантов. Получив высокое звание Героя, я обещаю вам, друзья мои, вместе со своими боевыми товарищами умножить боевые дела и традиции всего соединения, еще выше поднять свое боевое мастерство.

Вы же, товарищи земляки, находясь в глубоком тылу, умножайте свои производственные успехи, работайте еще лучше и больше с тем, чтобы дать фронту новые эшелоны оружия, боеприпасов, снаряжения и продовольствия, необходимых для разгрома врага. Я обещаю вам, дорогие друзья, вместе с вами отпраздновать нашу победу в своем родном поселке, в кругу своих близких друзей и товарищей, отдающих сейчас все силы свои, мастерство и умение в борьбе с ненавистным фашистским зверем.

Искренне желаю вам успехов. Крепко жму ваши руки».

Свое обещание Рязанов выполнил, после Победы приехал к землякам. К сожалению, ненадолго. Дела не отпускали его до самого смертного часа.

Ротмистрову присвоили звание маршала бронетанковых войск. Отмечать это событие он приехал к Рязанову, где, по свидетельствам очевидцев, так превозносил заслуги летчиков Рязанова, что последний не мог его остановить. Взаимная симпатия и дружба Рязанова и Ротмистрова была вызвана и сходством их биографий. Оба родились в 1901 году, оба в селах, работали затем в городах, преподавали в академиях. Почти в одно время вступили в Красную армию и в партию, оба воевали в Финляндии. У обоих кроме военного и политическое образование. Ротмистров учился в военной объединенной школе ВЦИК. Интересно, что и Ф. А. Агальцов в 1925 году окончил Киевскую военно-политическую школу, а в 1932 – Военно-политическую академию. От Курской битвы, сражения под Прохоровкой, Рязанов и Ротмистров воюют рядом. В сражениях при форсировании Днепра, в наступлении на Пятихатки, Кривой Рог, освобождении Кировограда, в Корсунь-Шевченковской операции. Одной из важнейших, не до конца решенных задач в РККА, было организовать слаженную боевую работу родов войск в ходе боя. Рязанов с Ротмистровым много и упорно работали над этим, и что-то важное сумели сделать. Судя по письмам Василия Георгиевича, по рассказам очевидцев, они крепко, хорошо подружились в этих боях.

Мама вспоминала о своей встрече с Ротмистровым тогда: «Я снова дежурила на радиостанции, ходила в наряды, несла службу, а затем попала на гауптвахту. Командир взвода объявил трое суток ареста на гауптвахте за обсуждение его приказа. Я продолжала спорить, поскольку и его приказание, которое я обсуждала, и последовавшее наказание казались мне ужасно несправедливыми. Лейтенант сказал: «Четверо суток!». Я не умолкала. Он говорит: «Пять суток!» Я говорю: – Все равно несправедливо! В итоге мы дошли до десяти суток – максимум того, что своей властью мог дать командир взвода. Гауптвахты у нас не было. С меня сняли ремень и отправили работать на кухню.

Там я и работала целыми днями, с раннего утра до отбоя. В основном чистила картошку и мыла посуду. Чистка картошки, здорово надоевшая мне еще на Калининском фронте, на этот раз опротивела до невероятности. На шестой или седьмой день моей гауптвахты в роту при-

бежал посыльный с приказанием срочно явиться к командиру корпуса нашему экипажу: мне, Тане Лебедевой и Кире Астафьевой. Девчонки бегут за мной на кухню: – Собирайся быстрее! К командиру корпуса вызывают! Нас впервые требовало к себе высокое начальство, и мы, перепугавшись, начали думать, что бы это могло значить. Кира говорит: – Наверное, снова на ВПУ пошлют. Вместе с генералом сейчас и поедем. Таня сказала, что, возможно, мы что-то сделали не так раньше, во время работы на ВПУ. Скорее всего, передали неправильную радиogramму. Сейчас обнаружались последствия этого, нашли причину, и нам придется отвечать. После таниных слов все с подозрением начали смотреть друг на друга, лихорадочно в то же время вспоминая, не делала ли она сама ошибок, которые могли повлечь за собой трагические последствия. Я же промолчала, но была уверена, что всех нас вызывают в связи с моим проступком, чтобы, если не отдать под трибунал, то сурово отчитать за несоблюдение дисциплины. Тут прибежал командир взвода и, прервав наши догадки, сказал, чтобы мы немедленно шли и не заставляли себя ждать. Я обиделась на него еще больше: самодур, сначала сажает под арест, а затем прогоняет с него, и заявила, что никуда не пойду: – Я арестована и не имею права уходить.

Лейтенант снова разозлился и стал кричать на меня, чтобы я немедленно шла, что он освобождает меня из-под ареста. Но я твердо стояла на своем: – Никуда не пойду. Не имею права. Мне вон еще какую гору картошки надо перечистить. Так девчонки вдвоем и пошли.

Оказывается, к В. Г. Рязанову приехал П. А. Ротмистров, чтобы обсудить детали взаимодействия авиации и танков, а еще затем, чтобы поделиться своими успехами, и они вместе порадовались за него: недавно Ротмистрову было присвоено звание маршала бронетанковых войск. К. А. Белодед вспоминал, что в корпусе обычно очень хорошо встречали гостей. Для этого даже существовал фонд, созданный из трофейных продуктов.

Во время беседы Ротмистров вспомнил о нас и захотел лично выразить благодарность за хорошую работу на ВПУ. Тогда и послали посыльного в роту. Когда пришли Таня с Кирой, Ротмистров удивился: – А где же третья девушка? Вас же трое было. Девчонки стоят, мнутя, не знают, что сказать, чтобы и меня не подвести и командование не ввести в заблуждение. Ротмистров настаивает: – Почему она приказ не выполняет? Болеет она что ли? Отвечайте! Татьяна собралась с духом и сказала, что я на гауптвахте. Ротмистров говорит Рязанову: – Как тебе не стыдно, Василий Георгиевич?! Девчонки только с передовой, а ты их под арест. Они же награды заслуживают, а ты их в тюрьму.

Кто-то из девчонок попытался сказать, что я вовсе не в тюрьме, но Ротмистров показал рукой, что он еще не кончил и продолжал, улыбаясь: – Надо быть снисходительным к своим героям. Она, наверное, и не виновата ни в чем. Прости ее, Василий Георгиевич...

Рязанов приказал привести меня. Мне вернули ремень. Я быстро, как могла, привела себя в порядок. Попыталась отмыть руки от картофельной шелухи, поправила по возможности форму одежды и пришла в штаб. Меня спросили, за что я очутилась под арестом. Поругали за нарушение дисциплины. Ротмистров стал уговаривать Рязанова освободить меня. Мне оставалось еще дня три отсидеть на губе, и Рязанов снял это наказание, сказав, чтобы впредь ничего подобного не повторялось, что теперь в случае проступка я буду наказана вдвойне.

Ротмистров стал нас расспрашивать: откуда мы родом, что делали до войны, как очутились в армии. На войне очень часто хочется спокойного, лишённого всяких тревог, забот и опасностей, тянет к довоенному прошлому, представляющемуся светлым, радостным и безоблачным.

Не знаю, насколько свободно мы себя чувствовали и искренне рассказывали, – маршальские звезды все же смущали, но было приятно, что нами просто по-человечески интересуются такие выдающиеся люди. Радость живого непосредственного общения все-таки огромная ценность в любой обстановке. Тем более она была важна для нас, юных девчонок. Мы говорили,

перебивая друг друга, а маршал и генерал внимательно слушали, улыбаясь, кивая головой, чтобы мы продолжали, и задавали новые вопросы.

Потом Ротмистров стал хвалить нашу работу. Он говорил, что танкисты очень довольны ей, что мы очень помогли успешным боевым действиям непрерывным поддержанием бесперебойной связи, что нас можно ставить в пример, и чтобы так же образцово мы служили и дальше. Он утверждал, что наши четкие действия сыграли важную роль в овладении населенным пунктом еще до Днепра, и только благодаря нам танкисты вместе с летчиками уничтожили много вражеской техники и прорвали оборону. Ротмистров был очень доволен летчиками, уверял, что победы танкистов достигнуты во многом благодаря участию в них нашего корпуса, что Рязанову он обязан столь многим, что и не знает, как его благодарить. Рязанов посмеивался и пытался остановить поток похвал. Но это не так-то легко было сделать. Ротмистров сказал, что в блестящей работе корпуса и наша заслуга. Больше никогда Ротмистрова я не видела, но сохранила память о нем не только как о талантливейшем полководце и крупном военачальнике, но и как о хорошем, добром человеке».

[1] С. Н. Гречко. Решения принимались на земле. М. Воениздат, 1984.

[2] В. Колечкин. Авиация в Корсунь-Шевченковской операции 24.01—18.02.1944г.http://www.fmc.myl.ru/publ/aviacija_v_korsun_shevchenkovskoj_operacii_2401_18021944_g/1-1-0-30.

[3] Донченко С. А. Флагман штурмовой авиации. – К.: Политиздат Украины, 1988.

[4] Давтян С. М. Пятая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 5-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. – М.: Воениздат, 1990.

[5] Драченко И. Г. На крыльях мужества: Повесть. – М.: ДОСААФ, 1986. – 208с.

[6] Н. И. Конева. Маршал Конев – мой отец.

http://memorial.ppolk.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=7&Itemid=17.

[7] Т. Бегельдинов. «Пике в бессмертие» – Алматы: Жазушы, 2000.

[8] Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944. – М.: Наука, 1972.

[9] Коптев М. И. Крылатый ветер. Ярославль. Верхне-Волжское книжное издательство, 1990.



В первом ряду сидят Крассий, Иоффе, Парвов, Рязанов.



Рязанов со своими подчиненными, 1944.



Глава 16. Умань. Ботошаны. Яссы

Курской распрямляющейся пружиной несло вперед наши войска. Только под Сандомиром сделали передышку, а потом пошли к Берлину. И сопротивлялись ведь немцы упорно, но поделать ничего не могли. Английское слово драйв имеет несколько значений перевода на русский язык. Это и большая энергия, напористость, и преследование (неприятеля), и гонка, спешка (в работе), и энергичное наступление, удар, атака и др. Все это тогда было: и напористость, и гонка, и спешка, и энергичное наступление. Драйв драйва, – энергия атаки, – и все это инициировалось и стимулировалось генералами под началом командующего фронтом.

Приказы не исполнялись механически. Сотрудничество было творческим, плодотворным и успешным. Важную роль играли, конечно, и личные отношения. Даже, например, такая мелочь, как записка Конева на его именном бланке, фотографию которой я нашел в альбоме (фотографы корпуса хотели, видимо, показать свои достижения): «Тов. Рязанов, не откажи в любезности в лаборатории корпуса отпечатать мои снимки. Эти портачи только портят и ноют. А у Вас выходит неплохо. Жму руку. И. Конев. 22.5.44».

В 1982 году я был в Москве на встрече ветеранов 1-го гшак. Беседовал там с одним из бывших корпусных фотографов. Он рассказал, что в конце сороковых сжег два чемодана с негативами. Не помню, при каких обстоятельствах и чего он опасался. Но обстановка действительно была нездоровой. А в любой самой безобидной фотографии при желании можно отыскать и шпионские, и антисоветские и любые другие мотивы. У фотографов в воздушной разведке были и технические проблемы. Например, объектив при взлете часто забивался грязью. Качество отечественных и американских пленок не давало нужного разрешения. Лучшими пленками были немецкие.

После тяжелейших боев под Корсунем Рязанову не довелось отдыхать. Началась разработка Уманско-Ботошанской операции, и пришлось заняться подготовкой нового авиационного наступления. Наши самолеты разместились на грунтовых аэродромах Шпола и Звенигородка. Рязанов прорабатывал возможные варианты развития событий, определяя боевые возможности соединения, работал со штурманами, наносил на карты позиции войск. Генерал Горюнов просил об усилении воздушной армии [1].

Но самым тревожным вопросом для Горюнова, Рязанова и других офицеров было базирование в ходе наступления. Весна, непролазная грязь на грунтовых аэродромах. Кировоградский аэроузел, лежащий в стороне от планируемого главного удара, остался единственным местом, откуда авиация могла работать без ограничений. Вскоре грязь покрыла всю землю. Сложной задачей для Рязанова стал выбор аэродромов. А для командира авиакорпуса это задача первостатейной важности. Командарм поручил начальнику тыла генералу Тараненко и начальнику аэродромной службы подполковнику Абаеву создать поисковые группы, которые должны были определить возможность использования под аэродромы некоторых вышенностей в надежде на то, что почва там может подсохнуть быстрее. Для уплотнения грунта на таких аэродромах проводилась заготовка соломы и камыша, а для укатки взлетных полос подтягивалась аэродромная техника. Однако украинский чернозем, замерзавший ночью и слегка таявший под лучами мартовского солнца, пока с большим трудом поддавался искусственному уплотнению. Мама рассказывала, что никогда ничего подобного она не видела. Все застревало в этой грязи: машины, повозки, люди, кони, танки. В воспоминаниях Конева, причем, и в книге «Сорок пятый», и в книге «Записки командующего фронтом», – впечатления, видимо, не отпускали, – тоже описана эта грязь. В книге «На юго-западном направлении» К. С. Москаленко вспоминал: «Вообще штурмовая авиация после битвы на Курской дуге, по моему мнению, нанесла противнику особенно большой урон при освобождении Правобережной Украины весной 1944 года... В самом деле, отступавшие колонны вражеских войск,

автомобилями с боеприпасами, горючим..., а также транспорт на конной тяге были превосходными целями для авиации. Ни машины, ни люди из-за распутицы не могли рассредоточиться на окружающей местности. И наши отважные летчики на штурмовиках носились над ними, поражая врага бомбовыми ударами, реактивными снарядами, свинцовым дождем». Но и летчики ведь тоже не бесплотные духи небесные, они взлетают с земли и на нее садятся.

Ивану Степановичу Коневу присвоили звание Маршала Советского Союза. Он был доволен этим, с энтузиазмом работал над новой наступательной операцией. Конев узнал у Горюнова, удачно ли сделана аэрофотосъемка обороны противника в направлении Умани, ознакомил его с замыслом операции. Затем сказал, что, по данным разведки, противник не ожидает наступления в распутицу. Но Ставка отвела фронту двадцать суток на подготовку операции. – А вам, авиаторам, думаю, хватит шестнадцати суток. Как, Горюнов, успеете? – повернулся Конев к Горюнову. – Попробуем успеть, – ответил командарм. – Ну вот и хорошо. Иного ответа я не ожидал, – с явным удовлетворением произнес маршал [1].

Перед 5-й ВА в наступлении стояли обширные боевые задачи. Массированные удары по артпозициям, узлам сопротивления и резервам врага наносят «пешки» Полбина. Я недавно нашел два снимка Рязанова и Полбина вместе летом 44-го. Там они молодые – Рязанову – 43, Полбину – 39. Не были они сказочными богатырями. Хотя сильными и властными были. Но все-таки были людьми не всемогущими и всесильными. Обычными людьми с обычными человеческими слабостями. К тому же, сильно уставшими. Тогда каждый шаг был новым, требовал нестандартных решений и ходов. Самые, наверное, обширные и ответственные задачи ставились 1-му гшак: в первый день операции помочь войскам 27, 52 и 4-й гв. А в прорыве обороны, с началом развития прорыва поддержать одной штурмовой авиадивизией 2-ю ТА, другой – 5-ю гв. ТА. Корпусы Утина и Подгорного прикрывают войска на поле боя и сопровождают группы «пешек» и Илов [1].

Рязанов настраивал людей на тяжелую работу. Офицеры корпуса выезжали в штабы наземных армий решать вопросы взаимодействия. В армейской газете «Советский пилот» опытные разведчики писали, как отличить с воздуха свои войска от вражеских, и о прочем. Пилоты корпуса в исключительно сложных метеоусловиях вели непрерывную боевую разведку, фотографирование переднего края. Уманско-Ботошанскую операцию намечали начать 6 марта. Но вечером 3 марта маршал Конев принял решение начать наступление на сутки раньше. Генералы Горюнов, Рязанов, Подгорный и Утин со средствами управления боевыми действиями авиации по радио выехали на КП командующего 52-й армией генерала К. А. Коротева.

Утром 5 марта погода теплая, все покрыто густым туманом. Горюнов, услышав сообщения из авиакорпусов о невозможности вылетов, спокойно сказал: – Не волнуйтесь. У нас тут тоже сплошное молоко. Ждите указаний. Мощная артподготовка длилась 56 минут. Под прикрытием тумана ринулись вперед стрелковые соединения и танки непосредственной поддержки пехоты. С рассвета войска 27, 52, 4 гв. А во взаимодействии с войсками 2, 6, 3 гв. ТА перешли в наступление, нанося главный удар с рубежа Нов. Гребля, Ольховец. Оборону немцев прорвали на глубину от 4-х до 8 км. Над аэродромами Пе-2 пелена густого тумана висела трое суток. У штурмовиков и истребителей, базировавшихся ближе к фронту, во второй половине дня 5 марта туман слегка уменьшился. Горюнов приказал: при первой же возможности организовать воздушную разведку. Первым в район Умани вылетел майор Г. У. Чернецов. Вслед за ним удалось выпустить на разведку с попутным бомбометанием еще 15 самолетов Ил-2 из корпуса Рязанова и 10 истребителей. Разведкой, в основном, занимались до 8 марта. 7 марта 2 Ила разведчика сбили Ю-52. Сделал это в исключительно плохих метеоусловиях капитан Красота, разбив еще 5 автомашин.

К полудню 8 марта погода улучшилась, туман почти рассеялся. Наши воздушные разведчики засекли движение из района Умани по направлению к ж. д. станции Поташ до 500 танков врага. В течение всего светлого времени суток штурмовики громили части противника. Авиа-

ция совершила за 8 марта 723 самолетовылета. Удары по противнику наносились еще сутки. После освобождения станции Поташ нашли брошенными 200 исправных вражеских танков без горючего, их экипажи удрали на лошадях, еще и около 300 поврежденных – результат удачных действий наших войск и авиации. Трофейные танки пошли на комплектование танковых частей, понесших потери под Корсунем. 10 марта 66 Илов и 30 Яков уничтожили 207 автомашин, 2 бензоцистерны, самоходное орудие, 130 солдат и офицеров, сбили Ю-87. 6 Илов майора Афанасьева в районе Ново-Архангельска произвела 6 атак, уничтожив 45 автомашин и 40 солдат и офицеров.

С 1 по 31 марта 1944 г. 1-й гшак содействовал 27-й, 52-й и 4-й гв. А и 5-й гв., 2-й и 6-й ТА при наступлении на Умань и Бельцы. Одной из боевых задач корпуса была разведка. 9 марта начались бои на подступах к Умани. Летчики корпуса в этот день уничтожили 6 танков, 98 автомашин, 2 повозки, 250 врагов, создали 2 очага пожара. Летчики корпуса 10 марта уничтожили 207 автомашин, 2 бензоцистерны, самоходное орудие, 130 врагов, создали 10 очагов пожара. В воздушном бою сбили Ю-87. В 14.35—14.50 группа 6 Ил-2, ведомые майором Афанасьевым, атаковала до 1000 автомашин в районе Новоархангельск. В двух заходах, 6 атаках уничтожили 50 автомашин, 40 солдат и офицеров. Шестерка Ил-2, ведущий капитан Рачков, в 14.40—14.50 с высоты 600 м до бреющего атаковала 300 автомашин, уничтожила 30, взорвала 2 бензовоза, создав крупный очаг пожара, 30 солдат и офицеров. Шестерка Ил-2, ведущий капитан Горобинский, в 15.30—15.40 с высоты 800 м до бреющего двумя заходами атаковала 300 автомашин, уничтожила 25. Шестерка Ил-2, ведущий капитан Голчин, в 16.00—16.20 с высоты 400 м до бреющего атаковала 100 автомашин, уничтожила 20, взорвала бензовоз, создав 4 очага пожара. Шестерка Ил-2, ведущий майор Абухов, в 16.23—16.30 атаковала 1000 автомашин, уничтожила 50, 60 солдат и офицеров. Все эти группы потерь не имели, кроме одного поврежденного зенитным снарядом самолета, но он сел в районе своего аэродрома. Весь месяц наблюдались плохие погодные условия, было много нелетных дней. Они использовались для учебы боевого состава. Из-за бездорожья поставки масла и горючего были нерегулярными. Аэроузлы были загромождены техникой различных корпусов. Связь работала с перебоями. В таких условиях наиболее реальной боевой задачей было прикрытие переправ через Днестр.

За день 8 марта Илы сожгли 40 танков и штурмовых самоходных орудий, в проведенных 36 воздушных боях сбили 18 немецких самолетов. Не вернулись с боевых заданий 8 наших экипажей. Грязь стояла непролазная. Машины застревали через каждые 15—20 метров. Солдаты, выскакивающие вытаскивать, тут же оказывались по колено или по пояс в грязи. Но группировка, наступавшая на Умань, за пять дней расширила фронт наступления до 170 км. 11 марта капитан Веревкин сбил Фв-189, «раму». 12 марта 6 Илов под сильным огнем зениток штурмовали врага. Ведущий группы майор Абухов привел на аэродром свою машину с разбитым хвостовым оперением. Вечером 14 марта в районе переправы через Южный Буг машину И. С. Конева обстрелял немецкий самолет. Сам Конев не пострадал, хотя, надо полагать, чудом остался невредим, – в кузове машины было много пробоин. После этого он потребовал от С. К. Горюнова улучшения прикрытия войск на переправах через реки.

Экипажам удавалось взлетать с большим трудом. Но не прекращалась воздушная разведка. 11 марта летчик И. Ф. Якурнов по дороге от Винницы на Немиров обнаружил колонну примерно в 200 автомашин. Якурнов атаковал колонну, сделав восемь заходов, и сообщил Рязанову. По его команде оторвались от вязкого грунта и взлетели две группы Илов ст. лейтенанта Одинцова и мл. лейтенанта Гулькина. Они авиабомбами и огнем из пушек уничтожили до 70 машин с грузами и солдатами. 11 марта летчики корпуса уничтожили 124 автомашины, 2 танка, 3 бензоцистерны, батарею полевой артиллерии, точку МЗА, 5 вагонов, 3 паровоза, 27 повозок, 260 солдат и офицеров. Капитан Черевкин на Ил-2 сбил Ю-189. А 12 марта уничтожили 297 автомашин, 1 танк, 3 автоцистерны, 9 самоходных орудий, 43 вагона, 2 паровоза,

39 повозок, 10 лошадей, 300 солдат и офицеров. Взорвано 3 склада с боеприпасами, создано 4 очага пожара, разрушено жд полотно.

Мл. лейтенант Алехнович из 165 вылетов 80 ходил ведущим на разведку. Он заснял весь район Тыргу-Фрумос, обеспечив успешную работу наших наземных войск и авиации, их продвижение. Мастерский удар по аэродрому под Первомайском нанесла группа Н. Столярова. Рязанов знал, что немецкие самолеты – «юнкеры» и «хейнкели» – тоже сидели по уши в грязи. Налет был внезапный, противник ничего не смог предпринять. Н. Н. Остроумов приводит пример творческих действий ведущего Овчинникова, выводившего свою шестерку из атаки 14 марта правым разворотом внезапно для врагов, – и зенитки били неточно [8]. Там же Остроумов приводит пример удачных действий ведущего шестерки Яков майора Карнача, прикрывавшего 12 Илов. Наши летчики тогда под Уманию сбили 2 из 10 напавших самолетов врага, своих потерь не было. Рязанов приказал представить пилотов к наградам. С боями пройдено 120 километров весеннего наступления. Войска фронта разгромили 10 пехотных, 8 танковых дивизий и продолжали продвигаться к Днестру. Из-за отсутствия промежуточных аэродромов и удаленности базирования поддерживать наступающие войска нашей авиации становилось все труднее. 14 марта на земле столкнулись Ил-2 и Як-1. Погибли летчик Ил-2 лейтенант Некрасов, стрелок Поротников и сопровождающий Ил-2 ст. техник лейтенант Кузниченко. Летчик Як лейтенант Коняев получил ожоги. Самолеты сгорели.

Илы Рязанова, Яки Подгорного работали в полосе наступления 2-й ТА и 52-й А на ближних подступах к Умани. 17 марта Илы корпуса произвели 75 самолетовылетов, а Яки – 28. Уничтожили 174 автомашины, 34 повозки, паровоз и 46 вагонов, склад с боеприпасами, железнодорожное полотно на станции Бандуровка, до 140 солдат и офицеров. Похожие результаты 17, 18, 19 и 20—22 марта. Вскоре у врага отбили грунтовой аэродром. Туда перебазировали 1-й гшак. – Аэродром тесноват для нас, – заметил Рязанов. Но все-таки отсюда Илам было удобнее поддерживать наступающие войска при форсировании Южного Буга. 14.03.44 шестерка Илов 735-го шап, ведущий В. Лыков, атаковала скопление ж. д. эшелонов на станции Ново-Украинка. Под ураганным зенитным огнем уничтожили 50 вагонов, 15 автомашин, создали 2 взрыва. Такое же задание эта шестерка отлично выполнила 17.03.44 в пункте Бандурка: 15 автомашин, 40 вагонов, паровоз. Весь корпус 17 марта уничтожил 174 автомашины. Ночью 10 марта отбили Уманский аэродром. Взлетно-посадочная полоса, за исключением небольших участков, оказалась поврежденной. Взорвали немцы при отступлении ангары и другие строения. Уцелела одна большая емкость с бензином, и остались на рулежных дорожках не успевшие взлететь самолеты – несколько боевых и один транспортный (ФВ-200). Быстро все восстановили и 8 гшад и 12 гиад перебазировались на аэроузел Умань. 9 гшад оставалась в Ротмистровке.

Полезную и очень ценную разведку провели 18.3.44 пара 141 гшад под командованием лейтенанта Столярова. По дороге Лысая Гора – Первомайск Столяров обнаружил и атаковал до 100 автомашин, уничтожив 7. Разведчики установили отход пехоты противника на юго-запад, и вернулись на свой аэродром.

Наши войска наступали, прорывали оборону врага, несли потери. «Шапка», оборона с неба была жизненно необходима для них. И Рязанов снова отдавал команды, снова крутились пропеллеры, взмывали ввысь аппараты, тяжелее воздуха, снова летели бомбы, пули и снаряды. Многие пилотов вылетали с радостью, удовольствием и азартом, но больше, наверное, устали от боев и смертельных опасностей. На Днестре противник упорно сопротивлялся на переправах Яруга, Ямполь, Сороки. Крупные силы авиации врагов нарушали переправу наших войск на западный берег Днестра. Метеоусловия не давали возможности частям 4 и 7 иак прикрывать переправы в Ямполье, Сороках. 1-му гшак поставили задачу: прикрывать наши войска в этом районе. Боевая работа частей корпуса по выполнению этой задачи началась с 14.3.44. Действия Ю-87 по переправам массировались. Атмосферные фронты проходили с запада на восток,

погода резко портилась и в районе базирования и на маршруте к цели. Но к югу от линии Умань – Ямполь погода стояла прекрасная, и противник мог более эффективно использовать свою авиацию. Приходилось в этих условиях прикрывать переправы через Днестр с Уманского аэродрома, действуя на полном радиусе. Над целью наши самолеты смогли патрулировать только 15—20 минут. Но части корпуса прикрывали переправы. 15.3.44 на прикрытие произвели 9 самолетовылетов, из них 7 Як и 2 Ил-2. «Быстрота, с которой были форсированы эти широкие реки, еще не отмечалась в истории войн», – писал Б. Лиддел Гарт в книге «Стратегия непрямых действий» о Южном Буге и Днестре.

18.3.44 прошло 6 групповых вылетов. Одна группа из-за плохих метеоусловий задание не выполнила. 19.3.44 произведено 7 групповых вылетов, из них 2 вылета на Ил-2. В период 8.02 – 10.15 пара Як-76, ведущий Карнач, встретила в районе Ямполь до 50 Ю-87, завязав с ними воздушный бой. Подошла вторая пара Кутихина. Противник сбросил бомбы беспорядочно с одного захода, и ушел на свою территорию. В воздушном бою Карнач сбил Ю-87. В период 15.30 – 17.25 2 Як-76, ведущий Андрианов, на высоте 1200 метров в районе Ямполь встретили 12 Ю-87. Они беспорядочно сбросили бомбы, и ушли на свою территорию. На переправы вылетел на Ил-2 врио командира 8-й гшад Шундриков. В районе Ямполь он встретил на высоте 600 метров 12 Ю-87. Шундриков стал снижаться с высоты 1200 метров, до дистанции открытия огня снизиться не успел, – появились 4 Ме-109. Но он нарушил боевой порядок Ю-87. Они сбросили бомбы с одного захода, не целясь. Шундриков увел за собой Ме-109, используя облака. Преследователей он обманул, ушел от них на бреющем полете по балкам, по ложине, замел следы и скрылся. Очень тонкая, хрупкая грань отделяла штурмовиков от небытия. И как эту грань не перейти, не свалиться в полностью неустойчивое состояние, из которого нет возврата?

20.3.44 провели 8 групповых вылетов на прикрытие. Штурман 153-го гиап гв. капитан Лошак, гв. ст. лейтенанты Андрианов и Гнездилов прикрывали переправы одиночными самолетами. В период 13.10 – 15.15 в районе Ямполь Андрианов встретил на высоте 1200 метров 18 Ю-87, атаковал и сбил один Ю-87. Остальные Ю-87 сбросили бомбы беспорядочно. В 15.50 – 17.25 Гнездилов в этом же районе встретил до 15 Ю-87 и подбил один из них. В течение дня 20.03.44 сбили в воздушных боях 3 Ю-87 и один подбили. Заставили врагов сбрасывать бомбы не прицельно. Но пребывание в районе цели самолетов Як-1, Як-76 и Ил-2 было слишком ограниченным. Требовалось посадить наши истребители ближе к району переправ. С 17 по 19 марта на самолетах У-2 искали новые аэродромы. Нашли площадку 300 на 1400 метров в районе Гальжбиевки, годную для работы истребителей. 151-й гиап 20 марта перебазировался на эту площадку, невзирая на плохие метеоусловия, получив задачу – вылетать «по зрячему» и по сигналам радиации наведения для отражения Ю-87. В течение дня 21 марта был проведен один вылет «по зрячему» и 5 групповых вылетов по сигналу радиации наведения, проведено 2 воздушных боя, сбит 1 Ю-87 и 1 Ю-87 подбит. 21 марта 5 Як-1 в районе Ямполь встретили 25 Ю-87. Старший лейтенант Шаманский сбил Ю-87. Начиная с 22 марта, наши истребители при выполнении задач по прикрытию переправ не встречали противника.

Темп наступления поддерживался высоким. В работах С. П. Капицы о демографии показано, что исторические этапы уплотнялись до 2007 года, занимая все меньший промежуток, темпы росли. В военное время «сжатие» времени было не таким сильным, но, видимо, происходили и локальные уплотнения, зависящие от усилий людей.

Маму тогда послали с экипажем радиостанции впереди летчиков. Но машина безнадежно застряла в грязи, весь бензин сожгли. Они – трое радистов – пошли пешком и добрались до Умани, когда оттуда уже улетал последний самолет корпуса. Получив суровый разнос, – мама говорила, что такой брани она никогда не слышала; возможно, Рязанов волновался, и свое волнение передал ругавшему их полковнику, – забрались в него и прилетели в Молдавию. Трудности наступления в весеннюю распутицу и бездорожье были громадными. Авиаторы не только

наносили удары по врагу, но и доставляли по воздуху боеприпасы, горючее, продовольствие, средства связи, перебрасывали штабы дивизий и корпусов, отстававшие от наступающих войск в непролазной грязи. На немецких аэродромах захватывали горючее и боеприпасы, а кормило летчиков местное население. Бойцы шутили: перешли на «бабушкин аттестат».

Генерал Рязанов в мае 1944 года направил генералу Горюнову доклад о действиях 1-го гшак в Уманской операции. Выводы и предложения его звучат так: «1. Несмотря на то, что прикрытие переправ наших войск через р. Днестр должны были осуществлять 4 и 7 иак, основная тяжесть по прикрытию переправ в период 14—26.3.44 была возложена на 1 гшак. Посадка истребительных засад непосредственно в район прикрытия заставила противника снизить свою активность, а с 22.3.44 бомбардировщики противника в этот район вообще не появлялись. Достаточно было истребительной засады провести два воздушных боя, сбить пару самолетов противника, как резко снизилась активность авиации противника. Так, например, если противник в первый период при отсутствии наших истребителей появлялся над переправами группами 10—50 самолетов и применял, как метод, атаки цели „замкнутый круг“ с индивидуальным бомбометанием, то с появлением наших истребителей прикрытия и штурмовиков авиация противника не только уменьшила численность самолетов в группе, но с 22.3.44 вообще не появлялась. Отмечались отдельные пролеты самолетов противника с целью разведки. 2. В процессе выполнения задач по прикрытию штурмовики и истребители частей корпуса проявили выдержку и отвагу, оказали существенную помощь переправляющимся нашим войскам. 3. Для того чтобы обеспечить аэродромами истребителей и штурмовиков при успешном продвижении наших войск, необходимо вслед за наступающими частями на главном направлении высылать строительные аэродромные батальоны, имея заранее план строительства. В период бездорожья личный состав строительных батальонов перебрасывать на вездеходах и, главным образом, на самолетах. Такие мероприятия своевременно обеспечат строительство аэродромов для базирования штурмовиков и истребителей в непосредственной близости к линии фронта в период наступательных операций».

Первыми 25 марта достигли границы с Румынией по реке Прут войска 27-й А генерала С. Г. Трофименко, Илы Рязанова и истребители Подгорного. Управляли авиацией оба комкора с НП наземной армии. Звучал призыв: «Вперед, к границе!». Самолеты 1-го гшак первыми в Красной Армии вели боевые действия за границей СССР. Корпус отметили в приказах Сталина (март 1944 г.) за овладение городами Умань, Христиновка, Монастырище, Вапнярка, форсирование Днестра, овладение городом Бельцы, и другие успехи. В тяжелых метеоусловиях маневренность управления частями корпуса была сохранена. 31.03.44 лейтенант Чудбин сопровождал 2 Ил-2 на разведку и сбил Фв-190. 26 марта 144-й и 145-й гшак перебазировались с аэродромов Ротмистровка и Умань на аэродром Грушки.

Летчики противника, зная самолет разведчика и «охотника» Бориса Мельникова, подкарауливали его в разведке. Легчик по радио сообщил на КП найденные цели и пошел в лобовую атаку. Это спасло ему жизнь. Расстрелял в упор двух «мессеров», вырвался из кольца врагов, но до дома еле дотянул – самолет был весь изрешечен осколками. Во время Яско-Кишиневской операции при отходе от цели сбили комэска. Со всех сторон к самолету бежали немецкие автоматчики. На глазах у врагов Мельников приземлился точно к подбитому самолету и забрал его экипаж. Вот что официальный документ говорит о боевых заслугах Мельникова: «К маю 1945 года заместитель командира эскадрильи 143-го гшак комсомолец гвардии ст. лейтенант Б. В. Мельников совершил 231 боевой вылет на штурмовку войск противника и разведку. На его счету 48 уничтоженных фашистских танков, 145 автомашин с живой силой и грузами, взорванные железнодорожные эшелоны с боеприпасами и техникой, 10 артиллерийских и шесть минометных батарей, пять самолетов на аэродромах, свыше 500 вражеских солдат и офицеров». Звание ГСС Борису Васильевичу Мельникову присвоено 27 июня 1945 года.

С 1948 года Мельников – в запасе. Работал машинистом экскаватора в городе Докучаевске Донецкой области Украины. Скончался на 29-м году жизни 7 декабря 1951 года.

20.03.44 два Як-1 вели разведку в район Рыбница. Лейтенант Безверхий, встретив 1 Фв-189, в воздушном бою сбил его. 26 марта 5 Илов, ведущий ст. лейтенант Кудрявцев, и 5 Ил-2, ведущий лейтенант Лыков, в 15.53 под прикрытием 8 аэрокобр ударили по аэродрому в 2 км севернее Любашевки. Облачность 8—10 баллов, видимость 4 км. Ведущий общей группы Лыков летел к цели на высоте 600—750 м в боевом порядке две пятерки в кильватере. Штурмовать приказал одним заходом. В трудных метеоусловиях, при противодействии ЗА и ИА противника, группа уничтожила 8 Ю-87 и Хе-126, взорвала бензосклад и бензоцистерну. 24 марта майор Абухов вел на задание 6 Илов. В районе Мечетни 15 Ю-87 под прикрытием истребителей бомбардировали боевые порядки наших войск. Ведущий Илов посоветовался с Рязановым, затем одним звеном врезался в стрброй «Юнкерсов». Сбили пулеметно-пушечным огнем 2 Ю-87, заставив остальных уйти на свою территорию. После воздушного боя отлично провели штурмовку.

Весь март стояла неустойчивая, резкая погода. Потепление выводило из строя аэродромы, насыщенные боевыми частями разных корпусов. Весенняя распутица сказалась и на обеспечении частей корпуса. Но летчики произвели в марте около 1300 самолетовылетов, нанесли отступающему противнику громадный ущерб в живой силе и технике, существенно помогли наступлению наших войск. Очень важной была и непрерывная разведка и до начала операции и в ходе ее проведения.

В Уманской операции части корпуса одновременно базировались на нескольких узлах, с расстоянием между ними 150—300 км (от Фурсы, Белой Церкви до Ротмистровки, Канатова, Кировограда и Умани). Связь внутри корпуса поддерживалась главным образом по радио и самолетами связи. Но, хотя наземные войска быстро продвигались вперед, а за ними и штабы, управление частями сохранялась непрерывно в течение всей операции. Использовали представительство офицеров корпуса в наземных армиях. С армиями, наступающими на главном направлении (27, 40, 52, 6 танковая, 2 танковая и 5 гв. танковая армии), постоянно поддерживалась связь, что обеспечило боевую работу корпуса. Комкор на своих картах прокладывал новые маршруты. Войска шли в Молдавию. Летчикам, впервые оказавшимся в этих краях, природа Молдавии казалась сказочной. Но не прекращались бои. Неотложные дела заставляли всех напряженно трудиться.

1 гшак с 1 по 30 апреля 1944 года взаимодействовал с 27, 52, 5 гв. армиями и 2 и 6 танковыми на Кишиневском направлении и направлении на Яссы. Всю первую половину месяца были перебои с поставкой горючего, поэтому корпусу было трудно оказывать активную помощь армиям. Организовали новый аэродромный узел во Флорештах. 19 апреля командир провел сбор руководящего состава корпуса, на котором обсуждались боевые задачи, подготовка молодого летного состава, взаимодействие с армиями и т. д. Важные сражения шли в период 25—28 апреля: армии отражали контратаки немцев в трех км к северо-западу от с. Ташлык. «Находясь на НП 27 армии, комкор имел телефонную и радиосвязь с НП 52 и 2 танковых армий и, следовательно, своевременно был информирован об обстановке на участке трех армий, и своевременно информировал штаб корпуса, который немедленно доводил наземную обстановку до частей корпуса. Кроме этого, как в прежние периоды, комкор руководил боевыми группами на поле сам... Комкор вылетел сам на НП командующего 5 гв. армии, откуда с рассветом 25. 04. 1944 и до исхода дня руководил боевой работой, организовывал тесное взаимодействие с наземными войсками» (Отчет о боевых действиях 1 гв шак с 1 по 30 апреля 1944 года. ЦАМО, фонд 20502, опись 1, дело 52, л. 37). «28 апреля в течение 4 часов были перебои связи – радиуса действия радиации командира корпуса не хватало для стабильного приема». 28 апреля 6 Илов, ведомые майором Яковицким, в районе Карлигул, несмотря на сильный зенитный огонь, уничтожили 3 танка, 9 автомашин, до 70 солдат и офицеров врага.

5 апреля в корпус из вражеского плена вернулись два летчика. Младший лейтенант Кириллов и воздушный стрелок сержант Приходько из 144 гшп 19.12.43 после боевого повреждения сели вынужденно на территории противника и попали в плен. Оттуда сбежали, скрывались в деревне до освобождения ее Красной армией. Летчик 140 гшп мл. лейтенант Белков 14.8.43 был в группе 18 Илов майора Лавриненко. Истребители противника повредили управление самолета. Он вошел в штопор и врезался в землю. Белкову удалось перед землей уменьшить угол удара. Экипаж выжил, но попал в плен. 12 марта 44-го летчик сбежал. Стрелок остался в плену. 8 апреля в 8.40 наши Яки сбили Фв-190. 9 апреля уничтожили 7 автомашин, 10 повозок, убито 40 солдат и офицеров и 10 всадников. Но горючего катастрофически не хватало. Еще перебазировались и управление корпуса и 8 гшад и 12 гиад.

Полевые аэродромы располагались теперь близ городов Сороки, Ямполь. Взлетая с них, группы Илов и истребителей били по очагам вражеского сопротивления, оберегали от «юнкеров» переправы при форсировании рек Серет, Сучава, Молдова. Усиленно проводили воздушную разведку, определяя движение войск противника, районы подготовленной обороны, места, наиболее удобные для переправ через реки и их прикрытия. В разведку часто вылетали смешанные пары – Илы и истребители. Разведчики установили, что в районы Хуши, Бакэу, Роман и Фокшаны перебросили до 500 боевых машин дополнительно к тем, которые базировались там, сфотографировали расположение пяти зенитных батарей. Были проблемы с горючим. Поэтому, например, 12.04.44 смогла вылететь только тройка Илов, уничтожившая 3 танка, 4 автомашины, 1 самолет на земле, 70 солдат и офицеров. И разведэскадрилья помимо разведки уничтожила 2 автомашины, 30 солдат и офицеров, сожгла заправочный пункт с горючим. К тому же продолжались перебазирования. 15.04 в 11 вылетах на штурмовку уничтожили 12 автомашин, батарею МЗА, 10 солдат и офицеров. В 12.15 2 Яка, ведущий Безверхий, встретили 2 Фв-190. Двумя атаками один Фв-190 был сбит. В 17.15 4 Яка, ведущий Шокуров, встретили ХШ-126 с прикрытием 2 М-109. В завязавшемся групповом воздушном бою ХШ-126 был сбит. 16.04.44 группа 6 Илов, ведущий Девятьяров, уничтожила 4 танка, 3 автомашины с войсками и грузами, 20 повозок, подавила огонь батарей артиллерии и минометов, уничтожила до взвода пехоты. Конев объявил группе благодарность. А от Рязанова у Девятьярова было 4 благодарности. В 16.30 в воздушном бою между 4 Яками и 6 Ме-109 сбит Ме-109. Конев, наблюдавший боевые действия групп, благодарил также подполковника Володина, майора Карнача и майора Абухова. Шестерка Володина в 14.08—14.17 двумя заходами десятью атаками штурмовала артбатарею полевой артиллерии, 4 танка и другие объекты. Уничтожили 2 автомашины, 3 повозки, батарею, 50 солдат и офицеров. В 15.40—16.00 пара Илов майора Абухова тремя заходами, 12 атаками штурмовала до двух рот пехоты, автомашины и окопы с пехотой. В первом заходе атаковали отходящие группы пехоты. С небольшим доворотом влево атаковали пехоту и автомашины. Ведомый лейтенант Любимов из-за неисправности мотора прекратил выполнять задачу и взял курс на свой аэродром. Майор Абухов уже в одиночестве 20 минут на бреющем продолжал уничтожать живую силу и технику противника. Конев, кроме благодарности, приказал представить майора Абухова к правительственной награде вне очереди. 17 апреля тоже было ограниченное число заправленных горючим самолетов. Но противнику нанесены следующие потери: 5 танков, 31 автомашина, 14 повозок, 4 очага пожара, 1 батарея полевой артиллерии, 1 орудие МЗА, до 80 солдат и офицеров. В воздушных боях сбит 1 Ме-109.

В 11.45 18 апреля Рязанов с КП 27 армии приказал командирам 8 и 9 гшад по одной группе штурмовать танки и огневые средства в районе Редеулей, Богонос, Тэтэрушул. Атаки производить с круга. Быть над целью не менее 20 минут, проходить через КП и докладывать задачу и разведданные. Штурмовики, выполняя приказ, уничтожили 6 танков, 11 автомашин, 10 повозок, орудие с прислугой, 125 солдат и офицеров. Мл. лейтенант Любимов с поврежден-

ным огнем истребителей мотором сел на фюзеляж у высоты 167. У летчика и стрелка осколочные ранения в правую руку.

В середине апреля на площадках Липкан стали сосредоточиваться 2-й шак, а затем и 279-я иад. На доклад к Горюнову прибыл командир авиакорпуса генерал В. В. Степичев. – В моем подчинении двести десять штурмовиков и сто истребителей, – доложил рослый, широкоплечий генерал, добавив: – Этакой силой можно гору своротить [1]. Выслушав доклад комкора, С. К. Горюнов заметил, что оценивать действия Илов и истребителей корпуса будут наземные войска. Опытом поделится генерал Рязанов.

В 13.30 15 апреля от офицера связи с НП 27 армии поступила информация, что наши части с рассвета начали наступление. Рязанов в 10.05 приказал провести разведку в районе Тыргу-Фрумос. Состав 2 Ил-2 и 2 Як. После сообщения из 27 армии Рязанов вылетел туда и с НП 27 армии в 14.00 приказал группой 4 Ил-2 уничтожать автомашины и повозки противника по дороге от переправы через р. Серет. При обнаружении танков противника бить только танки противника. Ведущему связываться с КП и докладывать задачу. В 16.00 начальник штаба корпуса выслал на танки еще одну группу. В 17.10 командиру 8 гшад было приказано выслать еще одну группу в этот район. В трех воздушных боях наши летчики Безверхий и Шокуров сбили Фв-190 и Хш-126. За отличные боевые действия штурмовиков 16.4.44 Маршал Конев, наблюдавший боевые действия групп, объявил благодарность ведущим подполковнику Володину, майору Девятьярову, майору Карнач, майору Абухову.

Володин вел шестерку штурмовиков. Их прикрывала четверка Як-7. С 14.08 до 14.17 они сделали два захода, 10 атак, штурмуя артбатареи полевой артиллерии на северной окраине Таутошти. Володин заметил еще 4 танка, 2 крытых автомашины, склад боеприпасов и до роты пехоты в Вултурул, до 10 повозок по дороге из Вултурул на Яссы. Володин повел группу с севера на километровой высоте в строю – звено в клине. Боевой порядок – звенья в кильватере. Первую атаку Володин нацелил на артбатарею, вторую – по танкам и складу боеприпасов, третью по движущимся повозкам, четвертую – по пехоте противника. – За мной! – командует Володин. Повторный заход и новые атаки идут так же, как при первом заходе. Две автомашины горят, разбиты три повозки, одна батарея, убито и ранено до 50 солдат и офицеров. Рязанов командует: домой. Группа потерь не имела.

В 15.40—16.00 пара Ил-2 из 143 гшад под прикрытием 2 Як штурмовала две роты пехоты, автомашины и окопы с пехотой в районе Редиулуй, Ароняул. Ведущий майор Абухов зашел с северо-западной стороны с высоты 600 м в строю пары, в правом пеленге. С первого захода атаковали отходящие группы пехоты. С небольшим доворотом влево атаковали пехоту и автомашины в Редиулуй. В самолет ведомого мл. лейтенанта Любимова попадает снаряд. Мотор начинает давать сбой. Любимов докладывает командиру, получает команду возвращаться. Абухов, оставшийся в одиночестве, в течение 20 минут, снижаясь до бреющего, продолжал уничтожать живую силу и технику противника. Был создан большой очаг пожара, убито и ранено до 35 солдат и офицеров. Маршал Конев, кроме благодарности, приказал представить к правительственной награде вне очереди майора Абухова.

Шестерка Ил-2 140 гшад, ведомая капитаном Девятьяровым, в период 14.50—15.20с круга четырьмя заходами и 10 атаками уничтожали танки, повозки, артиллерийские и минометные позиции, автомашины по дорогам в районе Таутошти, Вултурул, Яссы. Подход к цели с западной стороны с высоты 800 м в строю шестерки правого пеленга. Атаки Девятьяров производил с углом пикирования 25—40 градусов. Третий заход произвел с круга в кильватере по одному. Атака цели по ведущему. Группа уничтожила 2 танка, 3 автомашины, 20 повозок. Подавлен огонь артиллерийских и минометных позиций. Рассеяно и уничтожено до взвода пехоты.

17 апреля штурмовики сбили Ме-109, уничтожили 5 танков 35 автомашин, много другой техники и живой силы противника. Мл. лейтенант Любимов снова был подбит огнем истребителей и МЗА, но перетянул линию фронта.

18 апреля в дополнение к ранее отданным распоряжениям Рязанов в 5.30 утра приказал командиру 8-й гшад провести разведку, установить подход резервов противника, особенно танков с юга и юго-запада Тыргу-Фрумос и Яссы. В 11.45 с КП 27-й армии Рязанов приказал командирам 8-й и 9-й гшад штурмовать танки и огневые средства восточнее Тэтэрушул. Атаки проводить с круга. Быть над целью не менее 20 минут, проходить через КП и докладывать задачу и разведданные, и другие объекты. Уничтожили 6 танков, 11 автомашин, 10 повозок, батарею, 125 солдат и офицеров. Вернулся подбитый огнем истребителей днем раньше мл. лейтенант Любимов. Он сел вынужденно на фюзеляж. У летчика и стрелка осколочные ранения правой руки. 19 апреля 2 Яка схватились в воздушном бою с 4 Ме-109. Один «мессер» сбили.

24 апреля в воздушных боях сбили 5 Ме-109 и 1 Фв-190. Когда в 18.15 по приказу Рязанова 12 Ил-2 и 10 Яков пошли на штурмовку аэродрома Хуши, их встретили 15 Ме-109. Они сзади снизу со стороны солнца атаковали нашу группу в 18.59 на высоте 1600 м. Истребители противника сковали сопровождение. Ведущий Илов Горобинский приказал сомкнуть строй, отражать атаки, и продолжил полет к цели. Когда до аэродрома Хуши оставалось 4—5 км, группу атаковали 2 Фв-190 и 8 Ме-109. Атаки были настойчивыми. Ведущий увидел новые подходившие истребители противника и приказал: левый разворот, переходим на бреющий, сбросить бомбовый груз. Приказ выполнен. При уходе на свой аэродром группа была еще раз атакована. Атаки, отражаемые летчиками и воздушными стрелками, продолжались до линии фронта. По докладу подполковника Калмыкова, летавшего контролером, штурмовики сбили 3 Ме-109 и 1 Фв-190. Два самолета сбиты в групповом бою, два самолета сбили стрелки Бушуев и Наумов. Десятка Яков, которые вел капитан Шутт, сопровождали 12 Ил-2. На высоте 1800 м в районе Германешти их атаковали 15 Ме-109, затем подошли еще 4 Ме-109. Наши истребители в воздушном бою сбили 2 Ме-109, хотя неприятеля было в два раза больше. Атаковали и наши аэродромы. В 13.25 2 Ме-109 на бреющем атаковали аэродром Кашунка. Первой атакой повредили 2 Ил-2, убили мл. сержанта Ключерова и ранили мл. лейтенанта Гончар. Второй атакой был подбит У-2, проходивший в 3 км от аэродрома. В 13.30 2 Ме-109 на бреющем атаковали аэродромы Брынзени и Козанешти. Сожгли 1 Ил-2 и повредили 5 Ил-2, ранен старшина Бухарев.

25 апреля уничтожили 8 танков, 45 автомашин, 10 повозок, 8 артбатарей, 15 повозок, 500 солдат и офицеров, 70 всадников. 26 апреля уничтожили 5 танков, 54 автомашины, 5 артбатарей, 5 зенитных батарей, 15 повозок, 180 солдат и офицеров, 70 всадников. Не вернулись на свой аэродром 5 Ил-2 и 2 Яка. Капитан Красота был сбит в этот день. В журнале боевых действий 1 гшак за апрель 1944 года написано, что в 9 гшад не вернулись на свой аэродром 3 Ил-2. А) гвардии капитан Красота, стрелок Фомин – сбит ЗА, упал 500 м севернее Яссы, один из экипажа выпрыгнул на парашюте. Б) гвардии мл. лейтенант Ярлыков, стрелок гвардии сержант Типин и мл. лейтенант Голик, стрелок сержант Буринин отстали от группы при подходе к цели. Местонахождение экипажей и самолетов неизвестно. Ярлыков и Красота часто работали в паре. В 8 гшад Ил-2 стажера лейтенанта Степаненко, стрелок мл. сержант Миронов, был подбит ЗА противника. На обратном маршруте задымил и в районе Скулянь упал с высоты 20 м. Самолет разбит, экипаж погиб. Авиация противника в течение дня и особенно во второй половине дня 28.4.44 проявляла значительную активность. Бомбардировщики группами до 20 самолетов под прикрытием 4—6 истребителей бомбардировали и штурмовали боевые порядки наших войск. Истребители группами 2—4 и до 8 самолетов патрулированием в воздухе прикрывали свои войска на поле боя, противодействовали боевой работе нашей авиации. Всего по докладам экипажей и по наблюдениям с КП командира корпуса в районе боевых действий корпуса 28.4.44 отмечено пролет 347 самолетов противника. В течение дня 28.04 частями корпуса про-

ведено 15 воздушных боев, из них 2 воздушных боя проведено Илами. В боях участвовали 96 самолетов противника и 47 самолетов с нашей стороны. Сбито 13 самолетов противника, 4 из них сбили Илы. Уничтожили 21 танк, 106 автомашин, 12 артбатарей, 5 зенитных батарей, 1 минбатарея, 600 солдат и офицеров. Не вернулись на свои аэродромы 6 Ил-2. 29.04 уничтожили 9 танков, 14 автомашин, 9 бронетранспортеров, 1 бензоцистерну, 1 самоходное орудие, 85 солдат и офицеров, сбито два самолета противника. В апреле не хватало горючего, масла, боеприпасов. Но штурмовики громили врага, а разведчики вскрыли основные оборонительные сооружения на направлениях наступления наших войск.

В конце апреля штурмовики Рязанова под прикрытием истребителей мужественно и самоотверженно помогали наземным войскам отражать яростные контратаки врага. На КП Рязанова в районе Таутошты под Дубоссарами И. С. Конев завернул по пути на НП 7-й гв. А Шумилова. Пехота и танки врага крупными силами контратаковали наши войска. Рязанов, вызывая по радио группы Илов, давал им боевые задания и называл маршалу фамилии ведущих. Нет нерискованных боев и операций. В условиях риска спасает только воля командира, его хладнокровие, умение, опыт, смелость принимать, возможно, неоднозначные – оценят по результату – и своевременные решения. Вот в воздухе появилась группа, ведомая командиром 143-го гшп С. Е. Володиным. Ее прикрывали Яки под командой С. А. Карнача. Рязанов приказал Володину подавить огонь вражеского арtpолка, поддерживавшего контратакующие танки и пехоту. Володин трижды заводил свою группу на позиции артиллеристов. Три мощных удара – и разведчик-наблюдатель капитан Д. А. Нестеренко доложил по радио: огонь артиллерии противника подавлен, она прекратила обстрел наших войск. Группе Илов Бегельдинова и командирам еще трех групп Рязанов приказал ударить по контратакующим танкам и пехоте врага. И вновь доклад Нестеренко: контратака отражена, подожжено 16 танков и самоходок, врагу нанесен значительный урон в живой силе, он отвел свои войска на исходные позиции. – Что и следовало доказать, – негромко произнес маршал Конев, внимательно следивший за ходом боевых действий. Он поблагодарил генерала Рязанова за умелое управление действиями штурмовой авиации, приказал всем пилотам, отражавшим контратаки, объявить от его имени благодарность и уехал на НП 7-й гв. А.

16 апреля майор Абухов, оставшись без напарника, под сильным зенитным огнем так успешно штурмовал траншеи врага, что И. С. Конев, наблюдавший атаки, вынес ему благодарность, приказал наградить и поставил его действия в пример. Летчик уничтожил до взвода пехоты, взорвал склад боеприпасов, подавил огонь батареи полевой артиллерии.

Истребитель Николая Шутт как-то не вернулся с задания. Его друзья видели, как он атаковал звено «юнкеров», а затем исчез. В полночь на КП пришел Шутт. Он просил срочно выделить ему механика и автомашину. Пока механик готовился к выезду, Шутт ужинал, рассказывая: – врезался я в строй «юнкеров», стрелки открыли огонь. Какая-то шальная пуля угодила в водосистему. Запарило всюю. Вижу, надо возвращаться. Перетянул линию фронта. Вижу, не дойду до аэродрома, выбрал площадку и сел. Правда, площадка маленькая, кругом минные поля. Но взлететь можно [4]. Отважно сражались и другие летчики 1-го гшп. А. И. Безверхий, комэска 156-го гиап, в Молдавии сбил 6 машин врага: 15 апреля Фв-190, 28 апреля 2 Фв-190 в 2 вылетах, 3 мая Ме-109, 30 мая Фв-190, 31 мая Ме-109. 8 апреля капитан Максимов вел разведку войск противника в районе Яссы. Встретил Фв-190 и сбил его. 16 апреля 6 Илов, ведомые ст. лейтенантом Яковлевым, в районе Редиулуй-Тэтэр разбили 2 танка, 3 автомашины, 6 повозок, 1 батарею минометов. Конев, наблюдавший их работу, поблагодарил летчиков. Шестёрка Ил-2 капитана Яковицкого 23 апреля 1944 года в районе пункта Тэтэр-Карлигул уничтожила 3 танка, 9 автомашин и до 70 врагов. 29 апреля группа 6 Илов, ведущий ст. лейтенант Евсюков, севернее Ясс уничтожила 3 автомашины, 3 бтэра, 1 бензоцистерну и до 75 солдат и офицеров. Групповым огнем с передних точек сбили Хе-126. 28 апреля 4 Як-1 и 8 Ил-2 встретили 6 Ме-109. В воздушном бою ст. лейтенант Павлов сбил

Ме-109. 28 апреля 4 Як-1 и 6 Ил-2 встретили 15 Ю-87, 20 Фв-190 и 6 Ме-109. В неравном и нелегком воздушном бою ст. лейтенант Шокуров сбил Ю-87. 3 июня 1944 года Яковицкий вел группу уже в 16 штурмовиков. Под Таутешти уничтожили 4 танка, 18 автомашин, 1 зенитную батарею и до 50 гитлеровцев. А 8 июня 1944 года его 6 Ил-2 увеличили свой счёт ещё на 3 танка, 7 автомашин, 5 повозок и два взвода пехоты. Рязанов не раз благодарил Яковицкого.

20 апреля 1944 года Василий Георгиевич пишет очередное письмо сыну Георгию: «... Мама жалуется, что ты окончательный книжник – все время неотрывно сидишь над книгой. Так не годится – будешь худой, бледный, сутулый. Поскольку тебе сейчас приходится много заниматься уроками, то лучше литературу отложи до более благоприятных времен. Нужно стараться больше бывать на улице: колоть, пилить дрова. Зимой отгрести снег, скалывать лед, ходить на лыжах. А летом – больше работать на огороде. Будь гвардейцем, как по содержанию, так и по внешнему виду...».

В мае 1944 года противник активизировал свои действия, сколотив мощную авиагруппу в полосе 2-го УФ. Противник, как год назад на Кубани, собрал все три группы JG52. Другие группы усилили свыше сотни новейших истребителей-штурмовиков, истребителей-разведчиков. Бомбардировщики наносили удары по узлам дорог Бельцы, Верешти, Ларга, Ботошаны, по нашим штабам и тыловым коммуникациям. Действовали они в основном с румынского аэродрома Хуши, южнее г. Яссы. 29 мая группа из 12 Илов на рассвете ударила по аэродрому Хуши. Вел майор Храпов. Район Хуши плотно прикрыт зенитной артиллерией. Илы шли на низкой высоте и на большой скорости, чтобы с бреющего полета нанести удар еще до того, как откроют огонь зенитки. Замысел удался. Блинов бомбит стоянку самолетов, замечая, что «юнкерс» загорелся. Мл. лейтенант Куракин уничтожил одно орудие МЗА и поджег один самолет. Только тогда открыли огонь зенитчики. Илы обрушились на них всей мощью своего огня. Замолкло одно орудие, другое, третье. Блинов атакует четвертое орудие, в упор расстреливая его прислугу. Маневрируя по высоте и горизонтали, Илы пошли на третий заход. Заметив Ю-87, стоявший на краю аэродрома, Блинов выпустил по нему пушечную очередь. «Юнкерс» задымил и вспыхнул. Другие Илы довершили разгром аэродрома. Пургин уничтожил на земле Ju-87, подавил огонь зенитки. Всего уничтожили 35 самолетов, 6 зенитных батарей, потеряв 1 Ил-2 и 2 Яка. На следующий день при штурмовке танков противника в районе Ясс группа Илов над целью встретилась с 20 Ju-87. И вновь штурмовики смело вступили в бой, сбили 4 Ju-87, один из которых уничтожил Пургин. Рязанов поблагодарил летчиков.

1 мая наши летчики сбили 3 Ме-109, один из них сбили штурмовики, уничтожили 7 автомашин, 15 повозок, 40 всадников с лошадьми, батарею МЗА, вели разведку. Не вернулись на свои аэродромы 2 Ил-2 и 4 Яка. 2 мая части корпуса провели 17 воздушных боев. В них участвовали 164 самолета противника, 31 Як и 29 Ил-2. Сбили 16 самолетов противника, 4 из них Илы. Не вернулись на свои аэродромы 4 Ил-2 и 3 Як. В результате боевых действий уничтожено 32 танка, 55 автомашин, 4 повозки, подавлен огонь 5 батарей полевой артиллерии, взорваны 2 склада с боеприпасами, склад с горючим, автобензоцистерна, 6 жд вагонов. Создано 6 очагов пожара, убито и ранено 250 солдат и офицеров. На аэродроме Роман сожжено 10 самолетов и повреждено 12. Огнем ЗА сбиты мл. лейтенант Трупаков, стрелок старшина Кастров, капитан Лопатин, стрелок старшина Соловей, стажер лейтенант Крушинский, стрелок мл. лейтенант Бойченко, лейтенант Бычков, стрелок мл. лейтенант Терентьев. Мл. лейтенант Слепченко, 153 гиап, потерялся в воздушном бою, предположительно сбит. 3 мая летчики корпуса сбили 9 самолетов противника в воздушных боях. Не вернулись на свои аэродромы 3 Ил-2 и 1 Як. Уничтожено 4 танка, 23 автомашины, подавлен огонь 3 батарей полевой артиллерии, создано 22 очага пожара, сопровождавшихся взрывами. 4 мая уничтожили 9 танков. 7 автомашин, бронетранспортер, зенитную батарею, батарею полевой артиллерии, 55 солдат и офицеров.

В районе Оборочени 4 мая 1944 года группа пяти Ил-2 И. К. Голчина, с прикрытием 4 Як-1, ведущий лейтенант Попов, после двух заходов на цель встретила более 80 Ju-87 противника и 25 Хш-126 с 25 истребителями, летевших бомбить наши наземные войска. «Сам генерал Рязанов взял руководство боем», – писал Драченко. Действуя по команде Рязанова, Голчин со своими экипажами врезался в строй врага и разбил его. Хотя врагов было больше, И. К. Голчин повёл в атаку лейтенантов Павлова, Кострыкина, Черного и Михайлова. Попов с ведомым Чумаковым завязали бой с Ме-109, не давая им помочь Ju-87. Группа Илов разогнала Ju-87, сбросивших бомбы на свои войска. В этом бою было сбито 8 вражеских самолётов, Ме-109 и Ju-87 уничтожил Иван Голчин, Павлов – два Ju-87. Еще 6 самолетов сбили истребители. Всего 14 самолетов врага. Лейтенант Попов на Як-1 сбил два Ju-87. Командовавший боем В. Г. Рязанов и П. А. Ротмистров благодарили отважных лётчиков – штурмовиков. За этот бой И. К. Голчина наградили орденом Александра Невского, а остальных бойцов – Красного Знамени. Обеспеченность корпуса горючим в тот день была половина заправки, и всего один боекомплект. Газета «Сталинский сокол» 3 июня 1944 года писала: «Пятерка „ильюшиных“ во главе с гвардии старшим лейтенантом Голчиным штурмовала живую силу и технику на переднем крае обороны противника. В момент выхода из атаки наши летчики обнаружили большую группу бомбардировщиков противника, прикрываемых истребителями. Приняв с земли команду высшего авиационного начальника: „Группе тов. Голчина атаковать самолеты противника, разогнать их, сорвать бомбежку наших войск“, гвардии старший лейтенант Голчин всей пятеркой врезался в самую гущу противника и умелой атакой расстроил их боевой порядок. Немцы беспорядочно сбросили бомбовый груз и поспешно ушли с поля боя, потеряв два самолета. Делая второй заход на цель, Голчин обнаружил еще одну группу самолетов противника, по количеству, примерно, равную первой, и атаковал ее. И эта группа потерпела поражение. В бою были сбиты 6 Ю-87, и немцы вынуждены были сбросить бомбы на свои войска. Отлично выполнив боевое задание, штурмовики-гвардейцы уничтожили 4 автомашины, зажгли 3 танка и сбили 8 самолетов противника. Гвардии старший лейтенант Голчин сбил 1 Ме-109 и 1 Ю-87, гвардии лейтенант Павлов сбил 2 Ю-87, гвардии младшие лейтенанты Черный, Кострыкин и Михайлов уничтожили по 1 Ю-87. Один „мессершмитт“ был сбит воздушным стрелком гвардии сержантом Чудановым. При этом штурмовики не потеряли ни одной своей машины. ... Кроме того, наши истребители прикрытия под командованием гвардии лейтенанта Попова сбили 6 самолетов противника. Таков итог боевого подвига гвардейцев». Разведчик-контролер Драченко подтвердил сбитые машины противника, наши – все целы. Войну комэска Голчин закончил Героем Советского Союза.

Через несколько дней летчик этой группы лейтенант С. Черный погиб. Его подбитую машину сопровождал младший лейтенант Ю. Маркушин. Самолет приземлился, но Черный был уже мертв. Тогда же, в этих боях, погибли еще два пилота – однополчане Черного – Е. Буряков и А. Колесняк. Честные ученые ищут истины абсолютные, неисторические. Одна из таких истин, с которой часто встречались фронтовики, – это смерть, неизбежный переход в другую реальность.

Рязанов ставил задачи разведки, борьбы с танками, резервами противника, с его авиацией на аэродромах. Эффективность решения задач непосредственной авиационной поддержки войск Илами по сравнению с 41—42 гг. увеличилась примерно в 6—8 раз. В 1944—1945 гг. темпы прорыва тактической зоны обороны увеличились в среднем в 4—7 раз по сравнению с первым периодом войны и составили 8—15 км в сутки. Такие темпы наступления уже не позволяли противнику парировать удары Красной Армии за счет маневра тактическими и оперативными резервами, а также перегруппировки войск [5].

5 мая части корпуса провели 6 воздушных боев: 28 самолетов противника против 16 Яков и 2 Ил-2. Сбито 5 «мессеров», один штурмовиками. Не вернулись на свои аэродромы 4 Ил-2. Уничтожено 11 танков, 24 автомашины, 6 повозок, подавлен огонь одной артбатарей полевой

артиллерии, создано 3 очага пожара, сопровождавшихся взрывами, взорван склад боеприпасов, убито 50 солдат и офицеров. В период с 2 по 6 мая 1944 года части корпуса, содействуя войскам 7 гв. армии и 5 гв. ТА в прорыве укрепленного района и общем наступлении на Роман, произвели 496 самолетовылетов. Уничтожено 67 танков, 110 автомашин, 10 повозок, подавлен огонь 10 артбатарей полевой артиллерии, создано 30 очагов пожара, сопровождавшихся взрывами, взорвано 4 склада с горючим и боеприпасами, убито 500 солдат и офицеров. В 37 воздушных боях сбито 45 самолетов противника, из них 13 – штурмовиками. Потери: 12 Ил-2 и 4 Яка. Штурмовики работали над целью по 25 минут под огнем зениток и истребителей. Но оказали эффективную помощь наземным войскам.

В районе Бельцы, Яссы авиаразведка обнаружила сосредоточение немецких танков. Алексей Павлов с ведомым Иваном Чумаковым шли курсом северо-западнее Ясс в группе капитана Попова, – там 5 опытных экипажей. За линией фронта появились три группы врага. – Свяжи боем истребителей, – в наушниках Павлова приказ Попова. Павлов с Чумаковым проскочили под «Юнкерсами» и устремились к «мессерам». Один тут же задымил, – Чумаков поджег его с ходу. Лобовая атака. Павлов, увидев перед собой 4 «мессера», скорее для устрашения – прицелиться хорошо не успел – ударил со всех «точек» и поспешил скрыться в облаках. Когда выскочил, немцы крутили карусель. Пользуясь удачной позицией, умело маневрируя, Алексей сбил два истребителя. Столько же – на счету Ивана Чумакова. В облачности они потеряли друг друга. Услышав по радио Ивана, Павлов приказал: – Возьми курс 60 градусов. Через 10 минут встретимся... Попова и Павлова представили к ордену Александра Невского, Чумакова – Красного Знамени.

7 мая уничтожено 9 танков, 10 автомашин, создано 2 очага пожара, сопровождавшихся взрывами, взорван склад боеприпасов, уничтожено до батальона пехоты своих потерь не было.

8-я гшад перебазировалась в село Лунга недалеко от города Бельцы. Летчики летали в разведку, бомбили тылы врага, ходили на свободную «охоту». Рязанов требовал, чтобы летчики постоянно учились, упорно трудились. Чтобы разбирали и обсуждали каждый вылет. Если на Калининском фронте спорили о конструкции «ила», его вооружении, то сейчас обсуждали тактику, схемы построения боевого порядка, взаимодействия с истребителями, наземными войсками. Сам комкор обобщал достижения своих бойцов, формируя главные принципы стратегии, оперативного искусства и тактики применения штурмовой авиации. Когда по просьбе редакций газет «Красная Звезда» и «Сталинский сокол» ему придется написать несколько статей на эту тему, то работы «Штурмовики над полем боя», «Искусство взаимодействия», «Массированные удары штурмовиков», «Некоторые вопросы организации боевой учебы» возникнут естественно, как изложение того, что давно продумано, отработано, пережито.

Организована эффективная работа авиации с наземными войсками. Авиаразведка, аэродромный маневр внедрены и работают без сбоев, как и управление авиацией на поле боя. Важен и выбор силы, мощности штурмового удара. Прежде не хватало опытных летчиков и самолетов, вылетали Илы малыми группами, сейчас можно маневрировать составом. И командир, и штаб корпуса уже хорошо знали, в каких случаях надо применять сосредоточенный удар, а в каких – эшелонированный. Есть и разведка аэродромов, опыт действий по ним, выбор времени удара, организация взаимодействия при налете «пешек», Илов и Яков, временной и пространственный порядки их действий.

В Молдавии Бегельдинов вел эскадрилью. Атаковали, сбросили бомбы, эрэсы, начали разворот для второго захода. В это время зенитный снаряд разорвался рядом с Илом ведущего. Пробило баки, и масло снизу струей ударило ему в лицо, залепило глаза. Он командует: – Ничего не вижу, передаю командование левому ведомому. Пилот летит вслепую, пытаясь удержать самолет, и слышит в шлемофоне голос: – Ручку на себя. Тринадцатый, ручку на себя! Исполнил команду. И вновь тот же голос: – Тринадцатый, держи так. Проходит

несколько минут. Новое сообщение: вышли на свою территорию. Только тут Бегельдинов смог кое-как протереть глаза, осмотреться. Оказалось, Токаренко увидев, что Бегельдинов попал в беду, передал командование истребителями заместителю и пошел ему на выручку. Командуя по радио, вел его. Машина, управляемая слепым пилотом, легко входит в штопор. А так вся эскадрилья без потерь вернулась на аэродром.

С. Д. Луганский вспоминал, как весной 44-го Рязанов привез в полк истребителей делегацию США: командующий авиацией, делающей челночные операции с запада на восток и обратно, два генерала и полковник. Гости интересовались наградами летчиков, их боями. Вечером в общей землянке накрыли стол. После нескольких тостов за победу, за дружбу, создалась непринужденная обстановка. Шум, смех, мешается английская и русская речь. Рязанов хлебосольно угощал гостей, щедро им наливая. Затем он завел речь об открытии второго фронта. Генерал США поспешил перевести разговор. Но Рязанов с невинным выражением лица попросил перевести анекдот. Какой-то чужак у бочки с водой неторопливо отчерпывает в ведро чайной ложкой. «Да чего ты мучаешься? Возьми и отлей сколько нужно». «Зачем? – отвечает чужак. – Мне торопиться некуда». Генерал, ничего не сказав, только рассмеялся и погрозил Рязанову пальцем. Днем полковник Бонт, прилетевший на «Кингкобре», пощелкав пальцем по фанерному крылу Яка, предложил сразиться в учебном бою. Луганский принял вызов, сразу же зашел ему в хвост и ходил за ним, несмотря на маневрирование американца, пока тот не пошел на посадку. А вскоре, при возвращении с боевого задания, пару Луганского над своим аэродромом ждала пара «охотников». Опытный ведомый В. Усов успел выполнить боевой разворот и сбить один из «мессеров», но и сам был сбит. Луганского спасло то, что в начале атаки противника он выпустил шасси, самолет просел, и трассы прошли выше. Пока он убирал шасси и разгонялся, «охотник» вновь обстрелял его, зацепил ногу, разбил фонарь и приборную доску. Но у Яка почти не было горючего, и он стал сверхлегким, способным на крутые виражи и петли. Луганский зашел немцу в хвост, вывел из строя двигатель и дал приземлиться. Вражеского летчика пленили. Луганский писал, как на следующий день: «... Конев вскинул голову и тут же, на поле, приказал командиру нашего корпуса генералу Рязанову: – Я бы хотел иметь сегодня же документ о представлении капитана Луганского ко второй Звезде Героя. Уставным „слушаюсь“ командир корпуса принял к исполнению приказ Маршала». Вскоре Луганский в паре с И. Кузьмичевым, встретив четверку немецких «охотников», вошли в большое облако, где, мгновенно выполнив переворот, с ходу атаковали немцев, сбив в упор два самолета. Оставшаяся пара ушла затяжным пикированием. Осенью 1944-го года к аэродрому, где базировалась дивизия Баранчука, подошли две американские «летающие крепости». Их посадили на аэродроме.

После гибели в бою командира полка Телегина Луганского назначили командирам 152-го гиап (бывший 270-й иап). В день своей гибели, совпавший с днем его рождения, Телегин жаловался Луганскому на приснившийся ему плохой сон, выглядел подавленным. Тот уговаривал друга денек отдохнуть. Но последовало задание: срочно прикрыть «пешки» Полбина. По приказу Телегина в бой ушли одни старики. В воздушном бою Телегин сбил Фв-190, но и сам, как все думали, был убит в кабине – его самолет падал отвесно. Но это в книге Луганского фамилия комполка Телегин. Настоящий командир был дружен с Рязановым, носил фамилию Меркушев, и он не погиб, а попал в плен.

В районе Ясс девятка Илов, во главе со Степановым, при подходе к цели встретила группу 18 Ю-87 с прикрытием 12 Ме-109. Всегда спокойный и деловитый, Степанов был очень смелым лётчиком. Илы прикрывали 6 Яков. Рязанов командует: Степанов! Атакуйте «юнкеры». До этого небо было чистое, просторное, а тут сразу стало тесно. Как вороньё, воздух заполняли самолёты с чёрными крестами. Несмотря на двойное превосходство врага, гвардейцы не дрогнули. Ме-109 сковала наша шестёрка Яков. На «штуке» Ю-87 в этих боях воевал и Ханс-Ульрих Рудель, – летчик, имеющий больше всего наград из всех воинов Германии. На короткой

дистанции Степанов дал длинную очередь по Ю-87. «Юнкерс» скользнул на крыло, вспыхнул ярким пламенем и рухнул на землю. Илы сбили вторую машину врага. Ю-87 поспешно сбросили бомбы и повернули обратно. Что дальше делалось в воздухе, не поддаётся описанию. В диком рёве моторов и грохоте выстрелов во всех направлениях носились в воздухе самолёты. Однако гвардейцы расстреляли ещё 3 вражеские машины. Штурмовики затем пошли на цель и сбросили бомбы на вражеские позиции. Открыли огонь зенитки, но вскоре прекратили, опасаясь сбить свои самолёты. На помощь немцам подлетали «мессеры», к нашим – Яки. Рязанов передал: молодец Степанов! Молодцы «горбатые»! Идите домой. Заварив эту кашу и сбив шесть вражеских машин, штурмовики возвращались на свой аэродром, не потеряв ни одного «Ила». Комкор приказал наградить всех участников вылета. Коптев в кровь стер шею в этом бою, когда вертел головой. Степанов за решительные и умелые действия был отмечен орденом Александра Невского. Коптеву он сказал: – Привыкай! Лиха беда начало. Теперь ордена на тебя посыплются. Только грудь выпячивай!

Но так было не всегда. Драченко писал: «Вечером в столовой опрокинул свои наркомовские сто граммов, но легче от того на душе не стало. Сцепился с Сергеем Луганским, вспыхнул берестой. Выговаривал ему за тот случай, когда нас атаковала дюжина гитлеровцев, а его истребители, увлекшись боем, бросили нас на произвол судьбы. А ведь генерал Рязанов не раз напоминал истребителям: за тех штурмовиков, кого собьют с земли, он спрашивать не будет. Если же потери у штурмовиков появятся от фашистских истребителей, он будет рассматривать это как невыполнение приказа. Сергей доказывал, что ситуация сложилась настолько трудная, что сам, мол, еле-еле дотянул до аэродрома. Крепко поругались. Так и разошлись, надолго затаив друг на друга обиду. В этом вылете наши истребители прикрытия сбили шесть Ме-109, но и потеряли пять „яков“. Урок тогда нам дали поучительный: нет взаимодействия – нет победы».

Писатель Валентин Катаев приехал к командиру 8-й гшад полковнику В. П. Шундрикову [2]. Вот как Валентин Катаев описал в своих путевых заметках встречу с Шундриковым: «Это прирожденный воздушный боец. Штурмовик до мозга костей. Человек железного мужества, стремительных решений, он беззаветно храбр, грозен в бою, беспощаден к врагам и доброжелателен, даже нежен к своим товарищам. Выглядит очень молодо. В нем есть что-то мальчишеское, задорное, почти детское. Он худощав, строен, быстр в движениях. Его руки, привыкшие к штурвалу, постоянно работают. Если он рассказывает что-нибудь, особенно какой-нибудь боевой эпизод, его узкие, гибкие ладони ловко и быстро изображают все то, о чем он говорит».

У Валентина Катаева есть замечательная повесть «Сын полка». В интернете она по праву стоит под рубрикой «100 лучших книг всех времен». Катаев написал ее в 1944-м году, когда очень свежи были описанные там события. Сам Катаев был в это время в гостях в 8-й шад, и в полку Матикова тоже, писал очерки о летчиках. Может, и услышанная там история, тоже как-то легла в копилку авторского замысла. Хотя в повести события происходят у артиллеристов, но и в матиковском полку был свой сын полка. Леонид Михайлович Гольверк в феврале 42-го остался сиротой, его родных расстреляли немцы, сам он, двенадцатилетний тогда, спасся чудом, долго бродяжничал, а под Харьковом попал на аэродром 673-го шап, встретил Матикова и замполита Зака и упросил их взять его в полк воспитанником. Он помогал прибористам и оружейникам. Матиков приказал учить его по школьной программе, и механик по приборам Павел Сидоров занимался с ним арифметикой и русским языком. Обмундировали его по форме, даже летный шлем на детскую голову пошили. Полтора года он нес солдатскую службу, а служащие полка относились к нему, наверное, с такой же нежностью и любовью, как офицеры и солдаты к Ване Солнцеву в книге Катаева. Потом Рязанов, – у него самого был сын такого возраста, – запросив управление кадров Красной Армии, разыскал старшего брата Леонида, командовавшего автомобильной ротой, и отправил мальчика к старшему брату. Я встретился с Леонидом Михайловичем в 2016 году, когда ему было уже 85 лет. Самым луч-

шим и светлым, пронизанным чувствами верности Родине, святому товариществу, несмотря на военные опасности и лишения, в памяти бывшего сына полка оставался период его жизни в 673-м шап – 142-м гшап.

В селе Лунга на полу – домотканые полосатые дорожки. Камышовые крыши, аисты над большим гнездом. Встречали с молдаванами Первомай, те отмечали и пасху. Хозяева щедро угощали наших солдат. Поднимали тосты за победу, за мир. Отказываться не получалось. Гостеприимные хозяева чуть ли не силой заставляли попробовать все блюда и вина. Вино такое, что утром выпьешь воды и хмелеешь. Пospела черешня.

Рязанов жил в Молдавии в доме священника, в котором были две большие собаки, привязавшиеся к Василию Георгиевичу, любившему собак и подружившемуся с ними. Одна овчарка охраняла дом, а вторая не отходила от генерала, иногда пугая тех, кто докладывал ему. Василий Георгиевич любил собак и лошадей. Они отвечали ему взаимностью. Животные чувствуют добро и силу человека, полностью подчиняясь тому, кто искренне их любит, заботясь о них. Огромного пса Джека, оставленного бежавшими румынами, обучили охране в дополнение к уже имевшимся у него служебным навыкам. Автоматчики, охрана Рязанова, не могли нарадоваться. Днем Джек спал, а ночью ревностно нес службу по охране. Потом к «умнейшему старикану», – как его в письме называл Рязанов, – Джеку добавился забавный щенок Рольф. Почти год собаки сопровождали генерала, давали какую-то разрядку от адского труда. Среди книг с автографом Рязанова осталась и одна уже послевоенная, 1947-го года издания, Осоавиахим, «Экстерьер и породы служебных собак», автор А. П. Мазавер.

Замполит 155-го гшап подполковник Мельников в политотдел корпуса: 26.04.44 г. «Плохо работает врач полка капитан медицинской службы Брандес... В „шутку“ порекомендовал местному населению попом адъютанта эскадрильи гвардии лейтенанта Шевченко. Ему поверили. Церковный староста пришел к Шевченко и обратился с просьбой служить в церкви на пасху. Ошибка Брандеса была тут же исправлена. С ним мною проведена беседа по приказам командования о поведении в Бессарабии».

Войска 2-го УФ перешли к обороне. А у летчиков без перерыва шла тяжелая боевая работа. От зари до зари штурмовики и истребители вели разведку, не давали гитлеровской авиации делать налеты на недавно освобожденные города, села, ж. д. станции. Рязанов приказал провести глубокую воздушную разведку в районе Ясс. От 140-го гшап 4.6.44 выделили два опытных экипажа лейтенанта К. Круглова и мл. лейтенанта И. Драченко. С ними Яки капитана С. Луганского. Облачность над аэродромом Лунга метров шестьсот. Но у линии фронта небо расчистилось. Сверху слева 12 «мессеров» начали расходиться для атаки. Восемь вражеских машин потянулись к Якам Луганского, четыре стали пикировать на Илы. Спасли их маневр «ножницы» и отточенная техника пилотирования. Пара Илов, идущих небольшим уступом по отношению друг к другу – ведущий немного выше ведомого, – производит обмен местами. Если ведомый идет справа сзади, то он переходит низом налево, а ведущий – сверху вниз направо. Потом снова, но уже с обратным креном. Оба летчика все время видят хвостовое оперение друг друга. «Ильюшины» снизились до бреющего и ушли от «мессеров». Провели фотографирование, и разведчики развернули машины к аэродрому базирования. Тут на них снова набросились «мессеры» и «фоккеры». Воздушные стрелки отбивались мастерски. Пошел к земле один «фоккер», попавший в прицел Драченко, второй подвернул сбоку на штурмовик Круглова, ударив по нему из пулеметов. Машина задымила, стала отставать, теряться из виду. Противники «клевали» Ил Драченко на всем пути до села Егоровка. Отстали, видимо, выработав горючее. Когда Драченко приземлился, его окружили летчики и техники. У штурмовика обшивка свисала клочьями, зияли дырами более трехсот пробоин. Но фотокамеры оказались целыми. В лаборатории сразу же проявили пленку, и дешифровщики, не мешкая, представили снимки командованию. Сведения оказались ценными [2]. «Была жестокая война, и чтобы побе-

дить, надо было выложиться полностью. Иного пути у нас не было. Так мы и поступали», – отвечал на вопрос журналиста И. Драченко уже после войны.

Фотографирование Ясс и прилегающей к ним местности выполняла в эти дни и пара разведчиков из 143-го гшп – ст. лейтенант Б. Мельников и лейтенант В. Ермолаев. С Илами на задании 4 Яка Н. Шутта. У Ясс ударили огнем «эрликоны». Разведчики стали на боевой курс, включили фотоаппараты. Заход, разворот, еще заход... Огонь на Илах сосредоточили зенитки. Разведчики прошли третий заход, зашли на последний – четвертый. Зенитки прекратили огонь. Значит, где-то в воздухе «мессеры». – «Горбатые», топайте домой! – приказал Шутт, и четверка Яков вступила в схватку с двенадцатью «мессерами», заставив их покинуть поле боя. Разведчики благополучно вернулись на свой аэродром Кашунка. Отсюда пилоты Б. Мельников и В. Ермолаев сделали еще около десяти вылетов только на разведку. Столько же полетов на фотографирование провели и летчики В. Олейников, В. Серебряков, И. Сушихин, В. Мякенький, Ф. Прокопов.

Мл. лейтенант Василий Андрианов на кишиневском направлении первым вскрыл передний край оборонительной полосы противника по реке Бык и помог решить много неясных вопросов по изучению сил противника. В представлении Андрианова к званию Героя написано: «...отличный разведчик, бесстрашный летчик-штурмовик. Его каждый боевой вылет наносит врагу огромный урон в живой силе и технике». В разведке на кишиневском направлении было очень непросто лететь над скрывающимися и сильно прикрытыми зенитками позициями врага. Надо собрать в кулак всю волю, чтобы не сорваться, не бросить машину в пике на все эти несчетные огневые точки. Но воздушный разведчик не имеет права отвечать ударом на удар, его задача важнее: информация.

После того, как 2-й УФ закрепился на рубеже Дубоссары, Рэдэуци, авиация врага, значительно увеличив свои силы, совершала массированные налеты. Истребители Подгорного и Утина ежедневно сжигали по 200—300 тонн горючего, а Илы Рязанова и Степичева – еще больше, противодействуя неприятелю. Рязанов послал 12 Илов капитана Горобинского под прикрытием группы Яков Луганского на аэродром Хуши. Когда их атаковали немецкие истребители, наши летчики отбились и продолжили курс на Хуши. В районе Дуда, километрах в сорока севернее Хуши, снова вражеская атака – уже 29 «мессеров». Штурмовикам пришлось срочно освободиться от бомб, чтобы вместе с истребителями вести воздушный бой с врагом. Бой был удачным: сбили 10 вражеских самолетов, сами потерь не имели. Правда, некоторые штурмовики и истребители были повреждены и приземлились в поле, на своей территории.

Борьба в воздухе не прекращалась. К 16 апреля на аэродромы северной Румынии перебазировались I и II/JG 52, здесь же обосновались «фокке-вульфы» 10-й штурмовой эскадры. 20 апреля к ним присоединились «мессершмитты» IV/JG 54, а 11.05 после потери Крыма – и III/JG 52. Ближайшая база снабжения наших истребителей находилась в Вапнярке – за 160 км от аэродромов. Полевые площадки не вмещали всех самолётов. В мае почва подсохла, но автотранспорта не хватало, и снабжали штурмовики и истребители самолеты У-2 312-й нбад. Вдоль долины реки Реут, где находилось большинство аэродромов, постоянно шныряли немецкие «охотники» и один только 930-й нбап потерял в транспортных операциях 7 опытных пилотов. У Люфтваффе появились шансы вновь перехватить инициативу и завоевать господство в воздухе в преддверии немецкого наступления для ликвидации советских плацдармов на реках Сирет и Жижица [7].

Н. И. Пургин на вопрос: «А Вы видели результаты своей работы?» отвечал: «А как же. В феврале, когда немцев погнали с Украины, мы с Веревкиным (он потом погиб в Львовской операции) пошли на разведку на Дубоссары. Разведали мост, сбросили по нему бомбы – одной попали, и пошли на дорогу. Километров пять отлетели от Дубоссар, смотрим, сплошной колонной идут войска: машины, кони, люди. А на черноземье весна – это значит грязь по колено, с дороги в поле не свернешь. Мы разошлись по сторонам, он – вправо, я – влево. Пошли вдоль

дороги на высоте 10—15 метров. Машину поддернул, 200 метров набрали, пикируешь на них, поливая из пушек и пулеметов. Снизился, перешел на другую сторону, теперь его очередь. Люди пытаются убежать из этой колонны, а куда ты убежишь? Вот так километров восемьдесят мы летели. Дошли до Котовска – уже патроны и снаряды кончались. Там обстреляли кавалерийскую часть. Запомнились раненые лошади – они подняли бунт, оборвали поводья. 10 секунд, и мы проскочили. Пришли, доложили, что шли над колонной, создали заторы. Подняли все три полка на эту колонну. Три полка там работали! Бомб не было – не подвезли, только из пушек, пулеметов и ракетами работали. Я второй раз туда не ходил. Сопrotивления никакого там не было, они не стреляли. Потом нас перекинули в Молдавию, в город Оргеев. На переправу через Днестр, западнее Кишинева, майор Вереvкин повел шестерку. Пришли, отработали в одном заходе по скоплению техники и людей и на бреющем полете пошли на свой аэродром. По дороге шерстили какие-то повозки. Вдруг смотрим, а по узкоколейке паровозик тащит три вагона. Мы постреляли – солдаты начали выпрыгивать. Вереvкин становится в круг, и давай их колотить. В одной из атак Вереvкин хвостом зацепился за трубу паровоза и на аэродром привез кусок этой трубы – еще бы на десяток сантиметров ниже, и он бы там остался. А вообще-то на радиаторах частенько привозили куски кожи, землю, ветки». Вереvкин воевал на Харьковском и Кировоградском направлениях, участвовал в форсировании рек Днепра и Прута, в боях на Кишиневском и Яском направлениях. Боевую доблесть летчика отметили двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени. 14 июля 1944 года при выполнении боевого задания Вереvкин погиб. Рязанов высоко ценил доблесть и умение Василия Вереvкина. 26 октября 1944 года Вереvкину Василию Трофимовичу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Группа штурмовиков капитана Компанийца 2 мая 1944 г. ударила по аэродрому Роши, уничтожив 10 и повредив 12 самолетов противника, и без потерь вернулась на свой аэродром. Выяснив, что в Хуши прибыло более 60 «юнкерсов» и «мессеров», Горюнов приказал Рязанову нанести по ним штурмовой удар. 12 самолетов сожгли на стоянках, Яки прикрытия сбили 5 машин. А 12 Илов сбили еще несколько самолетов врага, напавших на них. Вел Илы Чернецов. Аэродромы – точки связности в воздушной войне. Удары по ним приносят победу, требуя мастерства от командиров и летчиков, необходимости риска и жертв, внезапных, быстрых и сильных действий. Своевременно и эффективно атаковать аэродромы врага – высокое искусство. Метко штурмовали врага, его артбатареи и танки, ст. лейтенант Шакурин, подполковник Шишкин, ст. лейтенант Чернышев. 1 мая 4 Як-1 сопровождали 6 Ил-2, встретили 8 Ме-109, вели воздушный бой. Ст. лейтенант Павлов сбил Ме-109. 2 мая 1944-го в 16.00 4 Як-1 сопровождали 6 Ил-2 143-го гшп, ведущий Афанасьев. В воздушном бою на высоте 600 м с 10 Ме-109 и Фв-190 лейтенант Меншутин сбил Фв-190.

Группа 9 Ил-2 144-го гшп под командованием мл. лейтенанта Мочалова вылетела на штурмовку ж. д. эшелонов на участке Унгены – Пырлица. На маршруте к цели группу Рязанов по радио с КП перенацелил по танкам южнее высоты 197. Приняв команду с КП, Мочалов вышел на заданную цель, где находилось до 30 танков и 5 автомашин. С высоты 1000 м и до бреющего полета, в правом пеленге, группа нанесла удар. В результате удара экипажи наблюдали 6 горящих танков и 2 автомашины. Группа вернулась на аэродром без потерь, получив благодарность от Рязанова. В Молдавии летчики нашей 8-й дивизии впервые увидели реактивный самолет. Он с огромной скоростью атаковал наш аэродром, сжег один самолет, и легко ушел от преследования. Одиночный немецкий истребитель пролетел на бреющем полете над зданием, где размещался наш штаб.

В Молдавии сумел найти своих и вернуться в родную часть после госпиталей Леша Минеев. На радостях он так праздновал свое возвращение, что даже на следующий день Рязанов сказал ему: «Чтобы ты, Лешка, в таком виде ко мне больше не являлся». Но тоже обрадо-

вался его возвращению и сделал Лешу своим адъютантом. Минеев полгода совмещал обязанности шеф-пилота с адъютантской должностью.

Рязанов любил летать сам и не расставался при всех перемещениях с маленькой польской авиеткой РВД (полосатые крылья, восьмицилиндровый мотор, сиденье широкое, скамейка для двух человек, сидящих рядом друг с другом, как на лавочке в парке, а не один за другим, как обычно в самолетах), сам перегонял ее с места на место, никому не доверяя. На Калининском фронте Рязанов все время летал на ней: по аэродромам, на передовую и т.д., используя авиетку, как личный транспорт. Но техника не так вынослива, как люди. В Польше, под Жешужом, авиетку разбил при посадке летчик эскадрильи связи корпуса. Рязанов сожалел, что изменил прежнему правилу: никому не доверять этот аппарат. Остатки самолетика сожгли. Пришлось летать с шеф-пилотом на ПО-2. Когда несколько раньше, в том же 1944 г., был составлен акт о списании авиетки по старости, Рязанов сказал: вот что, этот акт я повешу у себя над кроватью, а вы сделайте все, чтобы она летала. Я помню Алексея Ивановича Минеева, – он сам это мне рассказывал, когда навещал маму, фронтовую его соратницу. Авиетка – это такой маленький самолетик, как танкетка по сравнению с танком. Не знаю, выпускают ли их сейчас. Наверное, ощущение полета в авиетке было более непосредственным, чем в закрытой кабине? Несмотря на миниатюрность авиеток, наши летчики достигали на них высот до 5000 метров.

Об этом самолете Василий Георгиевич писал сыну: «...Сейчас ты, вероятно, уже полностью втянулся в учебу. Здесь пока признаки осени не проявляются. Стоит жаркая погода. У меня тоже непрерывно жаркие дела. Противник сопротивляется с отчаянием безысходности. Получил я орден Богдана Хмельницкого первой степени. Самолет мой все живет. Хотя ему много доставалось – и бомбили, и стреляли. Сейчас опять подновили, покрасили – выглядит, как новый. Я доволен, что у тебя налаживается дело с фото. Пришли мне что-нибудь из своих фотоснимков. 4 сентября 1944 года». Но самолету уже оставалось немного жить. Рязанов же непрерывно руководит авиационной обороной плацдарма, днем направляя летчиков на каждый атакующий танк, а по ночам готовит боевые вылеты. В другом письме он пишет, что нет времени ни на еду, ни на сон.

При полетах Минеева и Рязанова не раз подстерегали опасности. Так, Минеев рассказывал, как возле окруженной Бродской группировки можно было лететь вдоль нашей территории, огибая «котел», и можно было пересечь узкий перешеек, занимаемый противником. В последнем случае выигрывалось минут тридцать, и Рязанов в часы, когда каждое мгновение действительно было дороже золота, решая очень многое, приказал лететь прямо. Тут же начался ураганный обстрел. Минеев резко спланировал, перешел на скольжение. Рязанов еще отругал его сначала за такой резкий маневр, а затем извинился и похвалил. ПО-2, как сухой лист, слетел к земле и на бреющем полете устремился к лесу. Ушли из-под обстрела. Пять дырок, пробоин от пуль и осколков нашел потом в самолете Минеев. В Молдавии, когда возвращались в Багринешты, попали под огонь «Мессеров», гнавшихся за нашими штурмовиками, возвращающимися с задания. В другой раз «Фоккеры» заметили командирский самолет и открыли огонь. Спаслись, нырнув в балку. Минеев говорил, что летали на высоте 5—6, максимум 20—25 метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.